

СОЦИ ДИГГЕР

18+

ВЦИОМ

УЧАСТВУЮТ:

приглашенный редактор номера:
к. полит. н., научный сотрудник
ИНИОН РАН

Константин Пахалюк*

* признан иноагентом

д. социол. н., профессор кафедры
социологии и психологии,
Самарский государственный
экономический университет

Владимир Звоновский

к. филол. н., литературовед

Михаил Эдельштейн

д. социол. н., профессор факультета
социальных наук НИУ ВШЭ

Елена Рождественская

к. филос. н., доцент Школы философии
и культурологии факультета
гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Арсений Куманьков

и другие эксперты

1989

2023

ТЕМА ВЫПУСКА

МОБИЛИЗАЦИЯ. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

ВЦИОМ
• Основан в 1987 году •

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово приглашенного редактора Пахалюк К. А. Культурная травма и нормализация чрезвычайности.....	3
Тренды выпуска Якимова О. А. Межстрановые военные конфликты: анализ трендов.....	8
История и историческая память Куманьков А. Д. Война и справедливость.....	13
Нелипович С. Г. «Было разрешено призывать частично парализованных»: мобилизация периода Первой мировой войны в России	21
Рождественская Е. Ю. «Мы-то свою задачу выполнили». Контуры рефлексии и памяти об Афганской войне в среде ее ветеранов	26
Мобилизация на фоне СВО Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Государственное событие и личные трагедии: становится ли спецоперация коллективной травмой для россиян?	37
Мельникова В. Д. Организация правовой и психологической помощи мобилизованным и их близким.....	48
Норин Е. А. Низовая активность и гуманитарная помощь жителям Донбасса.....	54
Кудюкин П. М. Элементы чрезвычайщины и правовые коллизии. Мобилизация и трудовые отношения в современной России	62
Пахалюк К. А. «Вот вы дичь перепуганная»: мобилизация в телеграм-каналах военкоров	70
Культурная мобилизация Эдельштейн М. Ю. Культ смерти и православное неоязычество: Z-поэзия как отклик на мобилизацию.....	83
Аликин А. Ю. Что Z-поэзия говорит нам о будущем	90

**ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ
«Мобилизация. Вчера и сегодня»**

СКАЧАТЬ

**САЙТ СОЦИОДИГГЕРА.
ВСЕ ВЫПУСКИ**

SOCIODIGGER.RU

**ПАХАЛЮК
КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ**

кандидат политических наук,
научный сотрудник ИНИОН РАН

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ПАХАЛЮКОМ КОНСТАНТИНОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ПАХАЛЮКА КОНСТАНТИНА АЛЕКСАНДРОВИЧА

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА И НОРМАЛИЗАЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОСТИ¹

Есть времена, где солнце — смертный грех.
Не человек — кто в наши дни живет.

М. Цветаева

На протяжении десятилетий многие эксперты искренне верили, что век тотальных войн — когда противостояние пронизывает всю социальную ткань, а ранее безобидные вещи проверяются, не угрожают ли они победе, если не могут быть превращены в средства ее достижения, — окончательно ушел в прошлое вместе с эпохой промышленных индустриальных экономик. Казалось, что, по крайней мере, будущее Европы — это вечный мир, сотрясаемый иными «войнами» — социальными, экономическими, культурными, экологическими. Пусть даже вокруг идентичностей и истории. Правда, тем самым понятие «войны», будучи применено к совершенно нормальным явлениям, испытало опасную инфляцию. Казалось, что масштабные вооруженные конфликты в лучшем случае — удел «провалившихся государств» (failed state), а задача развитых стран — поддерживать мир, проецируя силу в разных регионах за счет гибкого управления и мобильных профессиональных соединений. Конечно, «гуманитарная интервенция», «проекция силы» или «миротворческая операция» зачастую были эвфемизмами. Но все же они схватывали особенности «войн нашего времени», ставших для развитых государств разновидностью полицейских операций. Россия не была исключением, выступая посредником / силовым брокером в ряде конфликтов на постсоветском пространстве, а затем на Ближнем Востоке (с середины 2010-х годов) и в некоторых странах Африки (если принять во внимание ЧВК «Вагнер»). Значительную часть общества это совершенно не касалось.

Все это чем-то напоминало Европу начала XX века. Одни расслабленно заверяли, что, раз больших европейских войн уже давно не было, то они уже и невозможны по це-

¹ Мнение автора может не совпадать с мнением редакции.

лому ряду причин. Среди последних «тронное место» отводили экономике и международной экономической кооперации. Другие, наоборот, дерзновенно желали сходиться в «увеселительный военный поход», который ввиду все тех же «объективных сил» не обещал быть долгим. Символично, что именно в 100-летний юбилей начала Первой мировой вспыхнули первые реальные «искры» текущего конфликта. Его быстрая заморозка также вселяла уверенность, что все идет свои чередом. В конечном счете перед глазами немало других успешных и достаточно близких примеров (Кипр, Босния и Герцеговина и пр.).

Если не считать постепенное наращивание воинственной риторики, российское общество мало чем отличалось от других европейских стран. Демографический переход в виде низкого уровня рождаемости стал одной из основ формирования «постгероических» обществ, отличающихся высокой чувствительностью к военным потерям и готовых принимать идентичность воинов лишь в виде игровой модели (см. статью [А. Кузьманькова](#)). К последней мы относим не только популярную культуру или компьютерные игры, но и в принципе всю систему военно-патриотического воспитания и военно-исторической пропаганды. Травматичный характер Великой Отечественной войны — с его «лишь бы не было войны» — к концу 2000-х годов сам стал достоянием истории. А конструирование национальной памяти вокруг мерцающе-блестящего образа Победы превращал тему трагедии войны в малозначимый фон. Войны в виде «проекции силы» оставались уделом профессионалов, однако даже государство не испытывало никакой потребности в их широком прославлении и превращении в значимый элемент культурной идентичности.

Виртуализация войн под победоносные фанфары подпитывалась навязчивым стремлением легитимировать войны прошлого, а также выигрывать их задним числом — посмотрите риторику «официальных историков» относительно Крымской, Русско-японской и Первой мировой войн. Это увеличивало ряды болельщиков, готовых — на удаленке, под лозунгом «можем повторить» — оправдать радикализм. История превратилась не только в основной ценностный язык российской политики — она, согласно социологическим опросам, стала и главным предметом гордости россиян². Однако конструирование гражданского культа вокруг Великой Отечественной войны, ностальгия по советскому, все более последовательное вглядывание в имперское прошлое вели к формированию культурной травмы относительно распада СССР. Подчеркну, что травма — это негативное событие, которое человек не может преодолеть психологически, оно постоянно цепляет его и заставляет мысленно к себе возвращаться, переживать вновь и вновь. Культурная травма отсылает к смысловому сбою в масштабах общества, невозможности что-то проговорить, признать и оставить в прошлом. Выражаясь метафорически, культ Победы стал порочным лекарством, которое в среде консерваторов и государственников (всех тех, кто принял «консервативный поворот») лишь усиливало травматизацию.

Пристальное вглядывание в прошлое неизменно порождало убежденность, что те территории, которые ныне составляют суверенные государства, «на самом-то деле наши,

² История, спорт, наука: чем гордятся россияне? // ВЦИОМ. 29.07.2013. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-sport-nauka-chem-gordyatsya-rossiyane>.

свои». Ни государство, ни интеллектуальные элиты не тратили сил на то, чтобы доказать, что нынешние границы России — объективная данность, требующая уважения. Крымская весна показала, что подобная ностальгия может стать основой для политического действия, имеющего широкую поддержку. Причем в основе была не просто виртуальная реальность, но и вполне себе осязаемый опыт взросления и социализации в Советском Союзе, при иных границах³. Казалось, что выход на историческую арену нового поколения, с пеленок принимающего современную Россию как данность (а я отношусь именно к нему), со временем сделает эту проблему неактуальной.

Все резко поменялось после 24 февраля 2022 года. Предварительные расчеты не оправдались, а Россия втянула себя в затяжное противостояние, требующее срочной перестройки экономики под «методичным руководством» государства. Частичная мобилизация, начатая 21 сентября, принесла вооруженный конфликт — реально или в обозримой перспективе — практически в каждую семью. То, что изначально было названо спецоперацией, как мне кажется, теперь должно было стать народным конфликтом (вне зависимости от намерений самого народа). Серьезный отток трудоспособных и зачастую высококвалифицированных граждан за рубеж стал фактически единственной ненасильственной формой политического протеста, доступной, впрочем, далеко не многим. Желание властей обеспечить поддержку привело к формированию в медийном и отчасти культурном пространствах Z-повестки, эксплуатирующей идеи «решительного противостояния» чуть ли не всему «западному миру» во имя (с осени 2022 года) «выживания России». Апокалиптический взгляд — когда нам говорят, мол, «иначе было нельзя», — не привел к общественной мобилизации, но, по моему мнению, лишь усиливал деморализацию общества.

К сожалению, параллели если не с Великой Отечественной, то с Первой мировой войной уже не являются просто праздными рассуждениями: как и 108 лет назад, последовательное достижение пусть и не совсем четко обозначенных политических целей ведет за собой «тотализацию противостояния», реальный перенос логики военного времени на все сферы. Правда, не нужно забывать, что «тотализация» — часть внутренней жизни только России, а не западного мира (см. статью [С.Г. Нелиповича](#)).

Полагаю, краткосрочные последствия частичной мобилизации скорее были негативными. Прежде всего, речь идет об изъятии трудоспособного населения из экономики (не менее 300 тыс. мобилизованных, по разным данным более 200 тыс. также выехало за рубеж в первые две недели, однако это не учитывает и тех, кто впоследствии вернулся). Также наблюдалось и сокращение потребительского спроса (пострадали общепит, продажа продуктов повседневного потребления, автомобильный, туристический сектора, индустрия развлечений)⁴. Правда, это в свою очередь сдерживало инфляцию. Несомненно, макроэкономические показатели России продемонстрировали определенную стабильность, которая не была нарушена мобилизацией.

³ Гельман В.Я. Недостойное правление. Политика в современной России. СПб., 2019. С. 32; Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М., 2019. С. 118—119.

⁴ Как частичная мобилизация отразилась на российской экономике // Тинькофф Журнал. 24.11.2022. URL: <https://journal.tinkoff.ru/mobilisaton-hits-economy>.

Несколько сложнее оценить среднесрочные социальные последствия мобилизации, с трудом выражающиеся в количественных показателях. Для их понимания мы предлагаем два понятия — травмы и нормализации чрезвычайности.

Участие в боевых действиях всегда травматично, а количество комбатантов уже в несколько раз превысило число участников Афганской войны за десять лет при куда меньшем населении страны. Возвращение их к мирной жизни станет вызовом для российского общества и государства (см. подробнее интервью с [Еленой Рождественской](#) и [Павлом Кудюкиным](#)). Однако необходимо поставить вопрос и о культурной травме. Сжатие публичного пространства привело к оцепенению интеллектуального класса, переживающего, как мне кажется, перманентно разворачивающуюся катастрофу. Возможность производить смыслы оказалась в руках либо радикалов Z-повестки, стремящихся сформировать образ «народной войны», либо в среде новой волны эмиграции (современные технологии только сокращают, но не устраняют образовавшуюся дистанцию). Несмотря на сжатие публичного пространства, сторонникам проводимой политики не удалось породить новое смысловое поле (отчасти это описано в [моей статье](#) в данном выпуске, а также в интервью с [Михаилом Эдельштейном](#)). Отталкиваясь от метких наблюдений А. Ф. Филиппова, мы все же должны признать, что «стерильное возбуждение» идейных виртуозов привело даже не к «тирании ценностей», а к «тирании, жадно ищущей, какими бы ценностями прикрыться»⁵. Постоянная апелляция к геополитическим рассуждениям и историческим аналогиям скорее ведет к отчуждению: в условиях кризиса людям предлагается думать и осмыслять то, что не является предметом их профессионального интереса, никак не связано с их повседневной жизнью и на что они не могут влиять⁶. Стоит ли удивляться, что само противостояние в официальной риторике стало считаться «войной за историю», а в качестве символа весной предложили образ старушки с красным знаменем — образ, который уже к осени сам стал достоянием истории?

Если довериться опросам общественного мнения, которые показывают, что около 20 % напрямую заявляют о несогласии с текущей политикой, а около 8 % затрудняются с ответом, то речь идет о расколе в обществе, а значит, и культурных моделей, ранее обеспечивавших связность⁷. Еще более сильное выражение раскол имеет в возрастном измерении: молодежь, сформировавшаяся в 2010-х годах на основе ценностей свободы и саморазвития, оказалась в ситуации, мягко говоря, неопределенности. Под прямым ударом и антивоенный, антимилитаристский, и пацифистский пласты отечественной культуры (включая те, которые исходят из незыблемой ценности человеческой жизни), а также все, что может быть стигматизировано в качестве «западного влияния». Можно смело предсказать тлеющий конфликт между теми, кто в условиях мобилизации вынужденно принял повестку и отправился на фронт, и активными сторонниками Z-повестки, остающимися в безопасном тылу.

⁵ Филиппов А. Ф. Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 51—70. <https://www.doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-51-70>.

⁶ На это свойство исторической риторики обращал внимание К. Кобрин. См.: Кобрин К. Постсоветский мавзолей прошлого. М., 2017. С. 119.

⁷ Конфликт с Украиной: оценки января 2023 года // Левада-Центр. 02.02.2023. URL: <https://www.levada.ru/2023/02/02/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-yanvarya-2023-goda> (данный материал создан и распространен средством массовой информации, признанным выполняющим функции «инострannого агента»).

Вооруженные конфликты порождают ситуацию чрезвычайности, делающую невозможным нормальное течение жизни и функционирование стабильных институтов, включая правовые (на отдельных примерах это затронуто в интервью [Павла Кудюкина](#) и [Валентины Мельниковой](#)). Оппозиционная повестка, оставшаяся без институциональных механизмов, со все более затруднительным низовым активизмом и продолжающая высвечивать существующие проблемы, лишь усиливает фрустрацию: перманентное переживание надвигающейся катастрофы становится национальным делом. Однако чрезвычайное положение восполняется попытками сохранить иллюзию нормальности или произвести новую. Одни ушли во внутреннюю эмиграцию, продолжая заниматься все теми же делами, что и прежде. Сохранение макроэкономической стабильности поддерживает надежды на удержание предыдущего уровня потребления. Вероятно, именно это объясняет разницу между высоким уровнем инфляции (13,2% по оценкам журнала *The Economist*) и вполне бодрыми ответами граждан на вопросы социологов об экономическом самочувствии. Послание президента 21 февраля 2023 года стало вполне осознанной попыткой дискурсивно оформить эту нормализацию. Выражена она была так, что оказалась практически неотличимой от аналогичной риторики предыдущих лет.

В условиях затягивающегося конфликта частичная мобилизация стала серьезным шагом к увеличению количества людей, втянутых в конфликт на уровне жизненных практик (см. статью [Владимира Звоновского](#) и [Александра Ходыкина](#)). В принципе, с весны 2022 года вся социально-политическая система начала перестраиваться, вытесняя несогласных и перераспределяя рентный ресурс⁸ всем, кто готов в той или иной мере вписаться в новую реальность. Неважно, что на самом деле думают компании, получившие оборонный заказ (а вместе с ним и желанную бронь для сотрудников), или те, чьи родственники отправились на театр военных действий, — обстоятельства требуют подстраиваться и менять отношение к событиям, от которых все труднее устраниваться. Возникающие моральные дилеммы пока остаются за пределами общественной полемики.

Если общественный договор в России последние десятилетия строился на невмешательстве общества в политику при признании автономии граждан в решении собственных проблем (то самое разделение между «реальной» и «всамделишной» Россией С. Кордонского)⁹, а консервативный поворот предполагал политизацию вокруг культуры при деполитизации социально-экономических вопросов¹⁰, то частичная мобилизация фактически все это разрушила. Первичным ответом стал рост горизонтальных связей и солидарностей, которые стали появляться в форме взаимопомощи: будь то помощь экстренно уезжающим или, наоборот, сборы мобилизованных на фронт (см. интервью с [Евгением Нориним](#)). Провал в формировании добровольческих батальонов при росте благотворительности и других форм поддержки тех, кто видится жертвами обстоятельств (а это может быть и вынужденный эмигрант, и мобилизованный, и украинский беженец), пожалуй, является лучшим индикатором общественных настроений.

⁸ См. о рентном обществе: Фишман Л. Г., Мартыянов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество в тени труда, капитала и демократии. М., 2019.

⁹ См.: Кордонский С. Как устроена Россия. Статьи и интервью разных лет. М., 2021.

¹⁰ Будрайтскис И. Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. М., 2020.

**ЯКИМОВА
ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА**

кандидат социологических наук,
приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ;
продюсер книжных изданий
департамента издательских программ ВЦИОМ

МЕЖСТРАНОВЫЕ ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ: АНАЛИЗ ТРЕНДОВ

Текст подготовлен на основе материалов текущего номера СоциоДиггера и представляет собой их аналитическое резюме, цель которого — выявить основные тренды динамики вооруженных конфликтов между странами и их характеристик на современном этапе.

Война — древнейшая человеческая практика и один из первых социальных институтов. Применять оружие для ликвидации конфликтов люди начали еще в первобытном обществе. В Древнем мире война считалась нормальным состоянием между народами, противоречия разрешались применением силы. В средневековой Европе большие и малые феодальные государства беспрерывно враждовали между собой. Промышленная революция XIX века сделала возможным формирование многочисленных армий, мобильных и обеспеченных обмундированием и продовольствием, в результате чего XX век стал столетием двух мировых и множества региональных военных конфликтов.

За последние десятилетия войны объективно изменились. Другим стало и их восприятие на уровне общества, а также подходы, позволяющие квалифицировать войну как справедливую или нет. Современная война — это не только участие войск и дискурс политиков, но и содержание общественного мнения о ней.

В этом выпуске СоциоДиггера мы сфокусировались на текущем вооруженном конфликте в Украине, участницей которого является наша страна. В этом контексте мы выделили набор восходящих, устойчивых и угасающих трендов, касающихся как динамики вооруженных конфликтов в мире в целом (глобальные тренды), так и характеристик актуальной социально-экономической ситуации в России после объявления частичной мобилизации (национальные тренды).

Восходящие тренды

Политическая сфера

Тренд 1 (глобальный): Рост числа вооруженных конфликтов и потерь в них¹. 2010 год ознаменовался разворотом тренда нисходящей динамики числа военных конфликтов (особенно с участием государства), который наблюдался на протяжении второй половины XX века, а именно после Второй мировой войны. С 2010 года число войн и потерь в них в мире стало постепенно расти.

Тренд 2 (глобальный): Усложнение обоснования (справедливости) войны². Современные, особенно развитые, общества готовы принять небольшие, непродолжительные военные операции с незначительными или нулевыми людскими и материальными потерями. В этом контексте насилие и применение грубой силы в ходе военных действий сохраняется, но становится более точечным.

Драйвер тренда: развитие теории справедливой войны — подхода, позволяющего дать нравственную оценку войне как таковой, а также способу ее ведения и процессу послевоенного строительства. Данная теория основана на предпосылке, что сама по себе война — ужасна, однако в зависимости от социально-политического контекста может быть неизбежной и даже необходимой. Например, в случае самообороны или когда нужно оказать помощь союзнику, на которого напали (военная агрессия заслуживает военного ответа); а также по гуманитарным основаниям: предполагается, что массовые нарушения прав человека санкционируют нападение, которое позволит их прекратить. Справедливость в данном случае означает моральную обоснованность применения военной силы в определенных обстоятельствах.

Барьеры тренда: а) вызов, связанный с гуманитарными интервенциями, состоит в том, что они нарушают суверенитет государства, которое не ведет агрессивную войну, следовательно, оправдать военное нападение на него не так просто; б) критики теории справедливой войны отмечают, что государства, участвующие в гуманитарной интервенции, преследуют свои интересы, то есть не являются бескорыстными участниками, а это бросает тень на саму операцию как гуманитарное предприятие; в) правовое регулирование гуманитарных интервенций недостаточно юридически оформлено и представляет правовую проблему.

Экономическая сфера

Тренд 3 (глобальный): Рост военных расходов в мире³. В 2022 году совокупные военные расходы в мире впервые превысили 2 трлн долларов, что оказывается существенным и быстрым ростом, поскольку в последнее десятилетие XX века они опустились с примерно 1,5 трлн до 1 трлн долларов.

¹ Подробнее см. в [материале А. Куманькова](#).

² Подробнее см. там же.

³ Подробнее см. там же.

Тренд 4 (российский): Возникновение дефицита (квалифицированных) кадров в различных отраслях⁴. Значительный отток из России (квалифицированных) кадров. Кто-то уехал, чтобы не попасть под частичную мобилизацию, а кто-то попал под нее и в результате освободил рабочие места, не все из которых могут быть немедленно заполнены.

Драйверы тренда: а) частичная мобилизация и б) сокращение притока трудовых мигрантов из-за рубежа, прежде всего из стран Центральной Азии.

Тренд 5 (российский): Прекаризация экономических отношений⁵. Рост числа людей, занятых в неформальном секторе экономики.

Драйверы тренда: а) падение платежеспособного спроса и б) распространение основанных на горизонтальных связях экономических отношений.

Общество

Тренд 6 (российский): Взрывной рост общественной активности (активности микроструктур), стихийная организация и низовая координация помощи оказавшимся в зоне боевых действий⁶. Повсеместный сбор помощи (гуманитарных грузов) и ее самостоятельная доставка до получателей; добровольное волонтерство; инициативность малых групп; организация сообществ помощи и взаимопомощи в социальных сетях («ВКонтакте») и мессенджерах (Telegram); создание специализированных сайтов, форумов, чатов, пабликов; сбор пожертвований (донатов).

Драйверы тренда: активизм, потребность в оказании помощи знакомым и/или родственникам; общегуманитарные соображения; патриотизм.

Барьеры тренда: вовлечение в волонтерскую деятельность управляющих и организующих структур; бюрократизация волонтерства; проблемы коммуникации и координации (связаться с тем, кому действительно нужно, привезти то, что действительно нужно).

Устойчивые тренды

Тренд 7 (глобальный): Невысокая степень интенсивности типичных современных вооруженных конфликтов, их зависимость от технологий, а не от людской массы⁷. В современных вооруженных конфликтах участвуют сравнительно небольшие контингенты, в армии служит гораздо меньше людей, чем раньше. Это обусловлено переоценкой войны — она воспринимается как вызов нормальному образу жизни, то, чего следует избегать всеми силами. Масштабные войны, требующие массовой мобилизации и перестройки экономики на военные рельсы, кажутся в современных обществах чем-то архаичным. Подобное переосмысление войны на уровне массового

⁴ Подробнее см. в [материале П. Кудюкина](#).

⁵ Подробнее см. там же.

⁶ Подробнее см. в [материале Е. Норина](#).

⁷ Подробнее см. в [материале А. Куманькова](#).

сознания конвертируется в политическое: растет политическая цена принятия решения об участии в войне, которая воспринимается как нежелательный риск. Поэтому численность современных армий сокращается — ставка делается на небольшие, но хорошо подготовленные и технически оснащенные контингенты. Военные потери переживаются очень тяжело. Идеальный образ войны сводится к войне с нулевыми потерями, главными участниками которой оказываются бомбардировочная авиация, роботы и дроны. Важными составляющими экономического порядка могут выступать торговые блокады, санкции и эмбарго.

Драйверы тренда: развитие технологий; высокий уровень жизни постиндустриальных обществ; их глобализованность, с одной стороны, и демографический спад — с другой. Малое количество детей в семье либо их отсутствие, а также повсеместный рост продолжительности жизни людей приводят к высокой доле пожилых и незначительной — молодых граждан в составе населения. В таких условиях молодые люди становятся слишком ценными, чтобы ими можно было рисковать (теория «постгероических» обществ Эдварда Люттвака).

Угасающие тренды

Тренд 8 (глобальный): Обеспокоенность населения западных стран войнами⁸. Исследования общественного мнения показывают⁹, что на фоне крупного военного конфликта в Европе (2022), угроз превращения его в Третью мировую или ядерную войну европейцы и американцы в большей степени обеспокоены социальными проблемами и внутренней политикой — ростом цен и угрозой бедности, нежели военными действиями.

* * *

Теоретик войны К. фон Клаузевиц интерпретировал войну как продолжение политики иными средствами. Военные действия всегда влекут за собой разрушения и жертвы. В современных войнах, ввиду их технологизации, большая часть потерь приходится не на комбатантов, а на гражданских лиц, гибнущих не непосредственно от военных действий, а от их последствий — эпидемий, голода и несчастных случаев в ходе переселения. Учитывая тяжесть негативных последствий войн, они, как правило, осуждаются широкой общественностью.

В контексте тренда на снижение интенсивности вооруженных конфликтов и на усиление их зависимости от технологий (рамка теории «постгероических» обществ) концепт мобилизации в публичном дискурсе традиционно а) интерпретировался в терминах воли к борьбе, где речь шла не о постановке под ружье множества плохо обученных солдат,

⁸ Подробнее см. в материале А. Куманькова.

⁹ European Parliament. (2023) Europeans Concerned by Cost of Living Crisis and Expect Additional EU Measures. News European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230109IPR65918/europeans-concerned-by-cost-of-living-crisis-and-expect-additional-eu-measures>; Gallup. Most Important Problem. URL: <https://news.gallup.com/poll/1675/most-important-problem.aspx>.

а о поддержании боевого духа профессиональных воинов; а также б) описывался через проблематику привлечения армии к предотвращению природных катаклизмов или ликвидации их последствий — лесных пожаров, наводнений, пандемии¹⁰.

Посредством объявленной в конце сентября в России частичной мобилизации конфликт с Украиной в значительной степени вторгся в частную жизнь россиян и для многих стал личным событием. Исследователи, с одной стороны, отмечают, что в настоящее время участники СВО и их родственники чаще поддерживают решение о ее проведении и наблюдают преобладание такой поддержки в своем ближнем круге, а с другой стороны, акцентируют риски формирования коллективной травмы в случае роста военных потерь¹¹. Эти риски, тем не менее, зависят от той символической интерпретации, которая будет доминировать на уровне массового сознания россиян. Сегодня, по всей видимости, о появлении такой травмы в российском обществе говорить пока преждевременно.

¹⁰ Подробнее см. [в материале А. Куманькова](#).

¹¹ Подробнее см. [в материале В. Звоновского](#).

**КУМАНЬКОВ
АРСЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ**

кандидат философских наук,
доцент Школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

ВОЙНА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ¹

Начало и XX, и XXI веков люди встречали одинаково: с надеждой, что наконец-то прогресс положит конец войнам и страданиям, а человечество нащупает путь к процветанию. Увы, история распорядилась иначе. Хотя мировые войны показали степень ожесточения и бесчеловечности, до которой может дойти человек, их ужасы не стали вечной прививкой. Тем не менее за последние десятилетия войны объективно изменились, как поменялось и отношение к ним в обществе, и способы, которые позволяют различать, является ли данная война справедливой. Об этом — один из ведущих специалистов по теории справедливых войн Арсений Куманьков.

Как изменились войны после 1945 года

После Второй мировой войны медленно снижалось число вооруженных конфликтов (особенно с участием государства), сокращались военные потери. Был ряд исключений, среди наиболее масштабных конфликтов — Корейская война (1950—1953), Война во Вьетнаме (1946—1975), Ирано-иракская война (1980—1988), Вторая конголезская война (1998—2003). Но все же казалось, что постепенно война поддается усмирению. Особенно устойчивым это ощущение было в первое десятилетие после окончания холодной войны. Однако конец истории не наступил. В 2010-х годах тренд развернулся. Число войн и потерь в них стало расти.

Тем не менее характер вооруженных конфликтов серьезным образом изменился. Типичная современная война — это конфликт невысокой степени интенсивности. В нем участвуют сравнительно небольшие контингенты. Большая часть потерь приходится не на комбатантов, а на гражданских лиц. Часто эти потери связаны с невоенными причинами, например эпидемиями, голодом, изнеможением в ходе переселения (полезно обратить внимание на статистику жертв Второй конголезской войны).

Соответственно, изменились и армии. Количество людей, стоящих под ружьем, преимущественно сокращается. Меньше людей служит в армии, война становится все более зависимой от технологий, а не от людской массы. Есть исключения, но традиционные великие военные державы давно такими не являются по численному составу: в Вели-

¹ Текст подготовлен на основе интервью, взятого у Арсения Куманькова Константином Пахалюком специально для СоциоДиггера. Мнение автора может не совпадать с мнением редакции.

Кобритании, Германии, Франции военный персонал не превышает 200 тысяч человек. Крупные армии могут позволить себе Китай, США, Россия и еще ряд стран Азии. При этом военные расходы растут. В 2022 году совокупные военные расходы впервые превысили 2 трлн долларов. Это существенный и быстрый рост, так как в 1990-х они опустились с примерно 1,5 трлн до 1 трлн.

Войны, даже масштабные, в меньшей степени беспокоят население западных стран. Даже в 2022 г. исследования общественного мнения показывали, что на фоне крупного военного конфликта в Европе, угроз превращения его в Третью мировую или ядерную войну европейцы и американцы в большей степени обеспокоены социальными проблемами и внутренней политикой (ростом цен и угрозой бедности), нежели войной². В таких условиях обоснование войны усложняется. Общества готовы принять небольшие, непродолжительные военные операции с незначительными или нулевыми потерями. Грубая сила не исчезла, но она стала более точечной.

Что такое справедливая война

Словосочетание «справедливая война» наверняка вызывает недоумение и даже отторжение. Собственно, это и показывали опросы, которые проводил «Левада-Центр» в 2005—2014 годах. На вопрос, была ли справедливой та или иная война, в которой участвовала Россия в XX веке, большинство респондентов отвечало, что эти войны были скорее или определенно несправедливыми. Примечательно, что это относилось даже к Великой Отечественной войне: по данным опросов «Левада-центра» далеко не все считали ее справедливой³. На мой взгляд, это говорит не о том, что борьба с немецкой агрессией в ходе Великой Отечественной войны вдруг перестала считаться правильным делом, но именно о том, что понятие «справедливая война» непривычно для россиян. Кажется, что нельзя в одном выражении соединить такое ужасное, смертоносное, разрушительное явление, как война, и справедливость — правовую или моральную категорию, отсылающую к некому благу или порядку. В России не сформировалась привычка обсуждать войну на языке морали. Эта сфера забетонирована советским героически-жертвенным дискурсом войны, авторитетным словом, если воспользоваться термином М. М. Бахтина, неподвижным и однозначным. Война — государственное дело, а потому право судить о ней (как и о многом другом) передается государству. Попытка задать неудобные вопросы, переосмыслить то или иное решение или действие, в том числе дать им моральную оценку, не только вызывает отторжение, но может привести к уголовному преследованию.

Мне кажется важным говорить о войне, обращаясь среди прочего и к моральному языку. Сама по себе война связана с решением вопроса жизни и смерти, с массовым ор-

² European Parliament. (2023) Europeans Concerned by Cost of Living Crisis and Expect Additional EU Measures. *News European Parliament*. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230109IPR65918/europeans-concerned-by-cost-of-living-crisis-and-expect-additional-eu-measures>; Gallup. Most Important Problem. URL: <https://news.gallup.com/poll/1675/most-important-problem.aspx>.

³ Справедливые и несправедливые войны // Левада-Центр. 19.03.2014. URL: <https://www.levada.ru/2014/03/19/spravedlivye-i-nespravedlivye-voiny/> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранным агентом»).

ганизованным насилием; темы служения, ответственности, долга — ключевые для нее. Где еще нам нужна мораль, если не в таком контексте? Как еще избавиться от таких химерических конструкций, как «я считаю войну неправильной, но поддерживаю свою страну / своих парней»?

Теория справедливой войны — это один из возможных подходов, который позволяет дать нравственную оценку войне как таковой, способу ее ведения, а также процессу послевоенного строительства. Это древняя традиция, истоки ее можно найти еще в Античности, она была одним из компонентов христианской политической философии, активно развивалась в Новое время. Далее наступил период теоретического упадка, после чего теория справедливой войны возродилась лишь в середине XX века на фоне переоценки Вьетнамской войны и участия в ней США и их союзников.

Теория справедливой войны исходит из представления, что война как таковая — ужасна, но в определенных условиях она оказывается неизбежной и необходимой. Думаю, примерно так большинство россиян воспринимают Великую Отечественную войну: благом было бы, если бы ее не было, но после нападения нацистской Германии было необходимо сражаться. Теория использует ряд критериев, которые позволяют оценить процесс принятия решения о вступлении в войну и способы ее ведения. Это и дает возможность определить, является ли та или иная война, отдельные ее элементы справедливой. Иными словами, теория анализирует, когда и каким образом можно вести войну. Справедливость в данном случае означает моральную обоснованность применения военной силы в определенных обстоятельствах.

Ключевой принцип теории справедливой войны — идея правого дела, наличие причины, которая ясно свидетельствует о совершении злодеяния или преступления столь серьезного, что единственным ответом на него может служить война. Как правило, такими признаются самооборона или помощь союзнику, на которого напали. То есть военная агрессия заслуживает военного ответа. В последние десятилетия часто также говорят о гуманитарных основаниях: массовые нарушения прав человека санкционируют нападение, которое позволит их прекратить. Важно, что идея правого дела не существует автономно. Она уравнивается принципами крайнего средства (невоенные средства решения конфликта исчерпаны), вероятности успеха (возможность победить в войне или хотя бы не ухудшить собственное положение), пропорциональности (война должна быть соразмерна угрозе, ответом на которую она является), легитимной власти (решение о войне принимается в соответствии с законами данного государства и только уполномоченным на это лицом). Есть еще два принципа, которые регулируют способы ведения войны. Один из них — вновь принцип пропорциональности (в ходе проведения отдельной операции следует применять минимально необходимое насилие). Другой принцип — идея различия (вооруженное нападение допустимо только на комбатантов, недопустимо нападать на гражданских лиц). Применение этого набора принципов позволяет сделать выводы, в какой мере военная кампания морально обоснована и какими средствами и методами она ведется.

Это академическая версия учения о справедливой войне. Подробнее о ней на русском языке можно прочесть в моем обзорном тексте «Философия войны: краткий очерк ис-

тории»⁴, статье Джеффа Макмаана «Переосмысляя „справедливую войну“»⁵ или книге «Нравственные ограничения войны»⁶.

Идея о справедливости войны может использоваться политическими и военными лидерами для обоснования необходимости той или иной военной кампании. Так, вторжение в Ирак в 2003 году оправдывалось не только политическими мотивами, но в большей степени моральными и даже теологическими причинами. Президент США Джордж Буш-мл., британский премьер-министр Тони Блэр и многие другие официальные лица описывали иракский режим Саддама Хусейна как опасный (в связи с якобы имевшей место разработкой оружия массового поражения и угрозами соседним государствам), террористический (якобы имели место связи с террористической организацией «Аль-Каида»⁷ и поддержка этой организации) и антидемократический. Но также они указывали на гуманитарные основания, которые заставляют вести войну с Ираком. Операция должна была остановить насилие и репрессии со стороны режима Саддама по отношению к собственному населению. Кроме того, президент Буш считал Ирак одним из оплотов «оси зла», борьба с ним подавалась как акт духовного служения миру и добру.

Гуманитарные интервенции как ответ на гибель мирных граждан

Гуманитарные интервенции стали активно обсуждаться в 1990-х годах на фоне Югославских войн и геноцида в Руанде, хотя и до этого проводились операции, которые можно охарактеризовать как гуманитарные интервенции. Например, вторжение Вьетнама в Кампучию в 1978 году или установление бесполетных зон в Ираке с 1991 года. Гуманитарная интервенция рассматривается сторонниками как веская причина войны, поскольку она нацелена на прекращение массовых нарушений прав человека в определенном государстве. Соображения морали заставляют отдельные государства или мировое сообщество искать разрешения серьезных гуманитарных кризисов. Бывают ситуации, когда необходимо использовать военную силу, чтобы остановить геноцид, этнические чистки или массовые расстрелы.

Основной вызов, связанный с гуманитарными интервенциями, заключается в том, что они нарушают суверенитет государства, которое не ведет агрессивную войну, то есть как будто бы не делает ничего, что могло бы оправдать военное нападение на него. Будет ли оправдана агрессия против страны, которая не ведет агрессивную войну? Также нередко критики замечают, что никогда не бывает бескорыстных участников гуманитарных интервенций. Государства, участвующие в гуманитарной интервенции, преследуют свои интересы, и это бросает тень на саму операцию как гуманитарное предприятие. На это обычно отвечают, что невозможно бездействовать, когда происходят явные акты насилия по отношению к гражданским лицам, неспособным

⁴ Куманьков А. Философия войны: краткий очерк истории // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 99—116.

⁵ Макмаан Дж. Переосмысляя «справедливую войну» // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 139—156.

⁶ Нравственные ограничения войны: принципы и примеры. М.; Берлин: Директмедиа, 2022.

⁷ Запрещенная в России террористическая организация.

защитить себя. Даже если участники гуманитарной интервенции подвижны не только соображениями морали, они способны остановить серьезное злодеяние и гуманитарную катастрофу.

Правовое регулирование гуманитарных интервенций недостаточно оформлено. Взять на себя роль распорядителя гуманитарных операций мог бы Совет Безопасности ООН, который в соответствии с Уставом Организации обладает серьезной властью. Согласно 39 статье Устава, «Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и... решает, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности». Однако помимо того, что часто принятие решения Советом Безопасности оказывается проблематичным или даже невозможным, Устав ООН накладывает ограничение на гуманитарный интервенционизм, так как его статья 2 утверждает: «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». Внутренние дела государства защищаются идеей суверенитета как свободы от вмешательства во внутренние дела. Существует также отдельная Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств.

На рубеже веков попытка переосмыслить подход к такому традиционному пониманию суверенитета привела к появлению концепции «Обязанность защищать», которая разрабатывалась с участием представителя России, но затем многократно критиковалась российскими политиками и дипломатами. Концепция предлагает трактовать суверенитет не как привилегию, а как обязательство обеспечить защиту и безопасность собственных граждан. В случае, когда государство не в состоянии предотвратить гуманитарную катастрофу или само инициирует массовые нарушения прав человека, задача мирового сообщества — взять граждан этого государства под защиту. Правовая база вокруг концепции «Обязанность защищать» еще формируется. Она была закреплена Резолюцией Генеральной ассамблеи ООН A/RES/60/1 в 2005 году, а также рядом резолюций Совета Безопасности ООН. Однако противники такого подхода продолжают указывать на противоречие, в которое концепция вступает с принципами невмешательства и суверенитета.

«Постгероические» общества

Американский историк и военный аналитик Эдвард Люттвак в своей книге 2001 года «Стратегия: Логика войны и мира» описал «постгероические» общества. Эта идея кажется мне очень важной и работающей в том числе в отношении России. Под «постгероическими» обществами понимаются современные вестернизированные общества. Их преимущества — высокий уровень жизни, развитые технологии, глобализованность. Но также они, как правило, переживают не лучшую стадию демографического развития. Доля пожилого населения в них велика, а молодого — не так значительна. Семьи имеют мало детей или не имеют вовсе. При этом продолжительность жизни высока.

В таких условиях молодые люди становятся слишком ценными, чтобы ими можно было рисковать, а благоприятная экономическая среда предлагает им множество вариантов получения образования и трудоустройства. Служба в армии перестает восприниматься в качестве привлекательного карьерного пути. Сама же война также переоценивается. Она воспринимается скорее как вызов нормальному образу жизни, как что-то опасное, неправильное и бессмысленное. То, чего надо избежать всеми силами. Масштабные конвенциональные или тотальные войны, требующие массовых мобилизаций и перестройки экономики на военные рельсы, кажутся в таких обществах чем-то архаичным. Это общественное переосмысление войны конвертируется в политическое. Растет и политическая цена принятия решения об участии в войне. Масштабная война воспринимается как нежелательный риск. Такое умонастроение совпадает с сокращением численности армий: ставка делается на небольшие, но хорошо подготовленные и технически оснащенные контингенты. Военные потери переживаются очень тяжело, даже если они оказываются несопоставимыми с потерями в больших войнах прошлого, в первую очередь во Второй мировой войне. Идеальный образ войны «постгероической» эпохи — война с нулевыми потерями. Бомбардировочная авиация, роботы и дроны — главные герои такой войны. Другие важные составляющие — торговые блокады, санкции, эмбарго.

o Как власти США убеждали американское общество в необходимости вторжения в Афганистан и Ирак

Войны в Афганистане (2001—2021) и Ираке (2003—2011) близки хронологически и могут быть объединены как части большой кампании по борьбе с терроризмом. В то же время похожи сценарии, по которому начинались эти вторжения: быстрые и решительные удары, продвижение развернутых сил и военная победа на первом этапе. Дальнейшей задачей было проведение операций по содействию безопасности и помощь в государственном строительстве. В то же время две эти войны различаются и с точки зрения успешности выполнения этих задач, и в том, что касается общественной поддержки и реакции мировой общественности.

После террористических атак 11 сентября 2001 года американское и британское общества в большинстве своем поддерживали проведение кампании в Афганистане. Осенью 2001 года от 80% до 90% взрослых американцев одобряли проведение наземной операции на территории Афганистана⁸. В Великобритании, Канаде и Австралии (основных союзниках США) уровень поддержки также был высоким. Стоит отдельно упомянуть, что даже Россия официально выступила с одобрением антитеррористической операции и, в частности, посредством резолюции Совета Безопасности ООН поддержала создание Международных сил содействия безопасности в Афганистане в конце 2001 года.

Однако поддержка операции в американском и британском обществе была «эластичной», к концу 2000-х она по большому счету иссякла. Начиная с 2002 года рос-

⁸ Gallup. Overwhelming Support for War Continues. URL: <https://news.gallup.com/poll/5083/overwhelming-support-war-continues.aspx>; Gallup. Eight of 10 Americans Support Ground War in Afghanistan. URL: <https://news.gallup.com/poll/5029/eight-americans-support-ground-war-afghanistan.aspx>

ло число людей, уверенных, что, во-первых, войска необходимо вывести (в 2011 году так считало 56 % американцев), а во-вторых, сама операция была ошибкой (мнение около 40 % американцев в 2011 году). В итоге к моменту вывода войск из Афганистана в сентябре 2021 года не менее 70 % поддержало это решение⁹.

Вероятно, эта динамика связана в том числе и с тем, как война была представлена и обоснована. Угроза терроризма после атак 11 сентября 2001 года была очевидной для американцев. Военная операция в ответ на нападение террористической группировки воспринималась как обоснованная в соответствии с идеей самообороны. Президент Буш также постоянно усиливал ее необходимость морально-теологическими аргументами. Эта война в его представлении была не просто военным столкновением, но борьбой добра со злом, крестовым походом против терроризма. Впоследствии, однако, задачи и цели присутствия коалиционных войск, ведомых США, необходимо было перепроверять, заново подтверждать их значимость и обоснованность. Если изначальной тактической целью было уничтожение правительства талибов и эта цель была достигнута, то что следовало делать дальше? Американская коалиция не смогла однозначно ответить на этот вопрос в течение последующих почти двух десятилетий войны, то не очень активно пытаясь заниматься государственным строительством в Афганистане, то ограничиваясь миротворческими акциями.

В результате война превратилась в затяжную операцию с неясными целями. Ставилась под сомнение правовая составляющая операции. Она изначально подавалась как акция самообороны в соответствии с 51 статьей Устава ООН, но в условиях войны, продолжавшейся годами, говорить исключительно о самообороне против иррегулярного противника было невозможно. Критике подвергались и способы ведения войны, в ходе которой серьезно страдало гражданское население: 46,5 тыс. гражданских лиц было убито (США потеряли 2500 военнослужащих убитыми), от 2,5 до 5 млн человек вынуждены были покинуть свои жилища, став беженцами¹⁰.

Война в Афганистане стала самым продолжительным военным конфликтом в американской истории, неоднозначным и противоречивым, по-разному воспринимаемым в обществе. Она удалась как акция возмездия. Неслучайно перед выводом войск в 2021 году президент Байден заявил, что цель операции достигнута, так как она сводилась к наказанию террористов, напавших на США 11 сентября, и предотвращению повторения подобных атак¹¹. Но большие сомнения вызывает, что эта война была инвестицией в глобальную безопасность на годы вперед.

Война в Ираке также поначалу была достаточно популярной. Ее одобряло более 70 % американцев. Однако она растеряла поддержку даже быстрее, чем война в Афганистане. Уже в 2005—2006 годах число противников войны и тех, кто считал, что войска необходимо вывести, начало превышать количество сторонников продолжения кам-

⁹ Smeltz D., Sullivan E. (2021) US Public Supports Withdrawal from Afghanistan. *The Chicago Council of Global Affairs*. URL: <https://globalaffairs.org/commentary-and-analysis/blogs/us-public-supports-withdrawal-afghanistan>

¹⁰ Crawford N. C., Lutz C. (2021) Human Cost of Post-9/11 Wars. *Costs of War Project. The UN Refugee Agency*. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=k8aRcL>.

¹¹ Remarks by President Biden on the Drawdown of U. S. Forces in Afghanistan (2021). *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/07/08/remarks-by-president-biden-on-the-drawdown-of-u-s-forces-in-afghanistan/>.

пании¹². Именно война в Ираке породила массовое антивоенное движение в США и в других странах. Против войны в Афганистане проходили акции, иногда собиравшие до 20 тысяч участников. Но протестные акции против вторжения в Ирак стали беспрецедентными. Еще до начала вторжения, 15 февраля, прошла всемирная антивоенная акция. 3 млн человек вышли на улицы в Риме, 1,3 млн в Барселоне, 1 млн в Лондоне, 500 тыс. в Мельбурне и Сиднее¹³. Большую роль в организации демонстраций сыграли антиглобалистские движения и левые организации, такие как Globalise Resistance.

Массовые антивоенные демонстрации не остановили войну. Даже когда они проводились в демократических странах, где публичные акции составляют часть публичной культуры, легализованы и не подавляются. Однако они были важной составляющей войны, поскольку современная война — это не только передвижение боевых частей и речи политиков, но и то, что общество думает об этой войне, как оно ее воспринимает.

Мобилизация в современном мире

В последние десятилетия мобилизации были редким явлением. В конфликтах либо участвовали профессиональные контрактные армии, либо они пополнялись призывниками, либо это были иррегулярные и наемные войска.

Мобилизации проходили в ходе Югославских войн в Хорватии, Сербии, Республике Сербская Краина. Они были не очень массовыми и сопровождались высоким уровнем уклонения и дезертирства, что неудивительно в условиях распада государства и появления новых государственных образований. Серьезной проблемой при этом была принудительная мобилизация беженцев, нарушавшая международно-правовые нормы и законы Югославии. На фоне эскалации конфликта в Кашмире периодически проводились мобилизации в Индии и Пакистане.

Все это примеры мобилизации в условиях серьезных конфликтов, но все же по степени интенсивности их нельзя сопоставить со специальной военной операцией, проводимой Россией. Так что и в том, что касается влияния мобилизации на ход боевых действий, и в том, как она сказывается на общественном восприятии конфликта, параллели проводить сложно.

Отмечу, что в последние десятилетия, как раз в духе концепции «постгероических» обществ, литература о мобилизации фокусировалась больше на вопросе мобилизации воли к борьбе, на поддержании боевого духа профессиональных воинов. Другая тема, которая также описывалась через категорию мобилизации, — привлечение армии к предотвращению природных катаклизмов или ликвидации их последствий: лесные пожары, наводнения, пандемия.

¹² Public Attitudes Toward the War in Iraq: 2003–2008 (2008). *The Pew Research Centre*. URL: <https://www.pewresearch.org/2008/03/19/public-attitudes-toward-the-war-in-iraq-20032008/>.

¹³ Guinness World Records Limited. Largest anti-war rally. *The Guinness World Records*. URL: <https://www.guinnessworldrecords.com/world-records/74335-largest-anti-war-rally>.

**НЕЛИПОВИЧ
СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории (Центр военной истории России) РАН,
член Ассоциации историков Первой мировой войны,
почетный архивист России

«БЫЛО РАЗРЕШЕНО ПРИЗЫВАТЬ ЧАСТИЧНО ПАРАЛИЗОВАННЫХ»: МОБИЛИЗАЦИЯ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ¹

Во времена социальной турбулентности возрастает страсть к поиску исторических аналогий. Показательно, что с началом частичной мобилизации в России их стали искать скорее в эпохе Первой мировой войны, нежели Великой Отечественной. Ограниченность любых аналогий не отменяет необходимости изучения исторического опыта — как на других стадиях развития общество реагировало на схожие угрозы. В конечном счете в начале XX века Россия находилась в состоянии неоконченной социально-политической модернизации: бурные темпы развития (только в промышленности — более 10% роста в год), предпринимательская активность, формирование внутреннего финансового рынка и отдельные политические реформы соседствовали с широким социальным расслоением, диспропорциями в территориальном развитии, расслоением деревни, все еще тяжелым положением рабочих и многочисленными этнонациональными противоречиями. Пока формировался русский авангард, а человек покорял воздух, оказалось возможно и «дело Бейлиса» (официальные обвинения против киевского еврея в ритуальном убийстве подростка, что восходит к средневековой легенде об изготовлении мацы из крови детей), поддержанное на уровне министерства юстиции. Подобные контрасты не могли не влиять на строительство массовой армии, основанной на идее всеобщей воинской повинности: на поля сражений должен был выступить вооруженный народ, а не профессиональные войска. Мы попросили рассказать о процессах, связанных с мобилизацией в эпоху Первой мировой, Сергея Геннадьевича Нелиповича, одного из крупнейших отечественных военных историков.

Введение всеобщей воинской повинности

Всеобщая воинская повинность была введена в Российской империи с 1 января 1874 года, но законодательные формулировки были выработаны несколькими годами ранее. Первое мобилизационное расписание («О призыве бессрочно-отпускных»)

¹ Текст подготовлен на основе интервью, взятого у Сергея Нелиповича Константином Пахалюком специально для Социодиггера. Мнение автора может не совпадать с мнением редакции.

было подготовлено в 1873 году — таким образом, оба документа были взаимосвязаны. В дальнейшем при составлении следующих сменявших друг друга 19 мобилизационных расписаний на них всеобщая воинская повинность уже никак не влияла.

Главной задачей мобилизации было создание в короткий срок многочисленных сил действующей армии. В ходе частичных мобилизаций 1876—1878 и 1904—1905 годов, во время войн против Османской империи и Японии, под ружье было поставлено более 1,5 млн человек. Кроме того, объявлялись частичные мобилизации как демонстрация силы при осложнениях в отношениях с Великобританией из-за Афганистана в 1885 году (отменена) и с Японией в 1895 году из-за условий окончания Японо-китайской войны (после принятия Японией ультиматума великих держав запасные были распущены по домам).

Сложности призыва и оснащения всем необходимым масс людей вызвали изменения организации мобилизации: с 1882 года дивизионные районы были заменены полковыми участками, полк становился главной мобилизационной единицей. Развивалась транспортная инфраструктура, строились военные лагеря и городки. В целом Российская империя была готова к ведению краткосрочной войны и по срокам приведения войск в боевую готовность практически не отставала от других великих держав.

«Июльский кризис» 1914 года

Австро-венгерский ультиматум Сербии был в тот же день, 11 (24) июля 1914 года, официально сообщен министру иностранных дел С. Д. Сазонову послом Двуетной монархии в Петербурге. Тотчас же начальник Генерального штаба Н. Н. Янушкевич в соответствии с выработанными ранее планами войны распорядился начать подготовку частичной мобилизации «против Австрии» — в Киевском, Одесском, Московском и Казанском военных округах. Исполнитель, начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба С. К. Добророльский сразу же заявил, что частичная мобилизация не даст возможности в случае необходимости развернуть всеобщую мобилизацию.

Пользуясь механизмом принятого еще в феврале 1913 года «Положения о подготовительном к войне периоде», войска стали приводиться в боевую готовность с 12 (25) июля, флот начал минировать акватории Балтийского моря, а уездные воинские начальники стали развертывать призывные участки. Одновременно было объявлено о цензурных запретах, связанных с войной, и принято положение о приеме на военную службу добровольцев («охотников»). Облегчало задачу и то, что еще в начале 1914 года срок увольнения отслуживших призывников был перенесен с 31 декабря на 1 мая следующего года.

Решение о всеобщей мобилизации было принято на «широком» заседании Совета министров в присутствии императора Николая II 15 (28) июля — в день объявления Австро-Венгрией войны Сербии и начала военных действий. Само объявление мобилизации состоялось ночью 17 (30) июля — этот день в армии стал первым «военным» днем, что нашло отражение в журналах военных действий полков, дивизий и корпусов. Также ночью по команде МВД начались аресты подданных Австро-Венгрии и Германии.

Россия стала третьей страной Европы, начавшей мобилизацию. Ранее всеобщую мобилизацию объявила Сербия (первой из сторон конфликта) и частичную — Австро-Венгрия (после объявления войны Германией России стала всеобщей). В один день с Российской империей была начата мобилизация в Бельгии и объявлено о мобилизации во Франции (но первым днем французской мобилизации стало 2 августа н. ст.).

Германия начала мобилизацию 2 августа 1914 года — на другой день после объявления войны Российской империи и в день издания манифеста о вступлении в войну Николая II. Тем не менее русским офицерам «неофициально» сообщалось, что мобилизация в Российской империи носит характер «ответа» на якобы уже завершившуюся мобилизацию германской армии (это отражено, например, в дневнике полковника Ф. Ф. Тютчева). Видимо, боязнь опоздать с развертыванием войск в немалой степени руководила действиями русского военного руководства.

Патриотический подъем на фоне объявления войны

Лето 1914 года в определенной мере было отмечено всплеском патриотических чувств, тесно связанных с проявлением верноподданничества. В большей мере это относилось к городскому населению столиц и губернских центров. Исследования этой темы не столь часты; при этом не стоит забывать, что информация в прессе о патриотических или проправительственных манифестациях проходила жесткую цензуру. Первоначальный наплыв подлежащих мобилизации был связан в первую очередь с организацией призыва вообще: призывник или запасный должен был явиться на участок для медицинского освидетельствования, а затем отпущен домой для приведения в порядок хозяйства, если такое у него было. Повторная явка уже не была столь массовой (перевозки мобилизованных начались на восьмой день), а согласно исследованию историка В. Б. Аксенова, уже осенью 1914 года были выявлены злоупотребления при освобождении от службы 40% «белобилетников».

Патриотические настроения были вызваны и первоначальным убеждением в «нападении» Германии на Россию — для большинства населения не было разницы между нападением и объявлением войны вследствие враждебных действий с российской стороны, защиты православной Сербии от немецко-мадьярской агрессии. Кроме того, были сильны настроения сословного «долга», оставила след и довоенная пропаганда, воздействовавшая на значительную часть интеллигенции и горожан. Доля добровольцев в мобилизации 1914 года, как и в последующие призывы, не выяснена. Этот вопрос невозможно разрешить без обращения в местные архивы, ведь такая информация могла отложиться только в документах уездных воинских начальников и в уездных/городских по воинской повинности присутствиях.

Сложности мобилизации и последующие призывы

Июльская мобилизация была завершена к 3 (16) сентября 1914 года, при этом призыв ополченцев первого разряда был начат только 25 июля (7 августа), одновременно с началом перевозок запасных в части. Несмотря на разницу во времени призыва, участки не всегда справлялись с объемом работы — ведь единовременно призывалось 3,4 млн человек (больше, чем во все бывшие до этого мобилизации вместе взятые).

Полиция пресекала разгромы винных лавок и питейных заведений, станций по пути следования. Возникли трудности в банках — россияне активно закрывали вклады и забирали наличные деньги. Пришлось вводить ограничения на оборот звонкой монеты и изымать монеты из драгоценных металлов. В целом в течение первого месяца войны эти трудности были преодолены.

В дальнейшем осуществлялись не мобилизации, а призывы очередных контингентов и ополчения. Осенью 1914 года был проведен очередной призыв на службу тех, кому на 1 января 1914 года исполнилось 20 лет. Следующие годовые призывы были уже внеочередными: в январе 1915 года — контингент 1915 года, до конца года — контингенты сроков 1916 и 1917 годов и ополченцев второго разряда, в 1916 году было призвано практически все ополчение и контингенты 1918 и 1919 годов, в мае 1917 года — контингент 1920 года. Возраст призыва был таким образом понижен до 18 лет, а порой и до 17 лет.

Сокращение трудового населения

Проблемы с нехваткой рабочих рук, особенно в сельском хозяйстве, стали заметны к 1916 году. К этому времени сократилась и призывная база — примерно на 23—24 млн человек населения западных губерний, захваченных противником или подвергшихся эвакуации. Особенно острой стала проблема рабочих рук в центральных губерниях. Все лето 1916 года губернаторы активно переписывались с военным ведомством, добиваясь отсрочек призывов до окончания сельскохозяйственных работ (покоса, жатвы, а затем и посева озимых), что и было сделано указами Сената. С середины 1916 года начали выявлять и возвращать на заводы оборонного ведомства рабочих высокой и средней квалификации. При этом с 17 февраля 1916 года для использования в лечебных заведениях было разрешено призывать в ополчение эпилептиков, частично парализованных, слепых на один глаз или имеющих увечья (например, безносых).

Общественное мнение

Отношение общества к призывам со временем менялось. Оставались желающие служить, поскольку служба давала определенный уровень материального обеспечения солдату и пособие его семье; проблемы со снабжением начались позже, а так далеко не каждый россиянин мог каждый день есть мясо или получать каждый день почти килограмм хлеба. Но военные трудности, рост цен, особенно на промышленные изделия и рабочий скот, проникающие в тыл известия о громадных потерях и военных неудачах вызывали рост антивоенных настроений, стремление уклониться от призыва, освободиться от службы либо максимально задержаться в составе запасных частей и тыловых учреждений.

Как превратить гражданского в военного

Боевая и моральная подготовка призванных осуществлялась в системе запасных войск, созданных в сентябре 1914 года. К 1916 году система «дофронтовой» подготовки была создана и в тылу действующей армии. Сокращение сроков подготовки в тылу и снижение боевой активности зимой-весной 1916 года позволили создать запасные ба-

тальоны и учебные команды при полках, где пополнение доводилось до необходимого на фронте уровня.

Моральная, «политическая» подготовка солдат полностью лежала на командном составе, проводилась через публикацию и зачитание приказов с изложением «политического момента» и мер ответственности за воинские преступления, через беседы полковых и ротных командиров на те же темы. Ведение таких бесед поручалось командирам частей и полковым священникам, а с лета 1916 года — и вновь введенным дивизионным муллам. После Февральской революции 1917 года полномочиями на ведение просветительской работы были наделены комитеты, а с осени — и специально назначенные комиссары Временного правительства.

Как уклонялись от мобилизации

Формы уклонения от призыва были прежде всего связаны с нанесением ущерба здоровью или членовредительством, что жестко каралось законом. Также распространенным был подкуп должностных лиц для выдачи нужного медицинского свидетельства. Еще одним способом был переезд в другую губернию или регион, но он более подходил для экономически мобильных групп населения. После же эвакуации западных губерний, беженства и выселений этот способ стал наиболее распространенным; при этом национальные меньшинства (поляки, евреи, литовцы, армяне) пользовались и поддержкой «своих» национальных организаций. Вполне «законным» способом уклонения было устройство на должность в лечебные заведения или санитарные поезда частных лиц и общественных организаций.

Как СССР учел опыт мобилизации Первой мировой

В СССР всеобщая воинская обязанность была введена только 3 сентября 1939 года. Приведение войск в боевую готовность до июня 1941 года осуществлялось только в отдельных военных округах с использованием территориальной системы. Также во время крупных учений проводились сборы запасных военнообязанных.

Главным образом опыт Первой мировой войны был использован критически: в первую очередь были преодолены межведомственные противоречия и барьеры, объединены усилия всех ведомств, военные комиссары городов и районов перешли в прямое подчинение местным органам Советской власти, на которые ложилась вся ответственность за проведение мобилизационных мероприятий.

**РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА**

доктор социологических наук,
профессор факультета социальных наук,
НИУ ВШЭ

«МЫ-ТО СВОЮ ЗАДАЧУ ВЫПОЛНИЛИ». КОНТУРЫ РЕФЛЕКСИИ И ПАМЯТИ ОБ АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ В СРЕДЕ ЕЕ ВЕТЕРАНОВ¹

Афганская война пришлась на излет советской эпохи. В промежутке между Великой Отечественной войной и текущими событиями это самый крупный вооруженный конфликт с участием нашей армии, причем как кадровых военнослужащих, так и призывников. За неполных десять лет через Афганистан прошло не менее 350 тыс. советских военнослужащих, из них около 15 тыс. погибли. Однако до сих пор не выпущено ни одного полноценного монографического исследования, равным образом она занимает, увы, периферийное место в пространстве коллективной памяти. Государство и общество фактически провалили работу с этой темой, что породило чувство ненужности и непризнанности у ветеранов-афганцев. Отдельные локальные проекты, увы, не могут восполнить этот недостаток. Отчасти это связано с отсутствием доступа к архивным материалам, отчасти — с объективными обстоятельствами, мешающими прорабатывать историю этой войны по лекалам Великой Отечественной.

Сегодня лишь возрастает актуальность обращения к тому, как шла работа с «социальным наследием» и памятью об Афганской войне: опыт участия в боевых конфликтах призывников (фактически гражданских лиц), провалы реадaptации ветеранов, общественное осмысление конфликта, который многие отказывались считать для СССР (России) справедливым, — все это лишь наиболее очевидные вопросы, требующие своих исследователей. Обо всем этом мы поговорили с профессором Высшей школы экономики Еленой Юрьевной Рождественской.

— Елена Юрьевна, Вы уже не первый год занимаетесь изучением опыта Афганской войны на основе интервью с ее участниками. Какой спектр проблем и вопросов Вы считаете наиболее значимым?

— Настоящее исследование продолжает наш долгий интерес к теме социологии войны. Изначально мы изучали Вторую мировую войну и, в частности, тему остарбайтеров, которых мы интервьюировали. Этот проект стал школой, которая затем позволи-

¹ Интервью у Елены Рождественской взял Константин Пахалюк специально для Социодиггера. Мнение интервьюируемого может не совпадать с мнением редакции.

ла перейти к изучению уже опыта Афганской войны и ее коммеморации (итоги были опубликованы в книге «Войны памяти», вышедшей на английском языке в Routledge). Нас стало интересовать, каким образом военнослужащие перерабатывают этот социальный опыт, зачастую травматичный, как происходит дальнейшая ресоциализация и с какими проблемами они сталкиваются. Мы изучали стратегии работы с этим опытом как на уровне социальных действий, так и на уровне дискурса — как мы нарративно справляемся с ним, можем ли мы (и в какой мере) включить его в связный рассказ.

Тот проект, что мы реализуем сегодня (официально он стартовал только с февраля этого года), выстроен вокруг нескольких тем. Прежде всего, это милитаризация: каким образом складывается и ширится профессионализация в военном деле, чего она требует, что создает определенные ресурсы, чтобы этот опыт реализовывать в боевых действиях; как затем с ним справляться и адаптироваться к гражданской жизни. Также нас интересует конструкт мужественности: после Второй мировой войны сложился репертуар идентификационных моделей — фигуры защитников, исполнителей интернационального долга, вплоть до профессиональных идентичностей военного, когда мужчины профессионализируются и это остается составной частью их ядра идентичности на многие годы, даже когда они выходят на пенсию или переквалифицируются в гражданские профессии. Кроме всего прочего, нас интересует и телесный опыт войны, потому что многие несут след не только психологической травмы (опыт участия в боевых действиях, который для многих оборачивается ПТСР), но и телесной — ранения, ампутации. Оторванные руки, оторванные ноги, болезни — эта инвалидизация значима вследствие военного опыта, она очень важна и в коммеморативных сообществах, где идет интенсивный обмен воспоминаниями и поддержкой на этой основе. Военное братство выступает широчайшим ресурсом для адаптации и помощи товарищу-инвалиду. Не всегда государство было готово оказать эту помощь, не всем удавалось воспользоваться теми возможностями, которые здесь открывались, многие получали эту помощь горизонтально, по мере того как собирались средства. Этому способствовали и институциональные изменения в сети коммеморативных сообществ, когда крупные организации поглощали более мелкие, аккумулируя и переводя государственные бюджетные средства для помощи ветеранам на себя, что создавало дополнительные бюрократические сложности.

Таким образом, в поле зрения нашего проекта и те, кто имеет соматический опыт инвалидизации, и те, кто не пострадал физически, но имеет психологически сложный опыт. Поэтому говорить о том, что есть здоровые и есть нездоровые, нельзя — все задеты, все затронуты.

— *Хотя мобилизации как таковой в годы Афганской войны не было, но в любом случае молодые ребята по призыву отправлялись на войну. Это были фактически гражданские люди, пусть и воспитанные на романтических образах Великой Отечественной. Государству требовалось превратить их в военных, тех, кто готов сражаться и отдавать себя во имя поставленных целей. Каким образом это делалось и какой отпечаток накладывала эта милитаризация?*

— Вопрос, безусловно, ключевой. Здесь важна та степень, скажем так, профессионализации, которую можно было получить за месяцы учебки. Но в то же время были

и профессиональные военные, которые в качестве среднего и старшего офицерского состава транслировали нормы профессионализма. Поэтому нам не избежать разговора и о следующем: что мы, гражданские, понимаем под этим опытом — опытом войны. Я в данном случае предлагаю такую двоякую перспективу: с одной стороны, сам проект — это попытка общества, условно, посмотреть на военный опыт. Но, с другой стороны, в исследовательской установке заложена необходимость встать на позиции участников, посмотреть их глазами, в том числе реконструировать их установки, их взгляд на мир и на их военное дело. Потому что война войной, а к ней надо подготовиться, надо обучиться, для нее надо приобрести какие-то знания, навыки, компетенции. И в этой ситуации наше внимание выделяет, безусловно, ту литературу, которая предназначена для обучения военных, для того чтобы понимать, в чем заключается этот профессионализм. Поэтому, если в одной фразе, которую, безусловно, надо расшифровать, то армия и профессионализм военных построены на эффективном применении силы. Но там, где сила, там же есть насилие, и вот здесь мы опять возвращаемся на гражданскую позицию, потому что война — это всегда и насилие, не только сила. Различия между разными установками создают определенные противоречия, которые нужно осознать на входе в исследование.

Если мы возьмем классику («Солдат и государство» Самюэля Хантингтона, «Профессиональный солдат» Морриса Яновица или работы Карла фон Клаузевица), то в центре здесь вопрос пресловутой военной эффективности, которую должен ограничивать гражданский контроль. И вот здесь в военной литературе идет интереснейшая дискуссия — в какой мере это ограничение должно существовать, кто ограничивает военных и имеют ли право военные на собственную этику, связанную опять же с применением силы? Поэтому, например, Хантингтон считает, что офицерский корпус обладает профессионализмом в той степени, в которой проявляется качество опыта, ответственности и корпоративности. Согласитесь, вполне себе считываемая формула профессионализма, которая может быть переложена на другие гражданские профессии, например профессию инженера: там тоже важны и опыт, и ответственность, и корпоративность, правда, еще знания, образование и так далее. Поэтому повышение эффективности по идее должно идти рука об руку с ростом гражданского контроля, хотя профессиональный военный всегда будет стремиться дистанцироваться от политики и излишнего гражданского контроля. Кстати, это ярко проступает в нарративах офицеров-афганцев: мы делали свою работу, делали профессионально, а политики делали свою работу, ее и оценивайте. Итак, обозначая эти вещи: политика, гражданский контроль и, собственно, профессионализм военного, — мы понимаем, что они связаны очень противоречивыми взаимоотношениями в каждом национально-культурном контексте.

— *Как эта проблема разрешалась на практике?*

— Смыслообразующими формулами в дискурсе. Здесь мы обнаруживаем категорию, которую принято называть моральной, но она морально-профессиональная — это воинский долг, потому что речь идет о службе. Кому? — Родине. Долг кому? Родине. И, понятно, эта моральная установка выполнить свой долг в соответствии с военным приказом выносит вопросы смыслообразования несколько вовне, вне военной среды, в общество, где эти формулы обсуждаются и пересобираются. Я припоминаю одну из встреч

на конференции об Афганской войне как раз среди военных ветеранов высокого ранга, которые в дискуссии, завязавшейся на тему ответственности и качества выполняемой работы, сказали: «Мы-то свою задачу выполнили. Зачем вы нас обвиняете в участии в бессмысленной войне? Нет, наша задача выполнена, мы ее оплатили, вообще-то говоря, кровью. Да, погибли люди, но мы сделали то, что нам поручили». Эта небольшая цитата показывает границы, фронт, разделяющий смыслообразование и идентификацию военного от анализа всего локального конфликта или локальной войны в целом.

— Не получается ли тогда, что вопрос о справедливости войны выносится за рамки и армия начинает осмыслять себя не более чем как механизм государственной воли, соглашаясь с этим? Ведь для гражданского человека, особенно воспитанного на основе представлений о гражданском долге и гражданской ответственности, такой подход неприемлем.

— Это вопрос дискуссионный, я не случайно говорю про разные национально-культурные и социально-политические контексты. Армии приходится обеспечивать готовность человека оказаться в ситуации перманентного экзистенциального риска. Откуда возьмется эта мотивация? На чем она будет зиждиться, что для этого необходимо? Вряд ли только умение владеть оружием и быть физически подготовленным. Разумеется, нужен и боевой дух, и мотивация действовать на грани риска, решая боевые задачи, и, скажем так, моральное оправдание и смысл оправдания того, что ты делаешь. Поэтому на протяжении многих конфликтов мы видим безусловную профессионализацию армии и дискурсивное делегирование этого сюжета смыслообразования кому-то другому, кто за это может быть ответственным. Понятно, что советская политика в целом была ответственна за формулировку идеи интернационального долга, то есть помощи соседу в беде. Помощь соседу — достаточно хорошо сформулированный слоган, который апеллирует к архетипическим слоям крестьянского сознания. Как же не помочь соседу, с кем мы рядом живем и дружно соседствуем? Интернациональный долг как след политики интернационализма, безусловно, очень емкое понятие, стимулирующее на реципрокную помощь. Сформулировать такие слоганы — высокая ответственность, потому что они застревают в массовом сознании, они сами становятся смыслопорождающими или смыслолимитирующими конструкциями, потому что их цитируют часто и они должны быть безупречными, ведь они должны работать.

Нужно при этом понимать, что участники Афганской войны уходили из одной страны, а вернулись в другую, из-за чего сменился публичный политический дискурс, а то, что было смыслообразующим элементом дискурсивной внутривойенной машины, вдруг оказалось подвешенным со знаком вопроса: за что и зачем? Это, конечно же, поставило перед ветеранами-афганцами серьезнейшие вопросы. Так что мы — и ветераны, и исследователи — пересматриваем те основания, ради которых участники событий «положили жизнь, здоровье, не можем адаптироваться, имеем сложности в трудоустройстве». В конце концов, все изменилось, и государство вовсе не берет на себя ответственность за то, как им адаптироваться.

— Возвращаясь к теме рефлексии воспоминаний участников Афганской войны — как они строили свои рассказы? Это некий единый опыт, который проглядывает за ними, или все же нужно говорить о разных опытах войны?

— Практически сразу же мы обнаружили, что нарративный материал дает разнородную интерпретацию. Рассказывать о войне в принципе сложно. Вопрос о ней повергает в некоторое замешательство, и каждый из наших опрошенных выбирал из небольшого числа опций. Так, можно следовать пресловутой триаде: как жил я до этого, до афганского призыва, во время афганского опыта и после — как живу теперь и какие проблемы решаю. Но рассказать это равномерно невозможно. Настолько сильный отпечаток оставил афганский опыт, что рассказ рвется, его нить некогерентна. Чуть-чуть про жизнь на гражданке до Афгана — это затерто в памяти, потому что эта жизнь уже невозможна, к ней не вернешься. Отчасти, может быть, чуть-чуть о родителях, о друзьях, с которыми потом сравнивается свой жизненный опыт, ведь кто-то пошел на войну, кто-то — нет, как сложились эти сравниваемые траектории. Простому рекрутированному солдату подготовиться к войне было невозможно. Даже спорт лишь отчасти создавал физические преимущества, но всему пришлось учиться либо переучиваться. И несколько месяцев в учебках фактически создавали некоторое представление о том, что ждет, но в реальности все было совсем иным. Поэтому шок от войны, от прямых боевых действий, конечно же, разрывал способность что-то запомнить в классическом нарративном ключе. Истории о войне не было, были отдельные эпизоды. Причем они даже могли менять жанры. Например, респонденты рассказывали о войне в режиме анекдотов — неких притч о том, как выжить в повседневности, как спастись, как найти пищу, как не потерять здоровье, как сохранить взаимоотношения (что порой очень сложно ввиду дедовщины). И, соответственно, период афганского опыта рвется на отдельные кейсы, которые могут быть либо анекдотом, либо каким-то ярким впечатлением от конкретного боя, запомнившегося сильными эмоциями, переживаниями и яркими деталями.

А вот офицеры могли рассказывать об афганском опыте с точки зрения военной командировки, ведь она могла способствовать продвижению по военной иерархии. Наличие боевого опыта в горячих точках необходимо, поэтому не принято отказываться от таких предложений. Самосохранение здесь не работает, здесь работает совсем иное, а именно мотивация профессионального военного в том, чтобы быть эффективным, в том числе в проявленных качествах. Поэтому рассказ о командировке достаточно сухой, о том, что ей предшествовало, кто посылал, где и как перемещался, какие позиции занимал и так далее — все в таком деловом тоне.

И согласитесь, это создает совершенно разные взгляды на войну. В диапазоне оценки: «Слава Богу, выжил» до «Вот мне дали звездочки». Поэтому мотивация будет тоже различной. Здесь в одном случае гордость за себя, который, в общем, построил карьеру, выжил, сохранил здоровье, приобрел соответствующий опыт, который украшает биографию, а в другом случае — недоумение: «Что мы там делали?»

— *И где тогда появляется свойственной афганским сообществам ресентимент — критическая оценка войны?*

— В отрыве уже от своего личного рассказа. Каждое интервью затрагивает целую серию вопросов относительно биографической траектории: траектории военного, траектории призванного, траектории после афганского периода с адаптацией и поиском работы и сложными взаимоотношениями как с внешним обществом в лице определен-

ных институций, так и с близкими, которые не всегда могут понять. Соответственно, вопрос «Что же это было?» порождает отдельное поле рассуждений, которые сопрягают афганский опыт и проблемы адаптации, прежде всего как общество принимает вернувшихся, с кем можно поговорить об этом. И предлагается констатация, что ветераны никому не нужны. В обществе практически нет такой публичной площадки, на которой можно было бы обсуждать пост-Афган.

— А что остается?

— Остаются регулярные, привязанные к определенным коммеморативным датам встречи комбатантов. За несколько десятилетий ветераны на них уже неоднократно и рассказали про свой личный опыт, и услышали другую точку зрения. Безусловно, между этими точками зрения обнаруживаются различия и постепенно вырабатывается так называемый «гранд-нарратив» относительно конкретных событий, например на перевале Саланг. И каждый как в кривом зеркале видит себя лишь частично, что порождает некоторые противоречия и сложности, когда часть опыта, будучи неузнанной и дискурсивно неоформленной, погибает. То есть она не проговаривается и не востребуется, и в этом смысле всей полноты пережитого мы так и не увидим. Остается лишь косвенное упоминание. Допустим: «Я вам всего не могу рассказать». «А с кем вы делитесь тем, что вы можете рассказать?» — встречный вопрос. И ответ: «Когда мы встречаемся с двумя, тремя очень близкими товарищами и у себя на кухне под рюмку водки. Да, под рюмку водки на столе мы можем рассказать, вспомнить друг с другом то, что мы лично пережили. Но это нельзя рассказать ни вам, ни близким в семье и так далее». Но по крайней мере через этот ответ мы видим контурирование того узкого поля, где переживания все-таки пульсируют.

— Этот невысказанный опыт, он намеренно табуируется респондентом и намеренно отводится в пространство знания-только-для-своих, либо все же работа социолога может помочь этот опыт высказать?

— Я думаю, что более реальный первый вариант. Я вижу, что он все-таки табуирован и наши усилия по нарративизации, по созданию определенного запроса на очень доверительный разговор не ведут к полной «распаковке» опыта.

— А собственно сами афганцы нуждаются в том, чтобы этот непроговоренный опыт был явлен миру?

— Я полагаю, что все-таки это нужно любому человеку, пережившему опыт войны. Потому что неприсвоенный опыт, то есть не выраженный дискурсивно, не позволяет посмотреть на себя со стороны. Фактически это та часть личной истории, которая вытеснена и не принадлежит в полной мере участникам событий. Без вербализации становится непонятно: этот опыт для чего? Мы ведь наделяем социальным смыслом лишь то, что можем проговорить, вследствие определенных особенностей жанра нарратива. Нарративы так устроены. Внутренняя интроспекция этим не богата, мы внутри себя эту рефлексивную работу не можем осилить ввиду отсутствия диалога и справляемся только тогда, когда предъявляем это в виде разговора в расчете на условно собирательного

другого. Мы можем даже сами признаться в том, что да, это случилось, это было тяжело, мы переживали. Почему это случилось с нами? Имело ли это какой-то смысл? Вот эти вопросы могут быть честно предъявлены в разговоре, но тогда они открывают горизонт следующей задаче. Если мы сейчас не понимаем, почему это произошло и за счет чего это произошло, то в перспективе мы можем узнать с помощью кого-то другого или время откроет нам какие-то дополнительные опции. Этой работы по разматыванию смыслопроизводства в интроспекции нет. Поэтому я полагаю, что мы не должны оставлять усилий и сподвигнуть на разговор тех, кто еще является живым носителем этого опыта.

— Разве это не работа психотерапевта?

— Я не соглашусь с вами. В конце концов, зря, что ли, у нас в социологии произошли и антропологический, и визуальный, и в том числе нарративный повороты? Нарратив вышел за пределы психотерапевтической практики, потому что происходит междисциплинарное слияние исследовательских вопросов. Нам важно построить нарратив о социальном опыте в социальных науках. Это наш предмет.

— В данном случае я имею в виду, что существуют юридические ограничения для участников боевых действий на публичный рассказ о своем опыте. И это оставляет фактически только пространство психотерапевтического кабинета для такого разговора, в то время как публичное обсуждение оказывается затруднено. Спустя 30 с лишним лет, конечно, таких ограничений нет для афганцев, но зато они существуют для ветеранов более близких к нам по времени конфликтов.

— Афганская война не первая и не последняя. У нас есть и предыдущий колоссально разработанный сюжет, связанный с опытом Второй мировой: учебники, посещение ветеранами школ, художественная литература — все это обслуживало проработку опыта. Общество перерабатывает на самых разных уровнях такие мегасобытия, как войны. Поэтому общество, устроенное достаточно сложно с точки зрения вертикальных, горизонтальных связей и институций, которые контролируются государством, — это одна история. Но есть еще и горизонтальные связи между коммеморативными полями, потому что способность человека к самоорганизации, к основанию сообществ — это великая способность. И ветераны Афгана тому пример. Это сообщества, возникающие на основе совместной работы, например, офлайн-сообщества встреч к соответствующим коммеморативным датам. Это и онлайн-сообщества, которые по месту призыва организуют архивы онлайн-воспоминаний и фольклора, одновременно являясь площадками для взаимопомощи. Все это вполне действенные механизмы. В предыдущих наших проектах мы как раз анализировали ту социальную активность, которая не позволяет теме исчезнуть, а людям — забыть. Опыт можно поделить в общении с другими государственными службами, с детьми, придя в ту или иную школу или организовав подобные встречи, музеи афганской славы, которых множество по всей стране. И это порождает более широкое сообщество вокруг ветеранов.

Меня больше интересует методологический вопрос корпусов воспоминаний, потому что это, конечно, волонтерская и совершенно неблагодарная работа с точки зрения того, что она не оплачивается, но требует очень многих навыков. Мы видим, что дале-

ко не везде, не на всех сайтах соответствующих коммеморативных обществ она проводится. Собственно воспоминаний афганцев не так много, ведь сесть и написать — это труд, и не все соглашаются на него, поскольку нет уверенности, что это кому-то нужно.

— *Сами ветераны-афганцы говорят о том, что значит убивать другого?*

— Нет, это табуированный вопрос. Смерть товарища нетабуированный вопрос, коллективные потери и выигрыши — нетабуированный вопрос. Но прямое убийство — вот я убил — нет, такой вопрос ни задать нельзя, ни ответа на него получить.

— *Есть другие табуированные темы?*

— Есть зона умолчания, или тневая зона, которую составляют вопросы, связанные с сексуальностью, с криминалом, наркотрафиком. Отчасти сюда относятся и вопросы дедовщины.

— *На какие темы ветераны особо хорошо говорят?*

— Обиды на государство. И одновременно — о помощи сотоварищей, военном братстве людей, которые пережили вместе серьезнейший опыт. Это очень важный сюжет для маскулинной идентификации, и для них важно подчеркнуть в интервью, что это было, что это — в отличие от всех других возможных вариантов помощи — сыграло самую значительную роль. В общем, это самый главный вопрос.

— *Что для ветеранов-афганцев наиболее травмирующее с точки зрения коммуникации с ними, на что они острее всего реагируют?*

— Я бы отметила следующий момент — разрушенный социальный контракт с государством. Он был оформлен с точки зрения риторики и оправдательного дискурса как помощь соседу, интернациональный долг. Вернувшись оттуда, обладатель такой идеологической картины мира полагал, что он выполнил долг. Соответственно, возникли ожидания социальной контрактации: раз мы долг выполнили, то общество должно выполнить свою часть обязательств, то есть обеспечить пособия, жилье, преференции при поиске работы и символическое вознаграждение. Последнее выстраивается по модели Великой Отечественной войны, когда ветеранов широко и радушно встречают везде. Условно, всегда должна быть красная гвоздика на 9 Мая, к тебе подойдут и подарят ее совершенно незнакомые люди, и у них будут слезы стоять в глазах. Для вернувшихся из Афганистана встает вопрос, почему, когда надеваются афганские ордена, они не встречают подобного же символического вознаграждения. Хотя бы на символическом уровне, не говоря об остальном социальном пакете. И это порождает серьезную обиду.

— *Правильно я понимаю, что Великая Отечественная война и память о ней задают слишком жесткие стандарты должной памяти о войне?*

— Конечно.

— Это само по себе влечет сложность коммеморации и символической компенсации участникам тех конфликтов, которые мы не можем признать столь справедливыми, сколь справедливой была Великая Отечественная? Не получается ли, что «культ Победы» загоняет российское общество в ловушку?

— Да, получается. Поэтому такие конфликты и разворачивались, о них с обидой сообщали наши респонденты, которые на соответствующие праздники, на 9 Мая, надевают свои ордена и хотят тоже встать в кадр. А ветераны Великой Отечественной их отгоняют: «У вас другая война, и непонятно какая, не примазывайтесь к нам». Это очень болезненные моменты. Многие из наших респондентов попадали в подобного рода ситуации, и они, конечно же, очень переживают на этот счет.

Мы все внутри определенных дискурсивных машин, — мы же их не изобретаем, мы их застаем, — и, если они работают по отношению к нам, мы становимся агентами социальных ожиданий. В условиях смыслового вакуума вокруг Афганской войны ее участники пытаются прислониться к нормативной фигуре ветерана как такового. Но у ветеранов локальных конфликтов — у всех своя мера долга, у всех свое экзистенциальное переживание, связанное с выдернутостью из гражданской жизни, с потерей здоровья, смещением жизненных перспектив, переживанием ПТСР. Невозможно остаться условно нормальным, если ты стреляешь в другого человека. Ты должен как-то переработать этот опыт и объяснить его необходимость самому себе и своим детям.

— Это новая дискурсивная машина, которую нужно создать?

— Безусловно. Этот вопрос встает в другом ракурсе ввиду профессионализации армии и изменения режима войн. Дело в том, что война войне рознь, конфликт от конфликта сильно отличается. Даже такой пример. В свое время мы опубликовали книгу о фронтовых письмах XX века². В него вошли разысканные письма из разных архивов от Первой мировой, Японской, Финской, Второй мировой, Афганской, Чеченских войн, собранные письма были распределены по разным сюжетам, которые в них описывались. Но дальше писем не пишут. Исчез сам эпистолярный жанр с его особенностями. То есть война изменилась с точки зрения того, как она документируется самим комбатантом. Написать письмо домой в тыл, о чем пишут и что отвечают ему. А теперь у нас гаджеты, то есть война во многом меняется и технологически, и психологически, поэтому, безусловно, дискурсивные машины должны быть перестроены. Теми, кто ведет, начинает и, вероятно, заканчивает войны, должны быть вложены определенные усилия в эти дискурсивные машины, чтобы людей, которые пережили самый сложный травматический опыт, перестроить на мирные рельсы, чтобы при хлопке на улице от газующей машины человек не бросался на асфальт и не закрывал уши руками.

— И здесь мы выходим на те ошибки в ресоциализации участников Афгана, которые были допущены в 1990-х годах.

— Сами ветераны не очень охотно рассказывают о траекториях, сложившихся после военных событий. Разумеется, мы вырुливаем в разговоре не только на индивидуаль-

² XX век: Письма войны / под ред. С. Ушакина, А. Голубева. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

ную, но и на коллективную идентичность афганца. Да и они, безусловно, работают над ее границами и над ее определенным образом, транслируемым в публичность через интервью. Они не особо говорят о том, что кто-то ушел в спекуляции или даже в криминал, чтобы выжить, но признают, что такие товарищи были.

В процессе перестройки на гражданские рельсы, переобучения нужна была поддержка, дотации, пособия, которые бы поддержали в сложный период не только ветеранов, но и их семьи. Вот здесь чрезвычайно уместны гендерные модели. Мы говорим о мужчинах, которые должны вернуть себе роль кормильцев. За счет чего? Вот я, например, встречала молодого ветерана, который бомбил таксистом. Он не справился со своим ПТСР, потому что никто ему не помог. Он был чрезвычайно склонен к гневу, не мог контролировать его и в какой-то момент, поссорившись с пассажирами своего условного такси, влетел в отбойник, и все погибли.

Далеко не все коммеморативные сообщества организовывались сразу, ведь это отложенное социальное коллективное действие. Предоставленные сами себе, афганцы встречали в органах социального обслуживания фразу от чиновников, равнодушно поднимающих глаза: «А мы-то вас туда не посылали, поэтому мы вам ничего не должны». Такое чиновничье равнодушие, безусловно, подрезало веру в то, что афганец сможет найти себя в гражданском мирном обществе, поэтому ресентимент рос и ширился.

— *Возможно, с самого начала часть проблем была бы решена, если бы удалось развести политические оценки войны и отношение к солдатам. Не идти моделью Великой Отечественной, а наоборот, четко показать, что дискуссии о конкретном военнополитическом, историческом событии — это одно, а отношение к ветеранам — другое.*

— Я совершенно с вами согласна. И этому выводу способствует методологическая установка наших исследований. Нужно взять жизненную перспективу участника событий не с той точки зрения, как армия решала свои задачи (это другая важная задача), а как люди в армии решали предложенные им задачи. Смена этих перспектив возвращает нас к теме маленького человека — как солдатам ежедневно преодолевать угрожающую жизни боевую ситуацию, все ее риски, неопределенности. Есть у них и работа, есть и отдых от работы, есть будни. Потому и афганский опыт — это в том числе и про то, как достать еды, как вылечить раны, когда госпиталь далеко, как обеззаразить воду, и так далее. Сюда входят и окологримиальные практики, связанные с тем, что в кишлак можно зайти не только за боевой задачей. В общем, всякое на войне происходит, потому что это другое морально разреженное пространство, но со своим внутренним военным эпосом.

К вашему вопросу все-таки у меня есть дополнение, из разряда контекстуализирующих. Дело в том, что Афган закончился в сложнейшее время экономического транзита, перестройки, которую проживало и остальное население страны. То есть не только возвращающиеся ветераны-афганцы, но и другие граждане могли не иметь заработка. Бюджетные организации, выдававшие зарплату бюстгалтерами или кирпичами, — всякое бывало. И поэтому условная боль ветеранов, их проблемы адаптации находились в конфронтации с проблемой адаптации к новым социально-экономическим и политическим условиям других сограждан. Таким образом, отношение к ветеранам складыва-

лось сквозь призму социально-экономических и политических перемен, что не добавляло ресурсов к решению проблем солдат, возвращавшихся в фактически новую страну.

— Мы с Вами обсуждаем, как можно менее конфликтно и при этом достойно вплести память об Афганской войне в общее пространство памяти и сделать ее достоянием общности, и снять ряд противоречий. Но не будет ли этой модели некоего сопротивления со стороны самих ветеранов, желающих именно героической памяти по модели Великой Отечественной?

— Конечно, будет. Все контрагенты защищают свой дискурс. Но мы сейчас ратуем за многообразие дискурсов. Идеологический, общеполитический, государственный дискурс никуда не денется и будет только утверждаться и усиливаться. Будут альтернативные дискурсы самих носителей этого опыта, и часть из них будет примыкать к тому же идеологическому, скрывающему внутренние противоречия. Но одновременно и общество в целом в лице разных институций и сообществ имеет полное право на свои оценки. Дискурс нельзя присвоить, можно лишь его дифференцировать. И наша задача — увидеть многообразие этих дискурсов.

**ЗВОНОВСКИЙ
ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ**

доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии и психологии,
Самарский государственный экономический университет

**ХОДЫКИН
АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ**

кандидат социологических наук, социолог,
Фонд социальных исследований (Самара)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОБЫТИЕ И ЛИЧНЫЕ ТРАГЕДИИ: СТАНОВИТСЯ ЛИ СПЕЦОПЕРАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМОЙ ДЛЯ РОССИЯН?¹

Превращение исторического в личное: что говорят социологи?

О том, как меняется восприятие масштабных трагических исторических событий, когда они становятся событиями жизни людей, написано много художественной, исторической, философской и психологической литературы². Социологических работ на эту тему не так много, однако ее исследованием социологи занимаются со времен отцов-основателей нашей дисциплины. О том, как вторжения исторических событий в судьбы людей формируют сообщества, писал еще Георг Зиммель, называя их сообществами судьбы.

Направленность течения внутренней жизни решает, что следует считать судьбой и что нет; она совершает своего рода селекцию из касающихся нас событий, и только то из них, которое способно войти в ее собственные движения (причем это относится даже к ее отклонению и разрушению), играет для нас роль судьбы³.

¹ Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

² См. книги Василия Гроссмана, Светланы Алексиевич, Себастьяна Хаффнера, Виктора Клемперера, Ханны Арендт, Виктора Франкла и многих других.

³ Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 96.

Виктор Вахштайн⁴ отмечает, что для Зиммеля судьба — оператор селекции, делающий исторические события событиями биографическими:

Таким образом, судьба — это оператор селекции. То есть то, что отбирает „внешние“, объективные, каузальным образом связанные события, размещенные в историческом времени, и делает их событиями вашей жизни, переносит их в иную, интенциональную, темпоральность. Поэтому солдат не может умереть на „чужой войне“. К моменту смерти это уже „его“ война⁵.

Как трагические исторические события, становясь событиями судьбы, изменяют их восприятие? И как изменяется общественное мнение о таких событиях, когда для значительной части населения они оказываются событиями собственной жизни? Попытка дать некоторые предварительные ответы на эти вопросы на материале исследования восприятия российским обществом конфликта с Украиной предпринята в этом тексте⁶.

○ Спецоперация как событие личной биографии

Военные действия существенно влияют на биографии людей, трансформируют их взгляд на мир и оценки событий, в которые они были вовлечены. Многие участники военных действий отчуждаются от покинутой ими мирной жизни и впоследствии нуждаются в ресоциализации и социальной интеграции в ставший новым для них старый порядок. Среди классиков социологии наиболее подробный анализ изменения восприятия социального порядка возвращающимся с войны солдатом провел Альфред Шютц:

Возвращающемуся домой дом показывает — по крайней мере, вначале — непривычное лицо. Человек думает, что попадает в незнакомую страну, пока не рассеиваются облака. Этот мир организован иначе, чем тот, из которого он прибыл. Возвращающийся, однако, ожидает вернуться в окружение, где он уже был, о котором он имеет знание, которое, как он думает, сумеет использовать, чтобы войти с ним в контакт. Он [возвращающийся] вступил в иное социальное измерение, не покрываемое системой координат, используемых как схема референции у себя дома. Он не испытывает в опыте живого настоящего многих социальных отношений, составляющих текстуру его домашней группы, в качестве их участника⁷.

Измерим объем группы россиян, имеющих опыт участия в СВО на Украине, и проанализируем ее социальные характеристики.

⁴ Физическое лицо, признанное в РФ СМИ, выполняющим функции «иностранный агент».

⁵ Вахштайн В. С. Воображая город: введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 149.

⁶ Метод исследования — телефонный опрос взрослых жителей России, репрезентирующий население страны старше 18 лет по полу, возрасту, федеральному округу и уровню образования, N= 1600 респондентов, время проведения: 22—26 декабря 2022 года.

⁷ Шютц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 139—142.

Вопрос: «Вы лично принимали участие в спецоперации на Украине?» задавался нами всем мужчинам в возрасте от 18 до 50 лет. По итогам опроса о наличии опыта участия в СВО заявили 4 % респондентов, 91 % в СВО не участвовали, 2 % отказались отвечать на вопрос и 3 % не смогли однозначно отнести себя ни к участникам, ни к не участвовавшим в СВО, они попали в группу затруднившихся ответить (рис. 1). Таким образом, в пересчете на все подходящее по полу и возрасту население страны получается, что в СВО поучаствовали около 1,2 млн россиян, что представляется завышенной оценкой. Отчасти, возможно, это стало следствием неточной формулировки вопроса, ведь «участие» подразумевает не только участие, с оружием в руках, но и, например, снабжение городов, где проходит СВО, продуктами питания, обслуживание их коммунального хозяйства и транспортной сети. Поскольку СВО является важным, возможно, ключевым элементом российской общественно-политической жизни, рядовым респондентам может казаться социально одобряемым и значимым для себя со-участие в ней, и они могут переоценить свое участие в СВО. В частности, жители Белгорода или Севастополя, попадающие под ракетные обстрелы этих городов, вполне могли назвать себя участниками операции. В следующих волнах измерения необходимо будет определеннее формулировать вопрос для минимизации социально одобряемых ответов.

Рисунок 1. Доля респондентов, считающих себя участниками СВО, среди мужчин от 18 до 50 лет

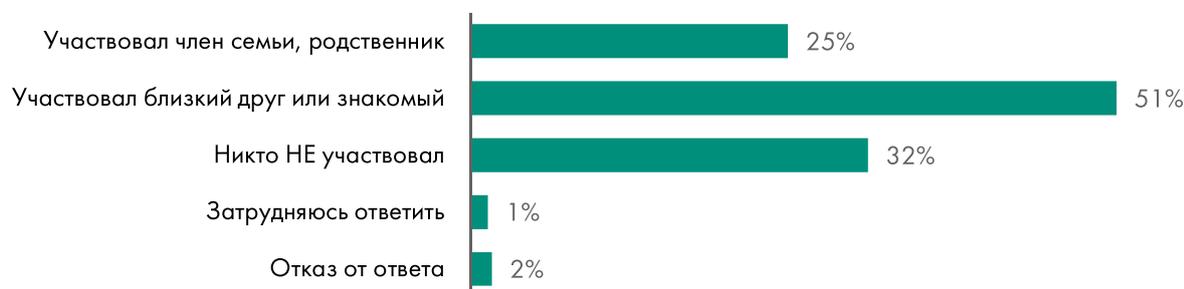

Спецоперация как биографическое событие для социального окружения

СВО из исторического события превратилась в часть личной истории для большинства россиян, а для многих стала событием собственной биографии. Около двух третей респондентов заявили, что имеют воевавших там родственников, друзей или близких знакомых — лишь у каждого третьего (32%) таковых в окружении нет (рис. 2). У каждого четвертого, судя по опросу, в СВО участвовали члены семьи или родственники (25%), у половины (51%) — друзья или близкие знакомые. Сумма ответов оказалась больше 100%, поскольку у некоторых респондентов участвовали в СВО и члены семьи/родственники, и друзья/знакомые.

Вторжение СВО в личную жизнь большинства россиян создает социальные условия для превращения ее в травмирующее событие и для возникновения в случае роста числа потерь эффекта коллективной травмы по Дюркгейму⁸. Однако есть все основания предполагать, что доли участвующих в СВО друзей и родственников респондентов завышены, поскольку респонденты не склонны разделять в своих ответах близких и дальних родственников. Подробный анализ связи участия друзей и близких знакомых в СВО с ответами на главные вопросы анкеты показал, что наличие таких друзей и знакомых не влияет на отношение респондентов к ключевым аспектам тематики войны и мира. Причина в том, что респонденты преувеличивают степень включенности участника СВО в свой круг общения, у многих отдаленные знакомые попадают в число близких знакомых и друзей, из-за чего дальнейший анализ группы друзей и знакомых представляется непродуктивным.

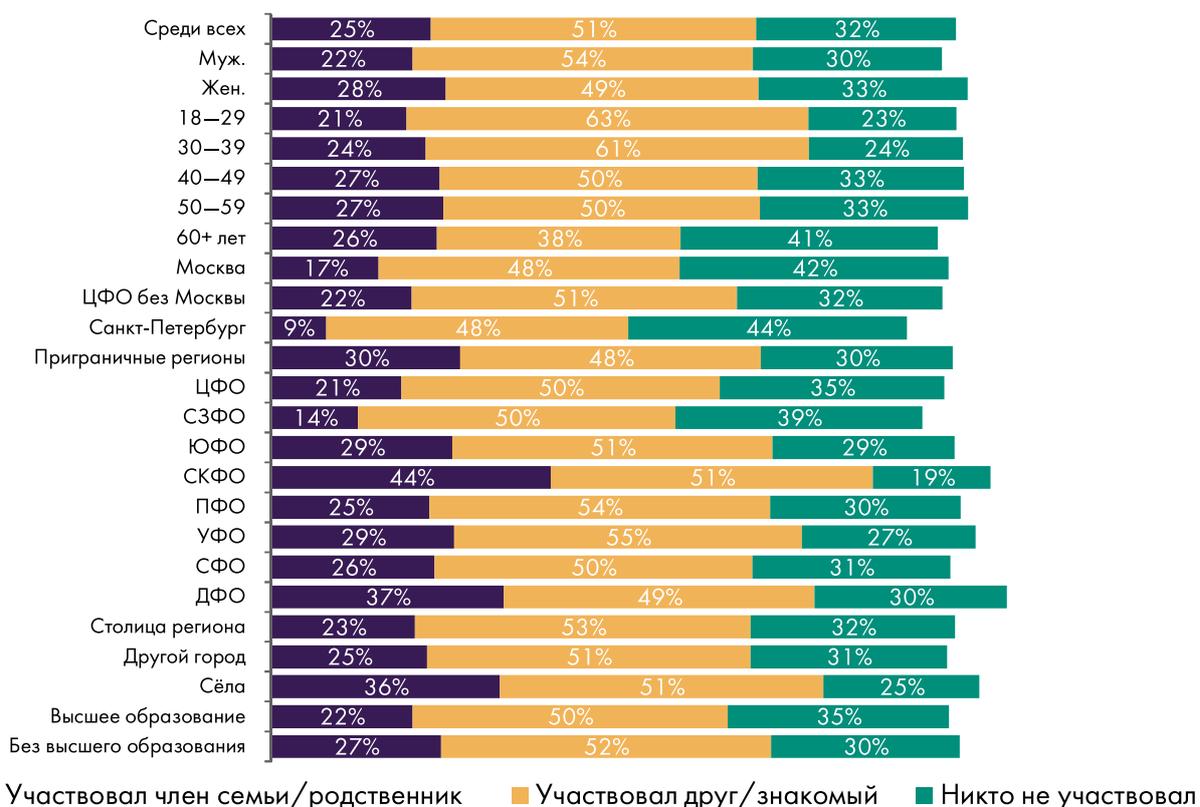
Рисунок 2. Участие в СВО окружения респондентов

Чем ближе респонденты к социальной периферии (бедные регионы, сельская местность, ниже уровень образования в социальном окружении), судя по опросу, тем чаще в их семейном окружении оказываются участники СВО. Сельчане чаще горожан, люди без высшего образования чаще наиболее образованных россиян, жители Северо-Кавказского федерального округа чаще жителей других округов говорят, что имеют родственников, участвующих в СВО. В то же время, по полученным данным, родственники жителей Москвы, Санкт-Петербурга (не выделявшегося на общем фоне по доле участников СВО) и Северо-Западного округа реже участвуют в спецоперации (рис. 3). Среди всех округов выделяется Дальневосточный: доля имеющих участвующих в СВО родственников здесь намного выше средних по стране показателей (37% против 25% среди всех).

⁸ Коллективное переживание трагических событий, затронувших многих людей в относительно короткий промежуток времени, обладает кумулятивным эффектом и способствует формированию коллективной травмы, воздействующей на сообщество сильнее суммы индивидуальных травм. Дюркгейм называет это явление эффектом коллективной травмы. Яркий и довольно крайний пример — трагедия города Шеффилда в годы Первой мировой войны: «приятельский батальон», набранный из слабо подготовленных жителей этого небольшого английского города, за один день битвы на Сомме понес огромные потери, в результате чего почти половина горожан за неделю получила «похоронки» на своих близких, что коренным образом переопределило коллективную идентичность местных жителей, навсегда связав ее с пережитой трагедией. Подробнее о данном случае см. с. 34—35 в работе: Вахштайн В. С. «Сообщество судьбы»: к военной истории идей // Социология власти. 2019. № 4. С. 12—52. <https://www.doi.org/10.22394/2074-0492-2019-4-12-52> (материал создан СМИ, признанным иностранным агентом)..

Рисунок 3. Связь между социально-демографическими характеристиками и вовлеченностью окружения в СВО

Экономические характеристики разделяют респондентов, имеющих и не имеющих в окружении участников СВО, не столь сильно, как самих участников спецоперации. Причисляющие себя к обладателям доходов выше среднего, индивидуальные и социальные оптимисты⁹, бюджетники и укрепившие за ушедший год свое финансовое положение чаще заявляют, что имеют в своем окружении участников СВО, тогда как в окружении индивидуальных и социальных пессимистов участников спецоперации несколько меньше (рис. 4).

Сети семейных связей мужчин подлежащего мобилизации возраста имеют значительную степень кластеризации по наличию опыта участия в СВО: у респондентов, заявивших о личном участии в СВО, в разы чаще там воюют члены семьи и родственники (63 % против 25 % среди всех) (рис. 5). То есть наличие участвовавших в спецоперации родственников в разы увеличивает вероятность участия респондента в военном конфликте.

Поддержка решения о проведении СВО в семейном окружении мужчины призывного возраста повышает вероятность его участия в данном военном конфликте. В СВО чаще участвуют родственники поддерживающих это решение (рис. 6).

⁹ Индивидуальные оптимисты/пессимисты — это те, кто считает, что их материальное положение улучшится/ухудшится в ближайший год. Социальные оптимисты/пессимисты — это те, кто считает, что материальное положение большинства россиян улучшится/ухудшится в ближайший год.

Рисунок 4. Экономические характеристики респондентов с разной степенью вовлеченности социального окружения в СВО

Рисунок 5. Последствия СВО для участвовавшего в ней окружения респондента

Рисунок 6. Связь между участием окружения в СВО и отношением к ней

○ Спецоперация как личная трагедия

Когда одно событие становится причиной гибели и увечий большого числа жителей страны, оно рискует стать коллективной травмой. Респондентам, имеющим в окружении участников СВО, был задан вопрос, есть ли в их числе погибшие или раненые. У 26 % есть погибшие, у 24 % — раненые. В пересчете на всех опрошенных результаты таковы: погибшие в СВО есть в окружении у 17 %, раненые — у 16 % (рис. 7). Сумма ответов оказалась больше 100 %, поскольку в окружении некоторых респондентов есть и погибшие, и раненые.

Рисунок 7. Доли погибших и раненых в окружении респондентов

Социально-демографические характеристики лично столкнувшихся с потерями в СВО имеют ярко выраженные территориальные различия. Меньше всего погибших и раненых, судя по опросу, в окружении москвичей, петербуржцев и сибиряков, тогда как в СКФО таковых значительно больше, чем в других округах. Это распределение в целом сходно с распределением по группам участников СВО. На общем фоне выделяется Сибирь, из которой относительно мало погибших и раненых при средней доле участников СВО, и Дальний Восток, откуда непропорционально велика доля респондентов, чьи знакомые погибли (рис. 8). Среди возрастных групп выделяются только пенсионеры: в их окружении чаще всего нет ни погибших, ни раненых (64 %), но участников СВО в целом не меньше.

Восприятие нынешней экономической ситуации довольно слабо связано с наличием погибших и раненых в окружении респондента. Больше всего потерь в окружении обладателей низких доходов, наемных работников в частном секторе и индивидуальных пессимистов. Бюджетники, имея в окружении многих участников СВО, чаще всех не сталкивались с их гибелью или ранениями (67 %) (рис. 9). В целом распределение лично столкнувшихся с потерями значительно отличается от распределения имеющих в окружении участников СВО, что свидетельствует о неравномерном распределении потерь в экономических группах. Причисляющие себя к высокодоходным группам и социальные и индивидуальные оптимисты чаще участвуют в СВО и имеют знакомых ее участников, но реже имеют в своем окружении убитых и ране-

ных. Можно предположить, что, если они столкнутся с потерями среди близких людей, они пересмотрят свое позитивное восприятие собственной финансовой ситуации и положения дел в стране.

Рисунок 8. Доли имеющих погибших и раненых в разных социально-демографических группах

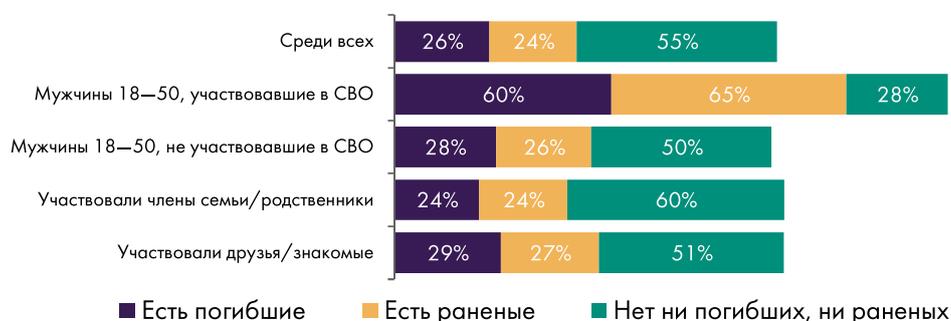
Рисунок 9. Доли имеющих погибших и раненых знакомых в различных по восприятию экономической ситуации группах

Среди участников СВО доли имеющих в своем окружении погибших и раненых предсказуемо больше, поскольку в их окружении больше других участников СВО (рис. 10). Потери членов семьи или родственников, как правило, воспринимаются острее, чем потери друзей или близких знакомых. Поэтому можно предположить, что, если увели-

чится число потерь среди родных, СВО в большей степени будет восприниматься как коллективная травма.

Рисунок 10. Доли имеющих погибших и раненых знакомых в различных по вовлеченности в СВО группах

Рост числа убитых и раненых в окружении респондентов снижает уровень поддержки ими и их социальным окружением решения о проведении спецоперации. Среди поддерживающих СВО и тех, в чьем окружении доминируют поддерживающие ее, больше всего тех, кто не имеет ни погибших, ни раненых в своем ближнем круге (60% и 59%) (рис. 11). В то же время среди не поддерживающих СВО и имеющих негативно к ней относящееся окружение доли понесших потери в связи со спецоперацией значительно выше. Таким образом, можно предположить, что рост числа погибших и раненых в военном конфликте будет снижать поддержку СВО в общественном мнении.

Рисунок 11. Доли имеющих погибших и раненых знакомых в различных по поддержке СВО группах

Восприятие СВО ее участниками и их окружением: резюме

Военный конфликт с Украиной в значительной степени вторгся в личную жизнь россиян и для многих стал личным событием. У двух третей респондентов в СВО участвовал кто-то из ближнего круга: у каждого четвертого (25%) член семьи или родственник,

у каждого второго (51 %) — близкий знакомый или друг. Погибшие есть, судя по опросу, в окружении 17 % опрошенных, раненые — у 16 %.

Участники СВО рекрутируются, по данным проведенного нами исследования, в большей степени с социальной периферии, однако сами воюющие и их родственники оптимистично воспринимают собственное финансовое положение и экономическую ситуацию в России. Они чаще относят себя к высокодоходным группам, считают, что их материальное положение улучшилось и продолжит улучшаться. Финансовая ситуация большинства россиян, по их мнению, в ближайший год тоже пойдет в гору. Возможно, на их оценки собственного финансового положения влияют обещания крупных государственных выплат участникам СВО. При этом относящие себя к высокодоходным группам социальные и индивидуальные оптимисты чаще участвуют в СВО и имеют знакомых ее участников, но реже имеют в своем окружении убитых и раненых. Столкнувшись с потерями в СВО, напротив, дают более пессимистичные оценки, чем в среднем по выборке. Можно предположить, что опыт личного переживания трагической стороны военных действий делает более пессимистичным восприятие экономической ситуации, как своей, так и соотечественников.

Участники СВО и их родственники чаще поддерживают решение о ее проведении и наблюдают такую позицию в своем ближнем круге. Примечательно, что наличие прошедших через СВО друзей не влияет на ее оценку, тогда как наличие воевавших там родственников или собственного опыта участия повышает уровень поддержки СВО. Однако ситуация меняется, когда в окружении респондента появляются убитые или раненые. Наличие таковых снижает уровень поддержки СВО как самим респондентом, так и его окружением. Можно констатировать, что потери в спецоперации имеют наибольший потенциал для формирования коллективной травмы и кодирования вызвавшего их события как травмирующего. Рост числа убитых и раненых, скорее всего, будет снижать уровень поддержки СВО.

Как спецоперация может стать культурной травмой?

О том, что коллективное переживание трагических событий, затронувших многих людей, обладает кумулятивным эффектом и способствует формированию коллективной травмы, воздействующей на сообщество сильнее суммы индивидуальных травм, писал еще Эмиль Дюркгейм¹⁰. Однако остается вопрос — что делает травму травмой? Достаточно ли массового опыта переживания трагического события для того, чтобы оно стало коллективной травмой, или для этого необходима дополнительная символическая работа? Современная социальная теория склоняется ко второму варианту. Петр Штомпка по аналогии со стадиями зарождения социальных движений по Н. Смелзеру¹¹ выделил шесть стадий травматической последовательности:

«1. Структурное и культурное прошлое — среда, благоприятствующая возникновению травмы. Смелзер использует термин „структурная благоприятность“.

¹⁰ Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология: ее метод предмет, предназначение. Работы разных лет. М.: Канон, 1995. С. 208—243.

¹¹ Smelser N.J. (1963) Theory of Collective Behavior. New York: Free Press.

2. Травматические события или ситуации (у Смелзера — „структурное напряжение“).
3. Особые способы определения, интерпретации, выражения или толкования травматических событий посредством фонда унаследованных культурных ресурсов (у Смелзера — „обобщенные представления“).
4. Травматические симптомы, то есть определенные схемы поведения и представлений (всеми разделяемые образцы поведения, общепринятые мнения).
5. Посттравматическая адаптация („социальный контроль“ Смелзера).
6. Преодоление травмы — завершающая фаза или начало нового цикла травматической последовательности, если смягченная травма несет за собой благоприятные структурные и культурные условия для проявления нового вида травмы»¹².

Акцент на символическое измерение формирования коллективной травмы поставили представители Йельской школы культурсоциологии, полагающие, что коллективная травма создается под воздействием определенной символической власти культурного нарратива, кодирующего данное событие как травматическое и делающего коллективную травму культурной травмой¹³. Коллективный опыт переживания травмирующего исторического события необходим, но не достаточен для формирования культурной травмы. Иными словами, повышение уровня вовлеченности и количества вовлеченных в потенциально травматичное событие усиливает вероятность превращения его в культурную травму, но не гарантирует ее формирования. В нашем случае можно прогнозировать, что чем больше россиян будут иметь в своем окружении погибших, раненых или иным образом пострадавших в спецоперации, тем острее они будут воспринимать ее. Станет ли эта СВО культурной травмой для россиян и на кого они возложат вину за нее, зависит от той ее символической интерпретации, которая будет доминировать в российском общественном мнении. Сегодня, по всей видимости, о появлении такой травмы в российском обществе говорить пока преждевременно.

¹² Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 8. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf>.

¹³ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013; Александер Дж. «Уотергейт» как демократический ритуал // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 77–104. URL: <https://sociologica.hse.ru/2012-11-3/71211844.html>; Smith Ph. (1994) The Semiotic Foundations of Media Narratives: Saddam and Nasser in the American Mass Media. *Journal of Narrative and Life History*. Vol. 4. No. 1–2. P. 89–118. <https://doi.org/10.1075/jnlh.4.1-2.06the>; Айерман Р. Культурные последствия рабства / пер. с англ. Н. Поселягина // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 1–4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171/.

**МЕЛЬНИКОВА
ВАЛЕНТИНА ДМИТРИЕВНА**

ответственный секретарь
Союза комитетов солдатских матерей России

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ МОБИЛИЗОВАННЫМ И ИХ БЛИЗКИМ¹

— Валентина Дмитриевна, каковы основные направления в работе Вашей организации в связи с частичной мобилизацией? Что изменилось? Что добавилось?

— Организация существует тридцать четвертый год, нынешние боевые действия двенадцатые в ее истории, а вот мобилизация первая.

Важно разделять процессы. Мобилизация — это один характер дел и обращений, а другой — работа с уже мобилизованными: кто-то еще в «учебке», кто-то на линии фронта, кто-то уже ранен, кто-то погиб.

Во время самой мобилизации за полтора месяца к нам обратились около 15 тыс. человек только на наши московские средства связи: два телефона, группа «ВКонтакте», мессенджеры. Мы пытались объяснить людям, что существует закон о мобилизации и обязанность проводить медицинские комиссии. Что повестки, которые им вручали в первый раз, могут быть ошибочными, с такими повестками надо идти не в военкомат, а в прокуратуру. Пытались объяснить, что и как должно быть по закону, а что из происходящего ему не соответствует. Кто-то слышал и понимал, что-то предпринимал какие-то шаги, а кто-то — нет.

Потом мы получили следующий промежуточный этап. Мобилизованных разместили в разных местах, в каких-то воинских частях, в военных учебных заведениях, нередко в нежилых помещениях или палатках, без отопления, без формы². Люди столкнулись

¹ Интервью у Валентины Мельниковой взяла Наталья Седова специально для СоциоДиггера. Мнение интервьюируемого может не совпадать с мнением редакции.

² О проблемах снабжения мобилизованных см., например, URL: <https://pravo.ru/news/243478/>, URL: <http://www.krgv.ru/news/2022-11-28/leonid-slutskikh-obsudil-s-materyami-prava-mobilizovannykh/> и URL: https://eanews.ru/news/na-problemy-so-snabzheniyem-na-peredovoy-svo-pozhalovalis-mobilizovannyye-iz-chelyabinskoy-oblasti_31-01-2023, о недостаточности снаряжения/обмундирования и трудностях размещения URL: <https://berdsk-online.ru/news/gosduma/aleksandr-aksyonenko-proveril-usloviya-razmeshcheniya-mobilizovannyh-v-novosibirsk> и URL: <https://v1.ru/text/world/2022/10/06/71713748/>, о покупке экипировки за собственные средства, отсутствии медкомиссии, перебоях в поставках питания и питьевой воды, например, URL: <https://v1.ru/text/gorod/2022/11/19/71828510/>.

с реальностью. Начали реагировать родственники, жены и матери, дочери. С учетом общего количества мобилизованных на этом этапе обращений было сравнительно немного. Но те, кто сталкивался с несправедливостью и понимал это, конечно, чего-то добивались. Мы им объясняли, куда пойти, куда позвонить, что сделать.

На разных этапах, связанных с мобилизацией, мы имеем дело с разными проблемами и разными решениями. Одно дело — вернуть тех, кто был мобилизован незаконно³ или у кого появились обстоятельства, при которых они должны быть возвращены домой. Это бюрократическая процедура. Там, где родственники подключались, мы выдерживали (и до сих пор выдерживаем) незаконно мобилизованных⁴. Но это очень малочисленная группа: даже когда мы объясняем, что надо сделать, выглядит так, будто многим неохота бороться.

Другая проблема — те, кого отправили в боевые действия неподготовленными⁵, без необходимого снаряжения. Или когда людей на линию фронта отправили, там их обстреляли, и мобилизованные оказались предоставлены сами себе, потеряв связь с командованием⁶. Это истории трагические, потому что на территории специальной военной операции, насколько нам известно, нет никакого открытого оперативного штаба, куда можно было бы обратиться быстро и который мог бы на месте отдать какие-то приказы. Это, конечно, неудобно, раньше такого не было, если что-то происходило, всегда были офицеры, имевшие полномочия для быстрого решения проблем. Поэтому сейчас приходится обращаться к боевым товарищам по прежним войнам, и они уже через свои служебные каналы пытаются помочь.

— *Валентина Дмитриевна, вы сказали, что сравнительно немного родственников активно действуют, помогая решать проблемы мобилизованных. Хотя изначально обращений было много. Как Вы это объясняете?*

— Потому что не понимают. Абсолютно не представляют, что происходит. Что это не кино, не стрелялки в интернете. Что хорошо, если найдутся отцы-командиры, которые станут опекать подчиненных, а если такого отца-командира нет, будет трагедия.

Информационная машина как работает? Сообщает, что все хорошо, мы побеждаем, нет поводов для беспокойства. Матери в призыв отдают своих сыновей, а потом удивляются, почему их посылают в Белгород, почему они оказались на границе, где идет

³ См., например, URL: <https://pravo.ru/news/244207/> (ссылка на судебное дело URL: https://gatchinsky-lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=219240811&case_uid=4e5ab2f1-34fd-47d4-9e4d-100ac195cc34&delo_id=41) и URL: <https://secretmag.ru/survival/nezakonno-mobilizovannye-chetyre-istorii-rossiyan-kotorykh-sud-vernul-domoi.htm>.

⁴ Об отмене незаконной мобилизации см., например, URL: <https://pravo.ru/story/243563/> (ссылки на судебные дела внутри статьи).

⁵ См., например, URL: <https://news.ru/vlast/v-gd-poprosili-shoigu-ne-otpravlyat-na-front-nepodgotovlennyh-mobilizovannyh/?ysclid=ldsuxa9rkw576652438> и о реакции на эту информацию С. Шойгу URL: https://eane.ws.ru/news/shoigu-zapretil-otpravlyat-na-peredovuyu-mobilizovannykh-bez-opyta_09-11-2022?ysclid=ldsuvvuzpm960584775.

⁶ См., например, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5668480> и URL: <https://serovglobus.ru/istorii/ne-postavlyaetsya-tehnika-oruzhie-eda-voda-na-chto-vlastyam-zhaluyutsya-rodstvanniki-mobilizovannykh>.

стрельба⁷. Только когда ребята приезжают и начинают рассказывать, тогда приходит понимание.

А ситуация такова, что наша организация может включиться только если есть уже какая-то официальная реакция, официальные ответы на запросы родственников. Если мы видим, что ответ не соответствует закону и нормам, тогда мы работаем. Первичные обращения разбираем исключительно в ситуации форс-мажора.

Мобилизация проходила с нарушениями⁸. Когда она началась, все кто хотел, нашли наши телефоны, нашу группу, наши мессенджеры. Дальше мы им говорили, что нужно делать. А многим неохота, неохота и еще раз неохота.

— А какие практики есть у родственников, знакомых мобилизованных? Помимо решения правовых вопросов, что еще делают? Помогают собирать на фронт, что-то закупать или, наоборот, стараются помочь избежать отправки?

— Про закупать, посылать — мы никогда ни в чем подобном не участвовали, никогда этому не покровительствовали. Вокруг этой темы много мошенников⁹, никогда их столько не видела, сколько сейчас. Это зона боевых действий! Как ты проедешь в зону боевых действий, если ты не военнослужащий и у тебя нет предписания в эту часть?¹⁰

Иногда у меня спрашивают, как передать, посылают ли туда посылки. Отвечаю: «Нет, посылки не посылаем». С мобилизованными колоссальная проблема в том, что они не постоянного состава военнослужащие¹¹, их просто к какой-то части приписали. Если люди воюют вместе со своей частью, тогда через замполита можно что-то передать. А когда они приписаны в одном месте, а на самом деле вообще неизвестно кто у них начальник... Как понимаю, кроме старшего прапорщика они обычно никого не видят. Или кто-нибудь наезжает время от времени, какие-нибудь подполковники. Я не военный эксперт, не могу это комментировать. Но ребята жалуются, что офицеров нет, некому рапорт подать даже в госпиталь. Чего-то добиться очень сложно. Ведь надо узнать, где человек числится, потом связаться с гарнизонным прокурором, поговорить с ним, чтобы он нашел мобилизованного в этой части и внес прокурорское представление.

По-моему, в более уязвимом положении, чем мобилизованные, только добровольцы¹². По закону они вроде бы контрактники. Но начинаешь решать какие-то вопросы, пытаешься узнать о страховке, о том, как уволить добровольца по семейным обстоятель-

⁷ См., например, URL: <https://www.interfax.ru/russia/850182> и URL: <https://bel.ru/tags/obstrel>.

⁸ См., например, URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/09/25/15515671.shtml> и URL: [https://rg.ru/2022/09/29/putin-poruchil-ispravil-oshibki-pri-mobilizacii.html](https://rg.ru/2022/09/29/putin-poruchil-ispravit-oshibki-pri-mobilizacii.html).

⁹ См., например, URL: <https://www.mk.ru/social/2022/12/03/rossiyan-predupredili-o-novom-videmoshennichestva-sbor-deneg-dlya-uchastnikov-svo.html>.

¹⁰ О подобных практиках см. в материале Е. А. Норина.

¹¹ См. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kogda-u-mobilizovannogo-voznikaet-status-voennosluzhashchego/?ysclid=ldsve4ahio411204063>.

¹² См., например, URL: https://xn-90aivcdt6dxbc.xn-p1ai/articles/military_service/sluzhba_v_dobrovolcheskikh_formirovaniyakh/kto_schitaetsya_dobrovoltsem_uchastnikom_otryadov_dobrovoltsev/ — не освещен среди прочего вопрос иерархии.

ствам, и пр. — никто не знает. Запрашивала военно-политическое управление — ответа пока не получила, просто рекомендацию по конкретному случаю.

Есть уставы, положения, постановления, приказы, где все записано. Например, у нас есть два документа. Один — приказ министра обороны о погребении, в котором написано все, что надо делать в случае, если военнослужащий погиб, или если военнослужащий умер в госпитале, или если тело не нашли. Все расписано до мелочей. А еще у нас есть наставление, тоже утвержденное приказом министра обороны, о соблюдении в боевых действиях международного гуманитарного права. Для командования всех уровней наставление, как вести себя в боевых действиях, что делать, чтобы обменяться пленными с противником, там все Женевские конвенции по отношению к населению и военнослужащим уложились четко и убористо. Кто выполняет эти приказы, наставления? По-моему, никто даже не знает, что они существуют.

— А если вернуться к людям, которые пытаются оказывать какую-то помощь своим, то они это делают только для «своих» мобилизованных или как-то пытаются организоваться? Условно, я помог своему мобилизованному и теперь помогу еще кому-то, я умею составлять документы, например.

— Нет, в индивидуальном порядке могут только свои, потому что третье лицо тут никак не может вмешаться. Другое дело, что возникают группы. История с походом к Путину с чего началась? Мобилизованные мужики начали жаловаться своим женщинам, матерям, женам, что тут у них кошмар, их не кормят, не поят, медицинскую помощь не оказывают и т. п. Как правило, это мобилизованные из какого-то одного субъекта федерации, друг друга знают. Женщины стали записывать ролики. Если такая группа достучится, если какой-нибудь офицер, имеющий нужные полномочия, увидит этот ролик, значит, поможет. Если не увидит, значит, так это все и будет в эфире болтаться.

Понимаете, можно действовать, помогать другим, если есть система. Сейчас есть какие-то отдельные типовые вещи, но все остальное решается исключительно в индивидуальном порядке. Только на какой-нибудь сотой истории увольнения незаконно мобилизованного¹³ нащупывается вот эта ступенька, какой начальник что должен сделать. Потому что механизм не отработан, сами начальники этого зачастую не знают. И вот народ группами старается взывать к президенту, к губернаторам своим.

Еще появились лица, которые когда-то в комитетах [солдатских матерей] были. Потому что комитетов же было раньше много, а потом, поскольку все было хорошо, они рассосались потихонечку. И вот сейчас снова появились те, кто когда-то работал, кто нас знает. Периодически кто-нибудь пишет в WhatsApp или в Telegram, мол, к нам обращаются, посоветуйте, что делать в этом случае, а что — в этом. То есть из нашей же плеяды кто-то возвращается. Плюс те, у кого недавно служили сыновья, кто сохранил связь с офицерами в воинских частях, — такие люди тоже есть. Это люди, которые понимают, что происходит, как надо действовать, как устроена армейская структура.

¹³ См. URL: <https://pravo.ru/news/243508/>.

— А кто сейчас в этих процессах участвует, помимо организаций, подобных вашей? Какой-нибудь бизнес, профессиональные ассоциации?

— Есть психологи, которые работают с посттравматическим расстройством. Они сами нас нашли во «ВКонтакте» — написали, чтобы обращались все, кто пострадал в связи со специальной военной операцией, а это прежде всего семьи погибших или пропавших. Они работают онлайн, но, если в каком-то конкретном городе есть такой психолог, можно подъехать очно. Работают они бесплатно. Народ обращается. Не могу сказать, что часто, у нас нет культуры обращения к психологу, но обращаются.

Насчет бизнеса ничего не знаю. Наверное, кого-то призывают, как губернаторов, например¹⁴, мол, надо помогать своим мобилизованным. Наверное, кто-то участвует, точно не знаю. Но из того, что я наблюдала, на всех уровнях бизнес во время мобилизации повел себя странно. Предприниматели любого ранга, просто удивительно. Они по повесткам, многие из которых были незаконными¹⁵, моментально «сдавали» своих сотрудников. А ведь у них у всех были юристы, им сразу написали и мы, и адвокаты, что эти повестки могут быть незаконны, не надо сразу толкать своих сотрудников в военкоматы.

Некоторые разве что пытались сделать бронирование, но процедура его оформления совершенно забыта. Раньше было достаточно много предприятий оборонно-промышленного комплекса, где сотрудникам оформляли бронирование. У них был военно-учетный стол, они знали, что куда посылать. А тут все по-другому. Кто-то успел, а кто-то не успел.

— А журналисты?

— Сейчас сложно говорить о журналистах. Про официальную журналистику я ничего не знаю. Кроме «Москва FM» ко мне никто не обращался. Обращаются только те, кто работает в YouTube. Но какой у них охват, сколько людей их слушает? Хотя нет, был интересный случай, когда Катерина Гордеева¹⁶ взяла у меня интервью и очень быстро его разместила. Мои слова насчет того, что мобилизация идет неправильно и делаются ошибки, повторил Путин. Ее все-таки смотрит пресс-служба. А вот от телевизионщиков вообще никакой помощи.

И есть еще любопытный вариант помощи: женская феминистская группа, которая помогала мобилизованным выезжать за границу, собирала деньги на дорогу. Они не в России, у них получался хороший сбор, и они довольно многим помогли уехать, ведь далеко не у всех были деньги на дорогу.

Есть, конечно, другие истории, не связанные с мобилизацией напрямую. Например, поиск людей.

¹⁴ См., например, URL: <https://ria.ru/20221018/otvetstvennost-1824811706.html>.

¹⁵ См., например, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5620597> и URL: <https://tass.ru/obschestvo/16926265>.

¹⁶ Физическое лицо, признанное в РФ СМИ, выполняющим функции «иностранный агент».

Ну, и псевдогуманитарная¹⁷ помощь, в которую включено много народу, — без конца покупают оптические прицелы с бронежилетами. Комитет солдатских матерей Донецкой народной республики с самого начала собирал для воюющих медикаменты, бронежилеты. И наши по тому же пути пошли, мол, раз воюет, пусть хоть что-то у него будет. Они собираются под номером части, общаются в телеграм-каналах, но кто там, что это за люди, я не знаю, поскольку мы в этом не участвуем. По уставу нам не положено это делать.

¹⁷ Гуманитарной называют предоставляемую малоимущим незащищенным слоям мирного населения, пострадавшим от стихийных бедствий и пр., безвозмездную социальную или медицинскую помощь. См., например, URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency/543/Гуманитарная>.

**НОРИН
ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**

журналист,
писатель

НИЗОВАЯ АКТИВНОСТЬ И ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ ЖИТЕЛЯМ ДОНБАССА¹

После 24 февраля 2022 года одной из форм солидарности стало участие в организации гуманитарной помощи жителям Донбасса. В эту работу включились не только государственные структуры, военкоры и благотворительные организации, но и значительное количество активистов-волонтеров. Как правило, работа последних не получает широкого медийного освещения и зачастую никак не связана с государством. Некоторые даже намеренно избегают его, как и Z-символики.

Это явление еще требует изучения. Чтобы узнать о нем больше, мы решили взять интервью у журналиста, писателя и историка-любителя Евгения Норина, который на протяжении нескольких лет участвовал в организации и доставке гуманитарных грузов на Донбасс.

— Когда Вы начали заниматься поставками гуманитарной помощи на Донбасс?

— Началось все примерно в 2016 году с клуба читателей уже закрытого журнала «Спутник и погром», который у нас был в Перми. Нас было человек десять. Как-то раз сидели в баре, кому-то пришла идея, что вот мы сидим, а там люди страдают и им надо помочь. Мы начали писать в разные учреждения (в основном медицинские) с вопросом «А что вам надо? Чем вам можно помочь? У нас есть не очень крупный бюджет». Тогда первым откликнулся Центр соцобеспечения в Ясиноватой, мы собрали груз и с оказией отправили его.

В следующий раз быстро сориентировался Детский клинический центр Макеевки — это город-спутник Донецка. Отвести эти коробки согласился человек из Пермского отделения ОД «Новороссия» Стрелковского. Но он сказал: «Давайте, ребята, но от вас должен быть человек, который будет этот груз сопровождать, чтобы там ничего не потерялось». И я согласился. Во-первых, было интересно. А во-вторых, раз мы начали эту движуху, то надо везти от дверей до дверей. И мы повезли все это в Макеевку. Для меня это было в новинку. Мы набили джип огромным количеством коробок. Мы их напихали так, что я сидел, практически зажатый ими. Причем у нас из Макеевки просили не-

¹ Интервью у Евгения Норина взял Константин Пахалюк специально для Социодиггера. Мнение интервьюируемого может не совпадать с мнением редакции.

тривиальный набор всего. Обычно в горячие точки посылают перевязочные материалы, противоожоговые средства. А тут больше всего попросили средств от паразитов. И радовались именно им. Если так подумать, то это логично.

Собственно говоря, почему у нас получились отношения именно с Макеевкой? Потому что они быстрее, понятнее и четче сообщили, что им нужно. Причем это все было неофициально — когда таможня ведет себя в духе «обмани меня нежно». Например, волонтеры раскидывают коробки с гуманитаркой по колонне. Идут, стучатся буквально в окна машины и говорят: «Гуманитарка. Коробочку себе поставь». И это все проезжает границу.

— *Какова была помощь российского государства?*

— У государства специфическая репутация. Есть, скажем так, подозрения, что оформляться через официальную структуру — очень долго, сложно, к тому же драматически растет риск что-нибудь потерять по дороге. Поэтому все было сугубо неофициально. Сначала мы съездили в Луганск по делам, а затем приехали в Макеевку. Отношение на месте — я просто купался в лучах любви и человеческого добра, как никогда в жизни. После одной из таких поездок я вернулся и сказал, что переобнимал рекордное количество старушек.

Потом мы отошли от «Новороссии», я списался с моим другом Тимуром Шерзадом (обычный парень из Подольска, не состоит ни в каких организациях). Мы с ним еще раз съездили в Макеевку. И от случая к случаю так периодически и добирались. Либо я ездил, либо посылал от себя что-то с оказией, с почтой. Потом в Макеевку еще мешок катетеров послал — потому что там история с медучреждениями была (и в значительной степени остается) чудовищной. Не хватало всего, включая элементарные вещи типа физраствора. Большая часть гуманитарных историй была организована именно так — как инициатива маленькой группы или даже одного человека. Звонишь какому-то другу, спрашиваешь у него, как это делается. Он дает контакты — и едем.

— *Как изменилась работа после 24 февраля?*

— Я уже ничего не делал один, а связался с двумя организациями. Прежде всего, это «Тыл-22» Димы Бастракова, владельца издательства «Черная сотня». Он сразу же развернул кипучую деятельность. Ездил с гуманитаркой и в Донецк, и в Мариуполь после штурма, в Волноваху после штурма. Я с ним ездил в Волноваху. Честно говоря, впечатления были апокалиптические. Впервые в жизни видел город, полностью уничтоженный войной. Я был в Углегорске, который тоже, мягко говоря, пострадал. Я был в Сокольниках, от которых ничего не осталось. Но Сокольники — это маленькая деревня, и Углегорск все-таки разрушило не так. В Волновахе я не видел ни одного целого дома. Но там еще оставалось несколько тысяч человек. «Градообразующим предприятием» был базар, потому что платежеспособная группа населения — проезжающие через городок военные. И они покупали все: от генераторов до бананов.

— *Какое было к Вам отношение?*

— В среднем очень доброжелательное. Это во многом связано с тем, с чем мы приехали. Тебя будут любить, если ты приезжаешь с сухпайками и фонариками, а это самый ходовой товар. Когда же приезжает чиновник и посередине пустой площади рассказывает, как хорошо ты будешь жить без фашизма и разговаривая на русском языке, он воспринимается иначе. Отношение к нам было хорошим. Когда мы уезжали из Волновахи, Дима сказал: «Ты знаешь, у меня профдеформация. Мне кажется, что это почти нормально. Еда какая-то есть. Люди в подвалах уже не живут». Там действительно в подвалах уже не живут. Вот хрущевка стоит — внутри есть люди, света нет, где-то 20 % квартир явно горели. Война оставляет после себя не выжженный кратер, а огромную свалку. Местами городок выглядел как полигон твердых бытовых отходов.

Иногда я все-таки ловил косые взгляды, претензии были примерно такого плана: «Разрушили, сейчас подачку кидаете». Но в основном реакция была теплая. Я знаю людей, которые сталкивались с проукраински настроенными, они говорили: «Государство ваше сделало нам гадость, но при этом вы сами пытаетесь что-то сделать».

Кроме Волновахи мы еще ездили по деревушкам в окрестности. Под Угледаром есть деревня Владимировка — линия фронта уже по окраине проходит. Буквально за 1 км от фронта люди привыкают ко всему. В Донецке вообще какая-то фантазмагорическая картина: ты идешь по городу, а он выглядит как мирный. И люди себя ведут, будто все хорошо. Если вдоль линии фронта окопы все залиты доверху слезами Ремарка, то ты прошел километр пешком — лавочки, парк, кофеек на вынос. Причем эта идиллия периодически прерывается грохотом — стрельба по Донецку. Наши это все сбивают. Меня поразила ситуация: я остановился перекусить, за соседним столиком сидит такая «инстаграмная» девочка, на фоне что-то шумит, и она в айфон: «Милый, все хорошо. Наши сейчас с „Града“ насыпают». С такими интонациями Instagirl. Больше всего меня укололо то, что люди так похожи на меня — такие же типажи, как я видел в Перми на каждом шагу. И вот эти городки. Ну уж слишком они похожи на городки Северного и Западного Урала, где я вырос. Я видел тетечку, которая из Кизела² приехала на Донбасс, то есть из одного депрессивного промышленного города в другой депрессивный промышленный город.

Самое массовое чувство на местах — это апатия: уже что угодно, лишь бы порядок навели. С одной стороны, проукраинские люди уже давно поразъехали, даже из Мариуполя. Остались либо какие-то стойкие пассионарии, либо те, кто просто аполитичен. При этом фанатов Украины сейчас там очень мало. Это простейший психологический механизм: когда тебя загоняют в подвал «Градами», ты не будешь любить тех, кто на тебя эти «Грады» направил. Но в целом, повторяюсь, наиболее массовое желание — чтобы установился хоть какой-нибудь мир. И, конечно, до этого часто слышал такое: «Ребята, заберите нас уже к себе». Люди годами оставались в подвешенном положении, не знали, что будет завтра. Там все было увешено всяческой социальной рекламой — типа медведица с медвежатами и с подписью «Мы возвращаемся домой». Но, извините, когда на границе стоит таможня и когда там работает пограничная служба, а пограничники нельзя сказать, что очень добрые, это ощущалось очень унижительно.

² Город краевого значения в Пермском крае.

— Кто туда ездил до 24 февраля и после?

— До 24 февраля это были активисты. Наташа Холмогорова, например. Люди, которые всю жизнь что-то делают, им важно, что называется, «спасать котика». Либо те, кто так или иначе связан с темой Донбасса: кто-то по журналистским делам, у кого-то там друзья, знакомые и пр.

После 24 февраля произошел взрывной рост количества волонтеров. Пришли люди совсем со стороны, из разряда «мы хотим как-нибудь помочь, потому что люди страдают». Периодически мне звонили: «Я вяжу носки, хочу их передать в зону СВО. Как бы это организовать?» Либо ты их к кому-то посылаешь, либо даешь чьи-то контакты, и они дальше сами решают, что им делать. Поначалу, когда объявили сбор, у меня телефон просто разрывался. Это был всплеск, а потом начался небольшой спад — не совсем к стартовым значениям, но все-таки пониже, чем было в самом начале. На первых порах был взрыв эмоций — людям тяжело, им нужно куда-то приложить усилия и деньги.

Я помню, в Первомайске был нужен полиэтилен. Почему полиэтилен? Потому что повышибало все стекла из-под канонады. Понятно, что, когда у тебя выбило окно, ты его просто меняешь. А если выбило все окна в городе, ты не можешь их быстро заменить. И их закрывали полиэтиленом, пленкой. Когда мы объявили сбор, заявленную сумму собрали за 15 минут. Люди были шокированы, и им было важно, чтобы кто-то вылез с жестяным рупором и заорал: «Пацаны — и не пацаны тоже, — строимся в колонну по двое, деньги несем туда-то. Мы на это сделаем то-то, людям это поможет так-то. Ребята, вперед!», было видно, что людям надо было просто дать направление.

— Вы распространяете информацию только через соцсети?

— Через Facebook³, «ВКонтакте», Telegram. Карточка Сбербанка, что-то на ЮMoney. И ты пишешь: «Высылать туда-то, будут отчеты». Наташа периодически публикует отчеты, куда что отправляется. У Бастракова есть специальный сайт, там все с инфографикой — собрали столько-то, осталось столько-то. Есть кнопка «поддержать». Мы с Холмогоровой на этом фоне выглядели как художественная самодеятельность. Рома Юнеман со своими обогревателями — тоже отдельная история. Он целенаправленно занялся организацией доставки обогревателей в Мариуполь. Потому что там электричества и тепла нет, а зима на носу. И он туда их закидывал буквально тысячами, чуть ли не десятками тысяч. Нашел какую-то простенькую модель обогревателя за 1 700 рублей, что очень хорошо. Потому что чисто психологически 1 700 рублей — это конкретная сумма. То есть ты подкинул 1700 — согрел человека в Мариуполе.

— А как организуется доставка в зону действия вооруженных сил?

— Почти до передовой тебя не будут трогать, если ты не обращаешь целенаправленно на себя внимание. ДНРовцы, ЛНРовцы — от них никогда не было никаких проблем. Раньше из-за бюрократии приходилось искать какие-то объездные пути, сейчас это как-то устоялось. Но если ты везешь что-то военным, то надо договариваться

³ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

с конкретным офицером, он приедет и заберет. У меня есть друг артиллерист, воюет на окраине Донецка. Понятно, что если привезли что-то для него, то съездить в Донецк для него не проблема — забрать и уехать на окраину в окоп. Это приводило к каким-то фантазмагорическим ситуациям, когда человек буквально на маршрутке ехал на войну.

Если ты что-то делаешь в тылу, то всем более-менее все равно. Желательно, конечно, иметь хоть какой-то контакт на месте, чтобы в случае чего про тебя сказали, что ты не шпион. И это почти всегда делается не в каком-то индустриальном режиме, то есть ты не выгоняешь колонну в 200 фур. Ты берешь отдельный пикап и на нем едешь. Едешь и едешь, это твое дело.

— *Как мобилизация повлияла на волонтерскую помощь?*

— Появился удивительный гражданский феномен — «собираем чатиком людей на войну». Для меня это выглядело буквально так. То есть какое-то небольшое сообщество — друзья, знакомые — собирает рекрута на дело бранное. Причем иногда получалось комплектовать по взводу. Это без шуток. У меня есть друг, он вообще-то художник комиксов по должности. Его мобилизовали. Он остриг волосы и поехал на войну. Я ему пишу, звоню, говорю: «Рома, тебе что-нибудь надо? Что-то собрать? Мы можем». Он говорит: «Знаешь, нет. У нас волонтеры все привезли». Что-то Ромино было. То, чего не хватало, привезли волонтеры. Что-то купили сами. Скажем так, это стало делом домашне-семейно-дружеским.

Примерно так же координируется помощь беженцам — в огромном количестве чатов, форумов, пабликов. Например: «Слушай, тут человек из Мариуполя приехал, ему негде жить. Давайте ему что-то подкинем, соберем». Собрались и устроили. Я наблюдал такую дивную ситуацию — девушка живет в Москве, ее мама звонит из Чебоксар, говорит: «Женя, у тебя в Чебоксарах осталась переноска для кота. Она же тебе не нужна?» Женя: «Мама, зачем тебе моя переноска для кота?» Мама: «У нас соседи — беженцы из Мариуполя. У них есть кот. Так что пожертвуй свою переноску». То есть координация сугубо низовая — нету, грубо говоря, штаба помощи. И я уверен, что любая попытка наворотить на все это какие-то управляющие организующие структуры сделает хуже. Потому что сейчас это работает — стихийно, но работает.

Я не хочу критиковать государство. Точно знаю, что есть какие-то инициативы около-государственных структур. Там ведется своя работа. Но если говорить именно о волонтерстве, то я убежден, что его не стоит бюрократизировать. И лучшая помощь от родины состоит в том, что родина уберет барьеры и не будет мешать.

— *О каком объеме помощи идет речь, если говорить про донаты?*

— Донатили мы многие тысячи. Сборами занимается обычно небольшая группа по несколько человек. И доставляет на место небольшая группа, это единицы людей. Деньги передаются людям, которые ближе к месту, и они там закупают и везут. Допустим, из Ростова-на-Дону. Либо что-то везется машиной из Москвы или Санкт-Петербурга. Но для этого не требуется много народа. Для этого нужно много жертвователей.

— А сколько удалось привлечь средств после 24 февраля?

— Я не считал. Но это миллионы рублей. То, что прошло не через меня, а на моих глазах. Вот как это организуется. Решается конкретная задача, например Бастраков организовывал закупку коптеров. Требовалось несколько миллионов рублей, их собрали. Или другая ситуация: нужен был тот же полиэтилен, стоил несколько десятков или сотен тысяч рублей — тоже собрали очень быстро. Для бойца, чтобы он был «румянее и белее», поверх выданной государственной экипировки цена вопроса может быть несколько тысяч, если ему надо что-то конкретное. Может, 50—100 тысяч [рублей].

— А до февраля 2022 года о каком количестве помощи шла речь?

— До февраля были и суммы небольшие, и народу было вовлечено мало. Там совершенно не было волонтерства из чувства вины, скажем так. Там было довольно много желающих поддерживать из общегуманитарных побуждений. Детям охотно помогали и тогда. Когда я возил в 2017 году, то много жертвовали именно на детский клинический центр. После 24 февраля произошел взрывной рост общественной активности во всех направлениях.

— На что люди охотнее жертвуют во время общественных призывов? На военные нужды или на гражданские?

— Сейчас все просто собрать — и гражданским, и военным. Я даже помню человека, который сказал: «Я хочу что-то, только чтобы убивало». Такие люди тоже бывают. Но в целом проще всего детям. Если ты детскому учреждению помогаешь, то точно тебе все закроют, сверху еще навалят.

— Нет ли здесь противоречия: одно дело помогать жертвам, а другое — соучаствовать?

— Тут подход очевиден. В противостоянии две стороны. В любом случае наши мобилизованные, наши солдаты — это наши соотечественники. Национальная солидарность никуда не девается, в любом случае я предпочту, чтобы мой соотечественник не свалился с воспалением легких и не пал жертвой оснащенного лучше противника. Все это должно закончиться за столом переговоров, а не тем, что нашим ребятам руки-ноги пообрывает. Понятно, что кому-то именно такой вариант кажется справедливым и прекрасным, но нам точно нет. Мы не можем притащить за ноздри глав враждующих стран и вообще мировых лидеров в башню и запереть там без еды, пока не договорятся. Но мы точно можем помочь нашим согражданам пережить происходящее — и тем, кто в хрущевках, и тем, кто в окопах.

— Чем жертвователи мотивируют оказание помощи?

— Больше всего общегуманитарных соображений: людям плохо, людям надо помочь, людям тяжело. Я точно знаю, что есть некоторое количество людей, которые волонтерят и категорически против СВО. Но при этом они жертвуют исключительно исходя из чувства вины: «Мы причинили зло, мы должны как-то его компенсировать, уменьшить количество этого зла в мире». Есть те, кому просто важна движуха. А есть люди —

их довольно много и их можно назвать патриотами, — они посылают целенаправленно: «В нашей стране война, мы хотим, чтобы наша страна выиграла войну. И вот нашей армии мы должны помочь».

— *Какие есть главные препятствия на пути волонтерской деятельности?*

— Пожалуй, это бюрократия, периодически приобретающая какие-то фантазмагорические формы. Она серьезно мешает. В моем ближнем окружении был случай, когда девушка пыталась устроиться волонтером-санитаром в госпиталь. И пришлось это делать по блату, потому что на врачей давили, чтобы они говорили, что у них все есть, им ничего не надо. Оцените уровень кафкианства: человек санитаром в гнойную хирургию пытается попасть по блату, потому что задача — говорить «все хорошо, прекрасная маркиза». И вот это «все хорошо, прекрасная маркиза», оно создает нам огромное затруднение.

— *Но Вы с бюрократией меньше всего соприкасаетесь?*

— Да, я с ней соприкасаюсь мало. Стараюсь вообще не иметь с ней ничего общего. Ситуация сильно облегчится, если просто не будут мешать. С одной стороны, нередко занимают позицию, что «все хорошо, прекрасная маркиза», а с другой — дознаются, не диверсант ли ты, не шпион ли. Чиновники наши не очень любят, когда кто-то незваный приходит и начинает помогать.

Иногда сами получатели поддержки не очень понимают, что так можно — кто-то просто так что-то привезет. Самое важное — найти точку взаимодействия, не постесняться написать, не постесняться задать вопрос, нужно ли вам что-то, объяснить, что ты не с неба свалился, что ты реально можешь чем-то помочь. Это вопрос координации.

— *Что именно Вы возите в последнее время?*

— Лично я посылал медикаменты, медицинское оборудование, стройматериалы. Бывают ситуации, когда людям надо просто поесть. Вот еще Наташа Холмогорова перед Новым годом собирала на новогодние подарки в ЛНР для детей из дома-интерната, для детей с особенностями развития.

— *Вы помогаете украинским беженцам?*

— У меня чисто технические сложности с тем, чтобы как-то связаться с людьми, которые непосредственно на Украине. Понятно, что это все драматически усложняет задачу и драматически увеличивает риск. Меня на Украине просто посадят, если я попытаюсь куда-то там приехать. В Европу я не могу выехать по известным обстоятельствам.

— *А украинские беженцы в России?*

— Этим активно занимаются волонтеры, которые чувствуют вину перед ними. Но не только они, конечно. Я участвовал от случая к случаю. Вот когда люди из Мариуполя бегут и их нужно где-то размещать, надо дать какие-то заведения. Это требует центра-

лизованной помощи. Например, пункт сбора вещей для беженцев из Украины. Такое есть в городах.

Скажем так, нет таких беженцев, от помощи которым мы откажемся из политических соображений. Понятно, что все люди. Все пострадали от войны. И как-то даже глупо спрашивать: «А как ты относишься к СВО? Не кричишь ли ты ночью в подушку „Слава Украине!“?» Даже если и кричит, то это его дело. Этот человек пострадал от боевых действий. Так сложилось, что мое персональное дело — это обычная помощь на территориях.

— *Как в волонтерских группах относятся к антивоенным настроениям в России?*

— По-всякому. Есть то, что я называю волонтерством из чувства вины. Есть и конкретные Z-вцы, они за то, чтобы родина победила. Нас, волонтеров, довольно много, и политические взгляды самые разнообразные. Тут нет какой-то общей линии.

— *Что необходимо с точки зрения перспектив развития волонтерского движения?*

— Облегчить работу: смягчить таможеню на границе с Китаем, потому что многое там заказывается, убрать бюрократию, дать людям возможность делать то, что они хотят. Может быть, удастся создать некую электронную базу данных, наподобие Planeta, которая объединяла бы тех, кому нужна помощь, и тех, кто готов ее оказать.

**КУДЮКИН
ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ**

сопредседатель профсоюза
«Университетская солидарность»,
член Совета Конфедерации труда России

ЭЛЕМЕНТЫ ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНЫ И ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ. МОБИЛИЗАЦИЯ И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

То, как частичная мобилизация повлияла на среднесрочные и долгосрочные социально-экономические отношения, можно оценивать лишь приблизительно. Однако, несомненно, она серьезным образом отразилась на рынке труда: и направление людей в войска, и отток преимущественно квалифицированных специалистов за рубеж — все это изъятие трудовых ресурсов из экономики, в то время как санкционное давление и императивы военных обстоятельств, наоборот, требуют кардинальной перестройки экономики и интенсификации работы в ряде секторов. О том, как частичная мобилизация сказалась на трудовых отношениях, мы поговорили с сопредседателем профсоюза «Университетская солидарность» и членом Совета Конфедерации труда России Павлом Михайловичем Кудюкиным.

- Какие проблемы вызвала мобилизация с точки зрения трудовых прав?
- Многие проблемы, связанные с защитой трудовых прав, возникли до объявления частичной мобилизации и даже до начала СВО, поскольку еще в 2019 году начались существенные ограничения возможностей коллективных действий, прежде всего уличных акций, а это значимый момент. Потому что без привлечения общественного внимания, скажем, в форме пикетов или митингов, обращений в СМИ эта деятельность недостаточно эффективна. Кроме того, мобилизация принесла изменения в трудовое законодательство, появление элементов чрезвычайщины применительно к тем предприятиям, которые работают на оборонный заказ. То есть, по сути дела, отменились многие гарантии Трудового кодекса, касающиеся времени труда, порядка привлечения к сверхурочным работам, и так далее. Причем это именно то, что касается защиты трудовых прав, они просто законодательно ограничены для части работников.

¹ Интервью у Павла Кудюкина взял Константин Пахалюк специально для Социодиггера. Мнение интервьюируемого может не совпадать с мнением редакции.

- *О каком примерно количестве людей идет речь?*
- Оборонный заказ может трактоваться достаточно широко. Это не только производство вооружения, но и, например, пошив военной формы, формирование сухих пайков или вообще поставка продовольственных товаров для вооруженных сил. Так что здесь границы трудно прочертить, они подвижны. У меня нет данных, сколько конкретно вовлечено в выполнение оборонных заказов, и я подозреваю, что они засекречены. Вообще в обрабатывающей промышленности занято примерно 20 % работающих. Соответственно, отталкиваться надо от этого числа. К слову, оборонные заказы теоретически могут размещаться и в других сферах, скажем, в нефтедобыче, поскольку без нефти не может быть горюче-смазочных веществ, без которых не может ездить военная техника. Это и часть сельского хозяйства, так как без питания армия не функционирует.
- *Какие еще изменения вызвала мобилизация?*
- Прежде всего, отток значительной части квалифицированных кадров: это и те, кто уехал от мобилизации, и те, кто попал под нее. Нужно понимать, что уехали люди с надеждой трудоустроиться за рубежом, то есть с достаточно высоким уровнем квалификации. Сложно сказать, насколько точна оценка в 1,5 млн уехавших, но если это так, то это, конечно, меньше, нежели покинуло Россию после октября 1917-го, но все же за существенно более короткий срок. Также сокращается и приток иностранных мигрантов. В целом ряде отраслей возникают проблемы с заполнением освободившихся рабочих мест. С другой стороны, для привлечения кадров работодатель может быть вынужден повышать заработную плату. Наличие брони — тоже позитивный стимул, правда, уже для работодателя, который может привлекать ценных сотрудников, даже если в другом месте они получают больше. Точно в выигрыше оборонные предприятия, по крайней мере если судить по тому, как о них пишут, — что какие-то работают в три смены, то есть работники полностью загружены, привлекаются дополнительные силы. Но еще раз говорю: значит, откуда-то их забирают.
- *Многие уехавшие сохраняют связь с Россией, продолжают удаленно работать и платить налоги.*
- Да, современные технологии позволяют это. И тут, кстати, становится понятно, насколько нелепы высказываемые идеи, что надо их дискриминировать в трудовых отношениях. Скажем, повысить подоходный налог с 13 % до 30 % (что, вообще-то, и так предусмотрено для налоговых нерезидентов).
- *То есть люди производят прибавочный продукт в России, платят налоги, но при этом их называют чуть ли не предателями и хотят поразить в правах.*
- Да. Здесь встает такой вопрос: либо работодателю придется повышать зарплату, чтобы люди не теряли в доходе, либо появляется риск, что они будут искать место, где с теми же усилиями получают на руки больше. Хотя надо сказать, что во многих зарубежных странах, по крайней мере более развитых, уровень налогообложения не ниже даже для нерезидентов, работающих в России. Но менее развитые страны, те же Ка-

захстан и Узбекистан, охотно создают неплохие условия для квалифицированных иммигрантов из России, что разумно с точки зрения их национальных интересов. Мы видели также данные о приросте ВВП в Грузии и Армении в связи с миграцией из России и переводами денег. Ясно, что люди с более высокими доходами имели большие возможности для отъезда с какими-никакими накоплениями.

Обращу внимание, что далеко не все виды деятельности возможны дистанционно. Например, есть разъяснение инспекции труда Нижегородской области, что человек из-за рубежа не может преподавать и оформлять дистанционную занятость, потому что нет возможности контролировать его условия труда. Согласно недавним поправкам 2020 года по дистанционной занятости, условия труда должны и у дистанционно занятого соблюдаться и контролироваться. А у работающего из-за рубежа их проконтролировать невозможно.

— *Какие проблемы возникают с правами мобилизованных?*

— Насколько я могу судить по частичной информации, плохо работают нормы альтернативной гражданской службы. Такое конституционное право есть, но нет соответствующей законодательной базы. Голое право, которое очень трудно применить. Другой острый вопрос: если человек уклоняется от мобилизации, не берет повестку, подается в бега, — какая за это ответственность? По букве закона — только административная, и то не всегда, а встречаются сообщения (не могу оценить, насколько достоверные) и о фактах уголовного преследования. Еще один момент — будущая судьба работника. Скажем, есть ли гарантия сохранения рабочих мест? Они мобилизованы, подписали контракты, рано или поздно этот контракт завершится. Смогут ли эти люди вернуться на свое рабочее место? Будут ли льготы, связанные с трудоустройством или, возможно, с получением образования?

— *Пару месяцев назад Госдума все-таки приняла закон о том, что мобилизованный сохраняет прежнее место работы, но при этом работодатель имеет право в случае отсутствия данной позиции предложить аналогичную или на позицию ниже.*

— Если таковая возможность будет у работодателя. Вот смотрите, человека мобилизовали, работодатель нашел другого работника, в обучение или дообучение которого вложил средства. И теперь требуется его уволить с возвращением прежнего работника. Тут будут возникать многочисленные, достаточно серьезные коллизии.

— *Существуют ли какие-то институты разрешения таких споров? Или каждый раз — в суд?*

— Есть форма привлечения работника по срочному трудовому договору для замещения временно отсутствующего работника. То есть мобилизованного можно рассматривать как временно отсутствующего, правда, неясно, на какой срок. Но места со срочными договорами по определению менее привлекательны, чем должности на бессрочный договор, или, в терминах Трудового кодекса, на неопределенный срок. Потому на высвободившиеся рабочие места, вероятнее всего, людей будут стараться привлекать обещаниями, что оно станет постоянным. И если человек действительно покажет себя

эффективным работником, наверное, за него будут держаться и не захотят расстаться, когда вернется прежний работник, который мог и подзабыть свою квалификацию за время участия в операции. Тем более неизвестно, сколько он в ней будет участвовать. Так что это сложная проблема.

— *Что тогда должны делать власти с точки зрения защиты прав мобилизованных?*

— Необходимо уже сейчас разрабатывать программу психологической реабилитации и социальной реадaptации участников спецоперации. У нас есть печальный опыт участников Афганской войны, двух чеченских кампаний, где таких программ, по сути, не было. Вменяемая власть должна готовить такую программу на будущее, тем более что современные боевые действия достаточно психологически травматичны. Более того, даже официальная пропаганда имеет обратную сторону, ведь постоянно говорят: «Один народ, один народ». То есть формируется ощущение, что война братоубийственная, а это наверняка отражается в массовом сознании участников. Можно сколько угодно говорить про «нацистов и бандеровцев», но люди же видят, что гибнут не только военнослужащие. Это будет порождать достаточно серьезные психологические травмы. Если такой программы реабилитации не будет, мы столкнемся с тем, что прошли по итогу Афгана, когда значительная часть ветеранов подалась либо в криминал, либо в полукриминальный бизнес. Естественно, это требует развития системы психологической помощи, с которой в стране дела обстоят не очень хорошо.

С точки зрения трудовых отношений нужна программа трудоустройства, возможно, переобучения и создания новых рабочих мест. Скажем точнее: стимулирование создания. Государство не очень эффективно создает рабочие места, но оно может стимулировать этот процесс. Всем этим надо будет заниматься.

— *Один из механизмов разрешения трудовых конфликтов — профсоюзы, хотя подозреваю, что в России их влияние достаточно ограничено. Каково вообще состояние профсоюзной деятельности, как события 24 февраля, а затем и частичная мобилизация повлияли на нее?*

— В России есть две группы профсоюзов. В первую входят профсоюзы постсоветского генезиса, наследники советских профсоюзов — это Федерация независимых профсоюзов России, в ней официально примерно 16 млн человек. Правда, значительная часть из них об этом не знают. При трудоустройстве в некоторые компании с заявлением о приеме на работу дают заявление о вступлении в профсоюз, человек подписывает, не задумываясь. Это такое формальное, инерционное членство. Профсоюзы этой группы всегда были близки к официальным властным структурам. ФНПР входит в «Общероссийский народный фронт», у него соглашение с «Единой Россией». Сейчас он занял вполне очевидную позицию, проводя, например, Первомайские мероприятия под Z-лозунгами — «За победу» и «За солидарность».

Другая группа профсоюзов — миноритарные профсоюзы, которые стали возникать с позднесоветских лет. Это как раз наша Конфедерация труда России, помимо миноритарных профсоюзов в нее входит, например, профсоюз моряков — специфическая группа занятых, глубоко интегрированная в мировой рынок. Еще я выделю профсоюз

авиадиспетчеров — уникальный профсоюз, который объединяет порядка 95 % профессиональной группы, единственный подобного рода в России и один из немногих в мире. Остальные профсоюзы — миноритарные, им приходится просто выживать, достаточно сложно отбиваясь и от работодателей, и от «казенных» профсоюзов, которые очень часто участвуют в травле. И ясно, что профсоюзы вынуждены формулировать свою позицию достаточно сдержанно. Совет Конфедерации 25 февраля выступил с заявлением в очень аккуратных формулировках, выражающих опасения относительно последствий принятого накануне решения для трудовых прав как в России, так и в Украине. Была также подтверждена позиция, что мы рассматриваем украинские профсоюзы как наших братьев и партнеров.

Настроение среди наших рядовых профсоюзов разное. Наверное, они менее провластные, чем ФНПР-вские. Среди последних даже профсоюзы, которые в довоенный период активно работали в своей парадигме и защищали своих членов (скажем, профсоюз горно-металлургической промышленности), заняли в целом провластную и провоенную позицию: активно поддерживают мобилизацию, проводят сборы в пользу мобилизованных и пр. В наших профсоюзах более сложные отношения: есть и провоенно настроенные коллеги, есть и более критически воспринимающие происходящее.

Но сильно сузилось поле возможных действий. Это, может быть, ярче всего видно на профсоюзе медиков, вынужденном воздерживаться от большой активности, например от наработанных методик итальянских забастовок. А значит, остается только петиционная деятельность или судебная борьба, которая не очень эффективна и в общем в нормальной ситуации второстепенна для профсоюза.

— *Помимо итальянской забастовки, какие еще методы ушли?*

— На самом деле вообще с забастовками у нас очень непросто. По нормам 53 главы Трудового кодекса проводить их практически невозможно. Но здесь могут быть обходные маневры, потому что есть норма об индивидуальной самозащите трудовых прав. Наиболее массово она применяется при невыплате заработной платы более 15 дней, тогда работник имеет право прекратить исполнение трудовых обязанностей. Если эту индивидуальную защиту осуществлять достаточно значительной группой работников и с выдвижением общих требований, то это превращается в полноценную забастовку, но не подпадает под ограничение закона. Возможна и такая форма, как массовая коллективная подача заявлений увольнений по собственному желанию. Но на это нужно решиться достаточно массово, чтобы работодатель понял, что это нанесет ему серьезный ущерб. Люди подают заявления, а затем объявляют, что заберут их, если будут выполнены такие-то требования. В течение двух недель работник имеет право отозвать заявление. Срок, конечно, очень маленький, трудно договориться с работодателем. Либо он может начать идти на уступки, пытаясь расколоть сопротивление. Наконец, работодатель может просто не отреагировать на добровольное массовое увольнение. Так, недавно в Казанском медицинском университете группа преподавателей уволилась после увольнения авторитетного заведующего кафедрой за критические высказывания об СВО — ректорат никак не отреагировал.

Классика действий в обход законодательных ограничений — так называемый «веер Лесика», который в свое время изобрели в профсоюзе МПРА. Суть в том, что профсоюз при отказе работодателя идти на уступки (или вообще при отказе от переговоров) готовит длинный список мелких требований. По ним последовательно объявляются забастовки, каждая из которых признается судом незаконной и тут же по призыву профсоюза останавливается. А если судебное решение выполнено, то негативных последствий для работников не наступает. И так до тех пор, пока работодатель не поймет, что все же лучше согласиться на переговоры.

В нынешней ситуации со всеми этими формами стало гораздо сложнее. Могут сослаться на чрезвычайную ситуацию, могут заявить, что вы подрываете обороноспособность. В известном мониторинге трудовых конфликтов, который уже 15 лет ведет Петр Бизюков, отмечено, что в 2022 году конфликтов было не меньше, чем раньше, но заметно сократилось количество «стоп-акций» (прекращения работы в той или иной форме).

— *Насколько я понимаю, перед медиками тоже стоят достаточно большие проблемы, потому что практически все они — военнообязанные.*

— Да. Это классика еще с Первой мировой войны, когда забастовщиков просто мобилизовали, отправляли на фронт. Сегодня любой человек, окончивший медицинский вуз, получает специальность военного медика и является военнообязанным. Их мобилизация может «оголить» гражданскую медицину, специалисты уходят, и будут проблемы для населения.

— *А это уже цепляет целый пласт социальных и экономических проблем.*

— Конечно. Например, сегодня говорят про импортозамещение, но опять-таки не учитывают, что все случаи успешного импортозамещения в мире, включая советскую раннюю индустриализацию, то есть довоенную и в первые две послевоенные пятилетки, были основаны на массивном импорте оборудования и технологий. То же самое относится к странам Латинской Америки. Импортозамещение было возможно благодаря импорту оборудования и технологий. В ситуации автаркии или полуавтаркии эффективного импортозамещения не получится.

— *А что тогда лежит в основе сохранения относительной стабильности 2022 года?*

— Инерция. За предыдущие годы накоплен некоторый жирок в резервных фондах, в течение года сохранялись достаточно высокие поступления от экспорта, поскольку санкции на поставки энергоресурсов вводились достаточно медленно и их эффект серьезным образом начнет сказываться только сейчас. В этом отношении 2022 год мы продержались на инерции прежнего развития. Уже 2023 год, я думаю, будет сложнее.

— *А где можно ожидать наиболее серьезный удар?*

— Топливо-энергетический комплекс. Переориентация экспорта с Западной Европы на Китай и Индию объемы полностью не восстановит. Придется сокращать добычу, что рискованно, потому что, если мы консервируем нефтяную скважину, велик риск вы-

вести ее из строя навсегда. И поэтому получается, что, может быть, добыча будет сохраняться, но этот добытый газ будет сжигаться просто в атмосферу. Нефтью какое-то время можно будет заполнять хранилища, но они не бездонны: либо придется все-таки переходить к консервации и выводу из эксплуатации значительной части скважин с риском потерять их навсегда, либо нас ожидает экологическая катастрофа.

Нелегкой ситуация будет в транспорте, где большая доля импорта. Есть риск увеличения количества разного рода аварий, перехода на технологический каннибализм, что уже наблюдается в авиационной отрасли, потеря квалифицированных кадров. Пока летчиков авиакомпании держат на «простое» с выплатой двух третей оклада — они очень много теряют в зарплате, потому что у них довольно сложно построена система оплаты, большая часть их заработка идет от налета часов. Налет сильно упал. Они пытаются устраиваться на работу за рубежом, но им часто отказывают в выдаче сертификата — это тоже политика наших авиационных властей. Ситуация: ни заработать не дают, ни уехать.

Росаэронавигация — орган управления воздушным движением — тоже переживает нелегкие времена, поскольку резко сократилось количество пролетов зарубежных самолетов над территорией страны и, соответственно, потеряны выплаты, а это был довольно приличный объем поступлений. У железнодорожного транспорта, наверное, запас прочности побольше, но опять-таки будет меньше скоростных поездов, они импортозависимы. Корпуса мы вроде бы научились делать, а вот с начинкой сложнее. Автомобильный транспорт — импорт падает, начинаются проблемы с запчастями, растут цены на запчасти. А транспортная инфраструктура — важная часть экономики.

На этом фоне можно в целом ждать увеличения числа людей, занятых в неформальном секторе. Экономика будет как бы примитивизироваться. Рост горизонтальных связей обусловит развитие сферы «личных услуг» (бытовые вопросы, что-то починить, сшить и пр.). В целом это расширение слоя прекариата, то есть социально незащищенных работников.

— *Но в условиях сжатия доходов, особенно муниципальных и региональных бюджетов, власти будут заинтересованы поставить эту деятельность под контроль.*

— Интерес поставить под контроль будет, а вот возможностей для этого немного. Контролировать такую деятельность очень трудно. Скорее могут пойти по пути ужесточения отношения к тем, кто не очень предусмотрительно зарегистрировался в качестве индивидуальных предпринимателей или самозанятых. С ИП это уже прошло, когда ввели повышенные обязательные платежи в социальные фонды: бывало, что весь доход уходил на эти обязательные платежи.

— *Текущие события поставили и другую проблему: защита прав тех, кто, скажем мягко, выступил против текущей политики, в том числе получил статус иноагента.*

— Да, это серьезная проблема. В январе — начале февраля я несколько раз ездил на заседания суда в Казань, где живет коллега Ясавеев, член профсоюза с 2014 года. 7 октября его признали иноагентом, 10 октября уволили из Вышки. Уволили, с нашей точки

зрения, по совершенно нерелевантной, скажем так, статье, мы оспариваем. Но очень интересна аргументация Высшей школы экономики: «А мы не можем восстановить, потому что он иноагент. И по закону о контроле за лицами, находящимися под иностранным влиянием, он не может работать в государственной образовательной организации». Причем он не преподаватель, а научный сотрудник. Но у него в должностной инструкции записано, что все-таки элементы преподавания есть. А кроме того, заявляют нам, мы не можем выполнить требования об уплате вынужденного прогула и морального вреда, потому что запрещена финансовая поддержка из бюджета.

— *А есть ли вообще опыт защиты прав людей, признанных так называемыми иноагентами?*

— Было несколько прецедентов снятия статуса иноагента либо признания внесения в реестр необоснованным. Хотя вот преподаватель Пермского гуманитарно-педагогического университета Виталий Ковин добился снятия статуса, но потом вновь был внесен в реестр по новому основанию.

Что касается защиты трудовых прав иноагентов, пока что опыта нет. На самом деле мы имеем интересную коллизию законодательства. Статья 11 действующего с 1 декабря закона № 255-ФЗ устанавливает для иноагентов запрет на преподавательскую деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях. Однако Трудовой кодекс не содержит соответствующих оснований для недопуска к работе или увольнения. Более того, его статья 3 прямо запрещает дискриминацию в трудовых отношениях, понимаемую как ограничения, не связанные с деловыми качествами работника — очевидно, что внесение в реестр иноагентов не имеет отношения к деловым качествам. Трудовой кодекс четко устанавливает, что в трудовых отношениях у него приоритет перед иными нормативно-правовыми актами, и, если какой-то вводит нормы, противоречащие ТК, они могут действовать только после внесения соответствующих изменений в Кодекс².

² ТК РФ предусматривает расторжение Трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от сторон, ввиду наличия федерального закона, который препятствует продолжению работы на этой должности (п. 13 ст. 83 ТК РФ). (Примеч. ред.)

**ПАХАЛЮК
КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ**

кандидат политических наук,
научный сотрудник ИНИОН РАН

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ПАХАЛЮКОМ КОНСТАНТИНОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ПАХАЛЮКА КОНСТАНТИНА АЛЕКСАНДРОВИЧА

«ВОТ ВЫ ДИЧЬ ПЕРЕПУГАННАЯ»: МОБИЛИЗАЦИЯ В ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ ВОЕНКОРОВ¹

Важную роль в легитимации начавшегося 24 февраля 2022 года конфликта играет общество военкоров. В России история журналистов, освещающих вооруженные противостояния непосредственно с театра военных действий, восходит к Русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Идея освобождения болгарского народа из-под османского владычества и утверждения России на Балканах овладела тогда общественным мнением. Прикомандированные корреспонденты обеспечивали связь между войсками и обществом, тем самым превращая войну в «общее дело». Во время Русско-японской войны (1904—1905) деятельность военных журналистов вызвала нарекания — высказывалось мнение, что из излишне откровенных репортажей противник мог получать важные сведения. Поэтому уже с Первой мировой войны государство и армия пытались централизовать распространение информации, ограничивая свободу действия журналистов. В годы Великой Отечественной деятельность военкоров оказалась намного более широкой, однако теперь они были полноценно включены в систему идеологической работы в Красной армии. В 1990-х годах, с появлением независимых СМИ и неготовностью армии вести самостоятельную информационную работу, вопрос о месте журналиста на фронте и его свободе снова обострился.

Текущий конфликт стал системообразующим для российской политической системы — в отличие от других локальных войн и конфликтов, в которых участвовала наша страна. Расширились каналы распространения информации: социальные сети позволили практически любому желающему стать «народным журналистом» и предложить собственные интерпретации совместно с уникальным визуальным материалом с мест событий. Популярность таких альтернативных каналов отчасти обусловливается расту-

¹ Мнение автора может не совпадать с мнением редакции.

щим недоверием к традиционным СМИ: к ним, помимо печатных изданий, телевидения и радио, мы считаем возможным причислить и электронные издания, также имеющие собственные редакции. Это обстоятельство учла и официальная государственная информационная политика, которая теперь не ограничивается отправкой журналистов с редакционными заданиями в «горячую точку», но и борется за социальные сети.

Практически сразу, с 24 февраля, на первый план выдвинулись телеграм-каналы (ТГ-каналы). Претензия на независимость, неформальность подачи, возможность освещать динамику событий в онлайн-режиме, а также выкладывать контент, который, в том числе и по этическим соображениям, никогда не опубликовали бы традиционные СМИ, — все это обеспечило популярность такого способа передачи информации. Речь идет о совершенно разных типах каналов, вырабатывающих Z-повестку. Одни — классические СМИ, сделавшие упор на такой формат работы. Это, например, близкая к Администрации Президента «Readovka» (1,6 млн подписчиков)². Другие скорее агрегируют сетевую информацию, сопровождая ее собственными материалами, в частности «Рыбарь» (ведущий М. Звинчук, 1,1 млн подписчиков), аффилированный с РИА ФАН и Е. Пригожиным. Третьи предстают скорее ресурсами военных аналитиков. Из крупных к их числу можно отнести «Colonelcassad» (Б. Рожин, 828 тыс. подписчиков) или «Военкор Котенок Z» (Ю. Котенок, 418 тыс.).

В отдельную — четвертую — группу, которая нас и интересует, мы выделили ТГ-каналы военкоров. Их отличают постоянное нахождение на театре военных действий и личностная подача информации. В аналитических целях мы предлагаем проводить различие между классическими военными журналистами, работающими на официальные СМИ, и военкорами, действующими через соцсети. Один и тот же человек может занимать одновременно две позиции, однако если штатный журналист одновременно ведет ТГ-канал, где информация намеренно подается не обезличенно, а как персональный взгляд, в данный момент он становится военкором³.

Авторы одних каналов — действующие сотрудники СМИ: Александр Коц — из «Комсомольской правды» (670 тыс. подписчиков), Евгений Поддубный (865 тыс.) и Александр Сладков (1 млн) — из ВГТРК. По словам последнего, первые двое работают в связке⁴. С частной военной корпорацией «Вагнер» Евгения Пригожина аффилирован «GreyZone» (в СМИ фигурировал позывной его ведущего — «Белый», сам он называл себя бывшим офицером специальных войск; 422 тыс.). Этот канал стал известен в ноябре 2022 года шокирующими кадрами казни кувалдой Евгения Нужина. Третьи еще до 24 февраля 2022 года были глубоко связаны с донбасской тематикой. Это прежде всего Владлен Татарский (он же Максим Фомин, участник боев на стороне ДНР с 2014 года; 530 тыс.), Александр Ходаковский (бывший министр госбезопасности ДНР в 2014 году, потом ушедший в оппозицию; 630 тыс.) и «WarGonzo» (Семен Пегов; 1,3 млн). Последний позиционирует себя как независимый проект, однако активное информационное сопровождение акций «Единой России», приездов в зону во-

² Здесь и далее данные на 2 февраля 2023 года.

³ Речь идет о занятии двух разных дискурсивных позиций. Такой подход восходит к французской школе дискурс-анализа М. Пеше, см.: Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серю. М.: Прогресс, 1999.

⁴ URL: https://t.me/Sladkov_plus/6977.

енных действий ее секретаря Андрея Турчака, а также куратора внутривойсковой блока Кремля Сергея Кириенко заставляет предполагать наличие поддержки с их стороны. Четвертые представляют себя в качестве ТГ-каналов отдельных подразделений. Так, в октябре 2022 года — «ДШД ВДВ» (100 тыс.), позиционирующий себя как канал воздушно-десантных войск.

Несомненно, это далеко не полный перечень всех каналов военкоров, обладающих меньшим количеством подписчиков, нежели «лидеры» в своих подгруппах. Например, «Свидетели Байрактара», имеющие 73,8 тыс. читателей, ведутся журналистами РИА Новости. В одну группу с «WarGonzo» можно поместить и канал А. Долгаревой «ДОЛГАРЕВА» с 50 тыс. подписчиками. Официальный ТГ-канал имеет и неонацистская ДШРГ «Русич» (их читают 52,9 тыс. человек). Наше исследование на данном этапе ограничивается теми ТГ-каналами, которые имеют не менее 350 тыс. подписчиков.

За последний год военкоры стали достаточно серьезной информационной силой. Этим они обязаны положением, которое заняли между сражающимися войсками (зачастую мнущее звено командования операцией) и активными сторонниками боевых действий (последние как раз составляют их основную аудиторию). В основу их информационной повестки легла относительно примитивная эстетизация «повседневной работы» простых солдат и офицеров, периодически снабжаемая общими рассуждениями о противостоянии Западу.

Некоторые военкоры пошли несколько дальше в стремлении наполнить конфликт идейным содержанием. В частности, «WarGonzo» и вагнеровский «GreyZone» попытались смешать русский национализм с антиэлитистским популизмом, выставляя себя представителями самоорганизующегося русского народа, который, как заявляется, ведет борьбу за собственное существование. Наиболее последовательно эту риторику развивал канал «GreyZone», намеренно пытаясь улучшить имидж ЧВК «Вагнер». В его публикациях встречаются: образ пиратов XXI века, пришедших на помощь своей стране; рассуждения, что военным министром должно быть гражданское лицо (на эту должность без доли стеснения предлагался Е. Пригожин); а также мысли о русской нации с отсылками к Грамши о важности ответственного парламента⁵.

Несомненно, мобилизация стала поворотным моментом в ходе развития конфликта: не замечать его или остаться в стороне стало затруднительным. Стратегия нейтралитета и сохранения иллюзии нормальности проиграла радикализации. С одной стороны, будучи «постгероическим»⁶, российское общество ответило взрывом панических настроений, с другой — у властей появилась реальная возможность сделать «локальный конфликт» «общенародным». Различные формы соучастия — личного, родственников или знакомых — в среднесрочном периоде скорее будут вести к принятию общего тезиса о «вынужденной необходимости» силового противостояния в Украине. Отсюда вырисовывается и значимая роль военкоров, которые за счет уже имеющегося влияния смогли бы обеспечить информационное сопровождение мобилизации для консолидации не только сторонников Z-повестки, но и колеблющихся, однако в той или иной степени склонных к ее принятию.

⁵ URL: https://t.me/grey_zone/16242.

⁶ Подробнее об этом см. [интервью с А. Куманьковым](#), а также: Мюнклер Г. Осколки войны. Эволюция насилия в XX и XXI веках. М., 2018.

О мобилизации до мобилизации

До сентября 2022 года тема мобилизации не занимала особого места в повестке военкоров и зачастую сводилась либо к разоблачению слухов о ее возможном введении в России (один из них распространился накануне 9 мая), либо к критике ее проведения в Украине. Когда в апреле стало очевидным затягивание конфликта, пошли первые разговоры о необходимости перевода страны «на военные рельсы». 27 апреля А. Сладков писал о «мобилизации всех сил» для решающего удара, который бы переломил ход событий⁷. 3 июня А. Коц поделился постом А. Жучковского, заявившего, что для большинства россиян события в Украине — где-то там, как в Сирии, и лишь мобилизация может изменить отношение⁸. Менее сдержанной позицией отметился 12 июля А. Сладков, записавший небольшое видео о мобилизации. С одной стороны, он обратил внимание на призыв 33 млн человек в годы Великой Отечественной войны, утверждая, что военные имеют соответствующий опыт (разрыв в 70 лет он, правда, не учел). С другой стороны, пришел к выводу, что сейчас мобилизации, скорее всего, не будет, а военные должны уметь все проводить правильно⁹. 29 августа формирование добровольческих батальонов А. Коц называл уходом от всеобщей мобилизации¹⁰.

Исключением стали вагнеровцы. В частности, майское заявление В. Володина о том, что мобилизация не планируется, с резкой критикой встретили «GreyZone» и Владлен Татарский: «Значит так: вообще не интересно что сказал Володин. Мобилизация будет или мы проиграем войну. Для разгрома Уркаины нужно 600—800 тыс. человек» (6 мая)¹¹. Правда, уже 2 июня сам В. Татарский сбавил градус радикализма. Обращаясь к истории Первой мировой войны, он привел пример «брусиловского прорыва»: удалось навалиться и уничтожить австрийскую армию, но серьезные потери стали одним из факторов развала тыла и дальнейшей революции¹². Соответственно, и сейчас мобилизация может нанести удар по экономике, а потому, — заключил В. Татарский, — лучше сделать ставку на развитие добровольчества¹³.

Наиболее активным критиком возможной мобилизации (особенно всеобщей) стал А. Ходаковский. 18 мая, рассуждая о будущей оптимальной стратегии российских войск, он также упирал на связанные с ней сложности: «Россия готова ввести в дело тысячу двести танков — проблема с экипажами. Россия может мобилизовать не один миллион человек, но их нужно не просто вооружить трехлинейками и надеть на голову железные каски — их нужно обеспечить артиллерией и бронетехникой... и научить

⁷ URL: https://t.me/Sladkov_plus/5342.

⁸ URL: <https://t.me/sashakots/33372>.

⁹ URL: https://t.me/Sladkov_plus/5846.

¹⁰ URL: <https://t.me/sashakots/35239>.

¹¹ URL: https://t.me/grey_zone/13960.

Здесь и далее в цитатах сохраняются авторские орфография и пунктуация.

¹² Обратим внимание, что все же степень разгрома австрийской армии В. Татарский несколько преувеличил, хотя под конец 1916 г. Австро-Венгрия действительно искала пути выхода из войны. Тезис о связи между колоссальными потерями русской армии во время многочисленных наступлений А. А. Брусилова и дальнейшей революционной ситуацией отстаивает С. Г. Нелипович, [интервью с которым](#) публикуется в настоящем выпуске журнала.

¹³ URL: <https://t.me/vladlentatarsky/14070>.

воевать»¹⁴. К теме он вернулся 5 июня: «Когда я наблюдаю позицию крикунов в личинах патриотов, ратующих за всеобщую мобилизацию, я прихожу в полный „восторг“ от их утонченного лицемерия»¹⁵. Развивая мысль, автор расценил позицию «крикунов» как дискредитацию командования, а их «нытье» — как отталкивающее от армии добровольцев, что в конечном счете негативно влияет на возможность России победить. Эту идею он развивал и в дальнейшем¹⁶.

Ситуация изменилась в сентябре 2022 года на фоне отступления российских войск из-под Харькова. Очевидные провалы в проведении того, что официально называлось специальной военной операцией, вызвали у военкоров нарастающую критику в адрес Минобороны. Учитывая связи отдельных ТГ-каналов с «Единой Россией», ЧВК «Вагнер» или Администрацией Президента, можно предположить, что речь шла о более серьезной межведомственной борьбе. Избавление от бюрократических методов управления и «победоносных» отчетов называлось основными средствами исправления ситуации. Военкоры, уже в открытую представляющие себя «гласом вооруженного народа», к теме потенциальной мобилизации относились скептически.

12 сентября А. Ходаковский в очередной раз написал, что он против всеобщей мобилизации. Ключевую проблему он видел в неумении распоряжаться существующими материальными и людскими ресурсами, то есть неуспехе в организации и командовании, хотя при этом выступал за частичную мобилизацию по военно-учетным специальностям, а также мобилизацию экономическую и общественную (перевод общества на военные рельсы): «Я готов вернуться в свой 331-й парашютно-десантный полк — я был неплохим старшиной роты во время срочки... Но только объяви всеобщую мобилизацию руками военных — начнется такое, что вам и не снилось. Это будет мощный удар по стране, который она не выдержит»¹⁷. С ним согласился и «WarGonzo», призвавший менять стиль командования и мышления, научиться сберегать людей¹⁸, и А. Сладков, добавивший, что Россия должна увидеть борьбу людей на передовой¹⁹.

Пожалуй, самым последовательным оппонентом идеи мобилизации выступил «GreyZone», что стало частью более масштабной критики, направленной на противопоставление неудач армейского командования и успехов ЧВК «Вагнер». Лейтмотив — бойцы-герои были преданы руководством, предпочитающим сочинять рассказы об одержанных победах. Стали появляться язвительные замечания против попыток Минобороны в брифингах отчитываться о высоких потерях «нацистов» («ибо, как говорится в анекдоте, не<.>уй их жалеть»²⁰) или заявлений Д. Пескова о контроле над ситуацией²¹.

Оппонирование мобилизации отсылало к тому, что профессионалы и добровольцы более эффективны. 12 сентября «GreyZone» сделал характерный перепост из закрытого канала «ДШРГ Русич»: «Оружие о мобилизации сами идите в 1 эшелон без броников

¹⁴ URL: https://t.me/aleksandr_skif/2223.

¹⁵ URL: https://t.me/aleksandr_skif/2244.

¹⁶ URL: https://t.me/aleksandr_skif/2311; URL: https://t.me/aleksandr_skif/2369.

¹⁷ URL: https://t.me/aleksandr_skif/2376.

¹⁸ URL: <https://t.me/wargonzo/8235>.

¹⁹ URL: https://t.me/Sladkov_plus/6231.

²⁰ URL: https://t.me/grey_zone/14821.

²¹ URL: https://t.me/grey_zone/14828.

и касок. Нечего было начинать если не могли победить. Армию надо было готовить»²². Через три дня у вагнеровцев появился развернутый пост, где напрямую говорилось, что мобилизация станет ошибкой: она дезорганизует экономику, а призванные будут малополезны ввиду отсутствия опыта и мотивации. Достаточно точно описывались и настроения в обществе: «Гражданам гуляющим, кушающим и пьющим в мирных городах России сейчас в общем и целом индифферентно, что происходит на Украине, но когда это коснется их, в купе с осложнением финансового положения последних будет очень ядерная смесь»²³. Обратный эффект от мобилизации в Украине автор «GreyZone» объяснял тем, что значительная часть мобилизованных воспитывалась уже в независимой стране. Сразу же после этих рассуждений шла новость о вербовке заключенных Пригожиным²⁴. Антиэлитарный элемент критики появился 20 сентября с информацией о законодательной подготовке мобилизации: «А детям депутатов, олигархов придут повестки? И что дадут сборы на которых не учат воевать? Нормальной подготовки нигде по сути не ведут. Только пустая трата время»²⁵. При этом параллельно тема использовалась для агитации за вступление в ряды ЧВК «Вагнер»: «Думал пронесет? Не будет мобилизации? Что ж, у тебя пока еще есть время попасть к нам в „Группу Вагнера“!»²⁶

Из военкоров наиболее последовательно за мобилизацию высказался В. Татарский уже 11 сентября²⁷. Однако продвижением этой идеи скорее занимались ТГ-каналы, которые в нашей классификации не являются военкорскими. 10 сентября «ColonelCassad» отметил, что проблема недостаточности войск на театре военных действий, обозначившаяся еще весной, никакими другими мерами не была решена²⁸. 13 сентября «Readovka» поделилась призывом Г. Зюганова ввести всеобщую мобилизацию²⁹. 14 сентября канал «Операция Z: Военкоры Русской Весны» перепостил видео А. Кадырова, который говорил то же самое³⁰. Утром 20 сентября уже и военкор А. Руденко писал, что «присоединение» новых территорий влечет за собой ряд последствий, в том числе и частичную мобилизацию³¹.

Мобилизация и военкоры

Первая реакция

Решение о частичной мобилизации, озвученное вечером 20 сентября, не могло не быть поддержанным абсолютным большинством военкоров, которые представляли себя прежде всего «солдатами сражающейся страны», а потому следовавшими приказам верховного главнокомандующего. Утром 21 сентября вполне лояльно высказался А. Ходаковский, представив решение президента фактически соответствующим его пози-

²² URL: https://t.me/grey_zone/14978.

²³ URL: https://t.me/grey_zone/15036.

²⁴ URL: https://t.me/grey_zone/15040.

²⁵ URL: https://t.me/grey_zone/15085.

²⁶ URL: https://t.me/grey_zone/15088.

²⁷ URL: <https://t.me/vladlentatarsky/16046>.

²⁸ URL: https://t.me/boris_rozhin/63318.

²⁹ URL: <https://t.me/readovkanews/41663>.

³⁰ URL: <https://t.me/RVvoenkor/25992>.

³¹ URL: <https://t.me/RtrDonetsk/9525>.

ции: «„Братья и сестры“ в ограниченном контексте прозвучало, частичная мобилизация запасников объявлена — почти все, как я хотел. Про срочников продолжаю оставаться при мнении, что нечего делать им на передовой»³². Уже вечером он приписал себе и другим военкорам заслугу того, что не была введена всеобщая мобилизация, а звучащая критика умерила аппетиты военных чиновников³³.

Однако это не отменяло возможности критиковать собственно проведение частичной мобилизации. Учитывая общественную остроту вопроса, военкоры, будучи все же радикалами, получали возможность сыграть на доминирующих настроениях и тем самым усилить свои позиции, одновременно выступив защитниками прав мобилизованных и продемонстрировав властям свою эффективность в решении конкретных проблем. Естественно, защита прав предполагала устранение наиболее вопиющих случаев несправедливости при мобилизации, а в целом была направлена на те права, которые обеспечили бы мобилизованным нормальное несение службы.

Отсюда и проистекает в той или иной мере развиваемый образ: «сражающийся народ борется против бюрократии». Достаточно четко эту линию сформулировал А. Ходаковский: «Есть армия — она состоит из народа. Есть военное ведомство — оно состоит из чиновников в погонах. Армию следует оберегать от нападков — военное ведомство следует положить под микроскоп. Каждое действие, приносящее вред сейчас, или на перспективу — должно быть предано огласке. Любые отступления от заявленных критериев мобилизации — преступление перед народом»³⁴. А. Сладков поддержал полностью мобилизацию, но заметил, что без должного обеспечения 300 тыс. мобилизованных «мы потратим их без пользы Родине» (вопрос, насколько можно тратить человеческие жизни «на пользу Родине», он не затронул)³⁵. А. Руденко, говоря про «нацистов», «сатанистов» и «Украину как таран Запада», вообще рационализировал мобилизацию в качестве завершающего шага предыдущих успехов: «Основную работу по уничтожению врага проделали подразделения РФ совместно с ДНР и ЛНР. Враг понес огромные потери, около 100 тыс. убитыми и ранеными. Линия фронта растянулась на тысячи километров и сейчас, чтобы добить врага, нужны мужественные люди, которые любят свою Родину и готовы за нее воевать»³⁶.

Механизмы, нацеленные на принятие мобилизации

В дальнейшем общая стратегия большинства военкоров представляла своеобразные «качели»: с одной стороны, признать и раскритиковать упущения и недостатки, выявленные мобилизацией, обрушившись на военкоматы и военных бюрократов, а с другой — сформировать образ успеха мобилизации. Обратим внимание, что, хотя 27 сентября многие военкоры включились в поддержку врача хирурга-онколога, до этого ни разу не служившего, но получившего повестку³⁷, все же преобладала общая критика мобилизации. Персонализация ее очевидных провалов оставалась частью стратегии оп-

³² URL: https://t.me/aleksandr_skif/2395.

³³ URL: https://t.me/aleksandr_skif/2397.

³⁴ URL: https://t.me/aleksandr_skif/2403.

³⁵ URL: https://t.me/Sladkov_plus/6309.

³⁶ URL: <https://t.me/RtrDonetsk/9715>.

³⁷ URL: https://t.me/aleksandr_skif/2411; URL: <https://t.me/sashakots/36028>; URL: https://t.me/grey_zone/15174.

позиционных СМИ. Публикация советов для мобилизованных³⁸, призывы оказывать народную помощь³⁹, борьба против злоупотреблений, организация каналов связи с мобилизованными (наиболее активно свою деятельность на этом поле представлял В. Татарский) — все это было направлено на то, чтобы обеспечить успех мобилизационных мероприятий, купировать недовольство и насытить конкретикой собственный образ как «голоса вооруженного народа». Сам факт перерастания «спецоперации» в «народное противостояние» лишь приветствовался и всячески поддерживался военкорами.

Риторическая тактика, прежде всего за счет отбора нужных сюжетов (при игнорировании не самых приятных), у каждого из военкоров варьировалась. Так, А. Коц изначально сделал акцент на борьбу с фейками⁴⁰, параллельно вбрасывая тезис, что теперь идет борьба за «свою» территорию: «Мы в ближайшем будущем прирастем новыми территориями — теперь не может быть вопросов, за чью землю мы там воюем. За свою. И никаких иллюзий быть не можем»⁴¹. Затем внимание читателя переключалось на добровольцев, по словам военкоров, заполнивших военкоматы⁴², и примеры успешной работы «гражданского общества», которое реагировало на жалобы мобилизованных, что вело к исправлению ситуации⁴³. Образ добровольцев далее развивался за счет нескольких историй про отца и сына, вместе ушедших воевать⁴⁴, о большом количестве москвичей, отправившихся на передовую⁴⁵. Обратим внимание, что центральным он оказался и для ТГ-канала А. Сладкова⁴⁶. А. Коц в качестве примера должной поддержки со стороны матерей, жен и сестер еще 28 сентября привел новостной сюжет из Севастополя о проводах мобилизованных в учебные части (тот факт, что в случае военных неудач именно жители этого региона оказались бы перед тяжелым выбором, естественно, замалчивался)⁴⁷. На следующий день журналист поделился полученным, по его словам, письмом от анонимной подписчицы из Череповца, матери троих детей, которая готова отправить своего мужа на фронт и клеймит «предателей», бегущих из России⁴⁸. Фактически все эти элементы, на наш взгляд, являются попыткой описать текущую мобилизацию в образах и категориях Великой Отечественной «с поправкой» на работу гражданского общества.

Канал «WarGonzo», весной неоднократно пиаривший «Единую Россию», а в октябре выступивший лидером протеста военкоров против якобы попытки Минобороны запретить их деятельность, также поддержал мобилизацию. Посты содержали советы мобилизуемым и фактически продвигали нормализацию конфликта. Так, 11 октября на 4-минутном видео участник спецоперации по кличке «Воробей» из батальона «Сомали» давал мобилизованным рекомендации. По его словам, практике они научатся на фрон-

³⁸ Например: URL: <https://t.me/epoddubny/12528>.

³⁹ URL: <https://t.me/sashakots/36082>.

⁴⁰ URL: <https://t.me/sashakots/35819>; URL: <https://t.me/sashakots/35829>.

⁴¹ URL: <https://t.me/sashakots/35835>. См. также: URL: <https://t.me/sashakots/36071>.

⁴² URL: <https://t.me/sashakots/35898>.

⁴³ URL: <https://t.me/sashakots/35913>; URL: <https://t.me/sashakots/35914>.

⁴⁴ URL: <https://t.me/sashakots/36280>; URL: <https://t.me/sashakots/36296>.

⁴⁵ URL: <https://t.me/sashakots/36552>.

⁴⁶ Например: URL: https://t.me/Sladkov_plus/6540; URL: https://t.me/Sladkov_plus/6496; URL: https://t.me/Sladkov_plus/6536.

⁴⁷ URL: <https://t.me/sashakots/36069>.

⁴⁸ URL: <https://t.me/sashakots/36077>.

те, а пока не хватает теории об иностранном вооружении, поставляемом НАТО, а также новой тактике действий⁴⁹. 28 ноября с пометкой для мобилизованных «WarGonzo» опубликовал не менее показательное видео, нацеленное на рефрейминг страха погибнуть. Несколько бойцов на камеру рассуждали об опасности привыкнуть к войне и значимости страха как инстинкта самосохранения⁵⁰.

В эту же логику укладывается и репост «WarGonzo» (31 октября) сообщения А. Михеева о том, как его друг решил уйти на фронт при получении повестки, хотя на днях родилась вторая дочь и он имел бронь. Автор намеренно упомянул о переживаниях жены (этот риторический прием еще Р. Барт назвал «прививкой»), в конце подводя читателя к тому, что такой поступок является достойным и отражает равенство всех сражающихся: «А каково жене? А какое решение в подобной ситуации принял бы я? Смог бы поступить так же? Не знаю. Хотя в Донецке у меня немало знакомых (им вовсе необязательно здесь быть), которых дома ждут беременные жены»⁵¹. Общность страданий стала основанием для ответа на вопрос, почему семья для данного мобилизованного должна значить меньше, нежели Родина.

Уже с ноября появилась другая линия информационной работы — уверять читателя, что мобилизация проходит совершенно нормально, а все обнаружившиеся недостатки — незначительны. Ключевой практикой стали не столько материалы представителей власти о поддержке (как например, ТГ-канал поделился постом секретаря «Единой России»)⁵², сколько «видеосвидетельства» самих мобилизованных или сослуживцев. Слишком краткие и отредактированные, чтобы вызвать эмоциональную реакцию, они все равно производили «вот-эффект»⁵³ на смотрящего, без лишних приемов требуя безоговорочной веры. Так, 8 ноября «WarGonzo» поделился видео из «Герои спецоперации Z» с интервью одного мобилизованного, бывшего помощника машиниста, который теперь служит связистом в танковом батальоне. Его мотивация: принесенная присяга, защита Родины и чтобы враги не пришли в родной город⁵⁴. В другом ролике от 18 ноября (канал «Трибунал») отрывки слов мобилизованных убеждали зрителя в их спокойствии и уверенности. Хотя и проговаривалось, что все знают, зачем сюда едут, в действительности рационализация свелась к посылам — «борьба с нацизмом» и «чтобы враг не пришел домой»⁵⁵. 25 ноября появилось еще одно видео о фронтовом быте с мобилизованным из ВДВ, который служит два месяца. Немногословно он подтвердил, что все в порядке, снабжение отличное. Правда, вторая часть видео фиксировала лесную грязь и попытку обустроиться в некоем коллекторе⁵⁶. 26 ноября «WarGonzo» выложил еще одно видео с ветераном чеченских кампаний, занимающимся боевым слаживанием мобилизован-

⁴⁹ URL: <https://t.me/wargonzo/8682>.

⁵⁰ URL: <https://t.me/wargonzo/9492>.

⁵¹ URL: <https://t.me/wargonzo/8977>.

⁵² URL: <https://t.me/wargonzo/9002>.

⁵³ Речь идет об особой подаче преимущественно визуальной информации в Telegram и других соцсетях: зрители просто ставятся перед конкретными фотографиями или видеозаписями, которые призваны без пояснений или рефлексии свидетельствовать о чем-то ввиду «очевидности образа», словно это не медийный контент, а чей-то повседневный, ничем не приукрашенный взгляд на реальность, будто Вы смотрите не чужими глазами. «Вот вам герой», «вот вам бой», «вот вам победа», «вот вам преступление» — вот что пытаются сообщить эти визуальные материалы.

⁵⁴ URL: <https://t.me/wargonzo/9133>.

⁵⁵ URL: <https://t.me/wargonzo/9322>.

⁵⁶ URL: <https://t.me/wargonzo/9446>.

ных. Он говорит о высоком боевом духе, готовности людей выложиться на 100 % и даже отказе от вредных привычек. Особое внимание обращает на разную физическую форму людей и изначальное отсутствие необходимых навыков. Подробный рассказ должен был произвести впечатление, что выявляемые недостатки учитываются, а заключительные слова вселяли надежду, что преодолеваются⁵⁷. 2 декабря «WarGonzo» разместил текст Д. Селезнева о том, что высокие выплаты мобилизованным наконец-то сформируют в России средний класс, который, однако, потребует себе и политических прав, базирующихся на участии в защите страны⁵⁸.

А. Ходаковский, наоборот, стал обрамлять тему мобилизации более широким контекстом: противоречия текущего момента он представлял как поиск основ для будущего существования России. 28 сентября эта мысль еще только формировалась и требовала исторических аналогий. Комментируя волну эмиграции и отмечая уважение к фронтовикам в советское время, он привел историческую аналогию, что в начале Великой Отечественной войны также было много уклонистов: «И уверен, что среди них были и наши деды, которые потом все-таки оказались на фронте, и которыми мы теперь гордимся, потому что они спасли нашу цивилизацию. Все, что мы делаем — мы делаем для наших потомков. Порой мы сами до конца не понимаем происходящего, участниками которого являемся, и нужно только время, чтобы все отчетливо прояснилось»⁵⁹.

Через пару дней мысль приняла более четкие очертания: «Сейчас общество вырабатывает иммунитет к происходящему, формирует механизмы защиты от внешних и внутренних факторов воздействия, создает главные смыслы и форматы мышления. Сталкиваются между собой мировоззренческие платформы, закладывается фундамент нашего будущего существования — молодая по историческим меркам нация вошла в фазу тектонических преобразований»⁶⁰. 11 октября А. Ходаковский признавал, что «раскачка страны» идет медленно, но отмечал: «если речь идет о людях — тут мы на редкость скорые: мобилизация, как оглобля телеги с горы, уже даже подталкивает, набирая скорость большую, чем ноги „мобилизаторов“ и частеформирователей успевают перебирать»⁶¹. Окончательно нужный образ в ТГ-канале выкристаллизовался, когда автор 16 октября описал подготовку мобилизованных на Урале с участием военнослужащих из ДНР: «Пашут все до пены на боках, не дают расслабляться никому, стремясь превратить хаотичный процесс мобилизации во что-то управляемое»⁶².

Обратим внимание, что признание необходимости защитить права мобилизованных у военкоров совмещалось с предъявлением им определенного нормативного образца маскулинности: жалобы отметались в пользу умения самоорганизоваться и проявить себя, преодолевая невзгоды, в том числе вызванные нераспорядительностью начальства. Так, в ролике от 20 октября В. Татарский, обращаясь к поступающим жалобам от мобилизованных по поводу снабжения (отсутствие воды или плохие условия), по-

⁵⁷ URL: <https://t.me/wargonzo/9460>.

⁵⁸ URL: <https://t.me/wargonzo/9554>.

⁵⁹ URL: https://t.me/aleksandr_skif/2412.

⁶⁰ URL: https://t.me/aleksandr_skif/2416.

⁶¹ URL: https://t.me/aleksandr_skif/2432.

⁶² URL: https://t.me/aleksandr_skif/2438.

требовал от них уметь бороться за свои гражданские права: «Ребята, если вы перепуганная дичь — вот вы дичь перепуганная — тогда и с Вами можно делать что угодно, то зачем вы вообще жили, как вы вообще можете воспитывать, там, детей своих. Если вы решили бороться за права, то давайте бороться». Апелляция к образу «нормальных мужиков», умеющих самостоятельно решать возникающие проблемы, стала основанием и для критики подобных жалоб своим родным: «Не смущайте этими дебильными разговорами своих сестер, мужей, матерей, жен, там, дочерей, ну придите в себя, организуйте себе быт»⁶³. Сам Татарский противопоставлял себя таким мобилизованным, рассказывая, как может спокойно спать в блиндаже с крысами.

Другой характерный пример мы находим у «WarGonzo», который 15 ноября перепостил видео из группы «Защитники»: командир батальона «Сомали» заочно критикует мобилизованного А. Лешакова (за несколько дней до этого распространилось видео, как он вступил в перепалку с подполковником из-за плохой подготовки и снабжения, а затем между ними произошла потасовка). Отметая возмущения плохим бронезищитом и слабой подготовкой, комбат сам обвинил А. Лешакова в трусости и страхе ехать на фронт. Упор был сделан на то, что армия строится на единоначалии, хотя при этом комбат проговорился, что право критиковать можно получить, побывав на фронте. Выступление завершалось показательным призывом, в котором проявление инициативы совмещалось с требованием покорности, а также осуждением какой-либо критики: «Сюда приедь, и вон там, вон, на передке, где все громыкает, скажи там свое яркое слово. А если тебе не нравится, на каком ты полигоне занимаешься, раз ты такой умный, сделай себе полигон и занимайся»⁶⁴.

Продолжение критики мобилизации

«GreyZone» в свою очередь продолжил отыгрывать тему мобилизации в рамках общей критики министерства обороны. 24 сентября ТГ-канал писал, что у мобилизованных отнимают собранные для фронта вещи, включая медикаменты, а затем пригрозил публиковать ФИО тех сотрудников военкомата, кто занимается таким «мародерством»⁶⁵. Тема защиты мобилизованных поднималась и в дальнейшем⁶⁶. 25 ноября ТГ-канал вступился за серпуховских мобилизованных, которых без подготовки бросили под Макеевку, после чего те написали обращение. «GreyZone» набросился на тех военкоров и военных аналитиков, которые заняли позицию Минобороны (А. Коц, «Старше Эдды», «Записки Ветерана», Юрий Подоляка), обвинив их в разных грехах: «Таким образом, вместо того, чтобы срочно прислать адекватного офицера к этим серпуховским, чтобы расформировать разгромленное подразделение, распределив личный состав по частям, которые проходят сейчас адекватную подготовку к боевым действиям; вместо того, чтобы начать расследование ответственности руководства данного подразделения, с обязательством обнародовать результаты, эту вооруженную толпу, брошенную руководством, который день предоставленную саму себе, судя по всему готовятся показательно репрессировать, дабы не повадно

⁶³ URL: <https://t.me/vladlentatarsky/16926>.

⁶⁴ URL: <https://t.me/wargonzo/9275>.

⁶⁵ URL: https://t.me/grey_zone/15143; URL: https://t.me/grey_zone/15146.

⁶⁶ URL: https://t.me/grey_zone/15174; URL: https://t.me/grey_zone/15285.

было другим обнародовать свои проблемы. Как это происходит сейчас втихаря ВО ВСЕХ остальных подобных случаях»⁶⁷.

Уже в следующем посте он подверг критике общую ошибочную практику формировать части исключительно из мобилизованных⁶⁸, затем напирал на то, что они — в отличие от контрактников и добровольцев, — ничем не обязаны, и все скандалы с ними связаны с системными провалами армии, за которые должны нести ответственность начальники⁶⁹. Правда, 26 ноября канал рекламировал сайт «Единой России»⁷⁰ для помощи мобилизованным⁷¹.

Тема неготовности мобилизованных развивалась и в дальнейшем. 28 декабря GreyZone поделился рядом наблюдений от «Говорит ТопаZ». Помимо отсутствия боеприпасов указывалось на провал мобилизации, якобы 70—80% не готовы ни в боевом плане, ни в моральном, что ведет, в числе прочего, к скрытым методам саботажа: «Например, мужики освоились и научились играть в „радио игры“, т. е. имитировать в радио эфире выполнение боевой задачи, сидя в уютном и безопасном блиндаже. Со всеми вытекающими победоносными возгласами и паническими воплями»⁷².

Институциональное усиление и логика правого популизма

Формально частичная мобилизация завершилась 31 октября, хотя, судя по материалам прессы, повестки продолжали приходить и позже. В глазах власти военкоры сумели зарекомендовать себя в качестве «представителей вооруженного народа», что позволило наиболее лояльным получить институциональные позиции. В частности, 21 декабря В. В. Путин создал межведомственную группу по взаимодействию между органами власти и мобилизованными гражданами, а также членами их семей. Ее председателем стал А. Турчак, а среди членов мы обнаруживаем военкоров С. Пегова, Е. Поддубного и А. Сладкова. Также в состав группы попал и М. Звинчук (ТГ-канал «Рыбарь»), что говорит о влиянии Е. Пригожина⁷³.

Защита мобилизованных (естественно, ограниченная и неотделимая от принятия тезиса о необходимости вести боевые действия до полной победы) позволяла одновременно и усиливать критику военной бюрократии, и выставлять себя борцами за справедливость. После обстрела Макеевки в новогоднюю ночь, в результате которого погибли десятки мобилизованных, попытки переложить вину на самих пострадавших (якобы они сами включили телефоны) вызвали яростную отповедь у военкоров, проявивших завидную солидарность.

⁶⁷ URL: https://t.me/grey_zone/15925.

⁶⁸ URL: https://t.me/grey_zone/15927.

⁶⁹ URL: https://t.me/grey_zone/15929.

⁷⁰ URL: <http://mobmonitor.ru/#proekt>.

⁷¹ URL: https://t.me/grey_zone/15936.

⁷² URL: https://t.me/grey_zone/16375.

⁷³ Распоряжение Президента Российской Федерации от 20.12.2022 № 420-рп // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212200054?index=6&rangeSize=1>.

Нужно признать, что военкоры не столько пытаются развивать смыслы вокруг СВО, сколько используют «вот-эффект» для демонстрации «повседневной работы» войск, иногда доходя до откровенной игроизации конфликта. Нерелексивные и яркие образы призваны воодушевить и так преимущественно сочувственную настроенную публику, увлечь «механикой» сражений. В отсмотренных ТГ-каналах мы не обнаружили живых историй мобилизованных. В конечном счете и вся забота о них связана, по нашему мнению, с рационализацией использования «живой силы», т. е. люди видятся не более чем ресурсом. И если, например, левые критики всегда разоблачали капиталистическую систему за превращение человека в товар, то здесь правый популизм задействует доступные его адептам риторические ресурсы, дабы вывести из-под рефлексии тот непреклонный факт, что разменной монетой становится жизнь.

Потому наше внимание привлекают рассуждения о гражданском обществе и гражданской активности, проскакивающие в текстах некоторых военкоров. Вероятно, мы имеем дело с еще неотрефлексируемым планом «политического воображения», попытками хоть как-то сформулировать желаемый образ будущего. Но даже здесь не удается довести рассуждение хотя бы до первого логического итога, продемонстрировав мобилизованных как реальных носителей этой «воинственной гражданской нации». Очевидный провал тоже не должен смущать — вся логика событий делает неубедительным заигрывание с такими смыслами.

**ЭДЕЛЬШТЕЙН
МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ**

кандидат филологических наук,
литературовед

КУЛЬТ СМЕРТИ И ПРАВОСЛАВНОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО: Z-ПОЭЗИЯ КАК ОТКЛИК НА МОБИЛИЗАЦИЮ¹

Любая война требует производства высших смыслов — иначе она превращается в бойню. В борьбу за идейное наполнение СВО включились не только пропагандисты, журналисты, философы, политологи и политтехнологи, но и поэты. Хотя поэзия сегодня не пользуется большой популярностью, ей не стоит пренебрегать, ведь удачно найденные образы, структурирующие эмоции, могут быстро стать коллективно разделяемыми. Поэзия дает куда больший простор для творчества и выражения идеалов, чем официальные и журналистские материалы, однако в случае с вооруженными конфликтами всегда есть опасность, что эстетизации подвергнутся сами боевые действия, а это сделает поэзию неотличимой от пропаганды. Мы решили поговорить с одним из лучших российских литературоведов, историком отечественной культуры Михаилом Эдельштейном о таком феномене, как Z-поэзия.

— Кто такие поэты, решившие поддержать официальную линию? Они представляют поэтический мейнстрим или это субкультурное явление? Получилось ли у них выработать какие-то новые смыслы, которые не смогла сформулировать пропаганда?

— Среди них есть выходцы из разных групп. Это люди, живущие на Донбассе. Это литераторы, группирующиеся вокруг Захара Прилепина и его так называемого «хутора» — подмосковного поместья, где проходят литературные школы и вечера. Есть «звезды» вроде Юрия Кублановского, бывшего эмигранта, участника легендарной группы СМОГ, которого в свое время хвалил Бродский. Есть еще один СМОГист, менее известный (и объективно менее крупная фигура) — Владимир Алейников. Православный фланг этой тусовки представляет интересная в прошлом саратовская поэтесса Светлана Кекова. Есть осколки бывшего «Ордена куртуазных маньеристов», шумевшего еще в конце 1980-х годов. Есть там и совершенно случайные люди: телеведущий Влад Маленко, актер Ан-

¹ Интервью у Михаила Эдельштейна взял Константин Пахалюк специально для Социодиггера. Мнение интервьюируемого может не совпадать с мнением редакции.

тон Шагин, известный в основном по главной роли в фильме «Стиляги», «военкор» Семен Пегов — все они также сейчас активно пишут в рифму. То есть это довольно пестрая компания, объединенная только отношением к текущим событиям.

— Чем для них в идейном плане является это противостояние? Создает ли их поэзия собственное единое смысловое пространство или просто рифмует официальную риторику?

— Грань между Z-поэзией и пропагандой провести не всегда легко. Допустим, Светлана Кекова все происходящее облекает в какие-то православные образы: «А со страниц печати европейской / доносятся рычание и лай, / и пишет книгу о войне библейской / для нас Святитель Сербский Николай». Но упомянутый Николай Велимирович и так очень популярен в православно-патриотических кругах, его книгу «Война и Библия» постоянно цитируют на православных форумах. То есть поэтесса никакие новые смыслы не создает, просто рифмует уже готовые и довольно массовые представления. Николай известен, кроме всего прочего, как симпатизант (впрочем, умеренный и с оговорками) Гитлера, фанатичный антисемит, духовный лидер сербских коллаборационистов. Так что вдохновитель для борьбы с «бандеровцами» еще тот. Но это отдельный разговор.

Есть другой фланг. Игорь Караулов, у которого вместо православия — чистая радость от ощущения своей принадлежности к сверхсиле, сверхдержаве: «Давай разделим Польшу пополам / как сладкий айсберг киевского торта. / Ее, дитя версальского аборта, / пора судить по всем ее делам», и проч. Еще то же самое, но более четко, у Дмитрия Мельникова: «До Харькова подать рукой, / потом — рукой подать до Львова». Причем мотивировки никакой, нет даже попытки придумать хоть какой-то ответ на вопрос «зачем?».

Или, допустим, более интересная Анна Ревякина, уроженка Донецка, пытающаяся создать мифологию сражающегося Донбасса.

— За счет чего создается такая мифология?

— У Ревякиной это сочетание религиозной образности, мифологии «шахтерского края» и «жертвенного Донбасса» после 2014 года. Иногда это дает поэтический результат.

А Анна Долгарева — это, наверное, самое популярное имя среди Z-поэтов, — «подключает» Донбасс к славянской мифологии, где умершие воины исчезают за рекой Смородиной, и т. д. Плюс у нее более или менее постоянный образ лирической героини — абсолютной женщины, всеобщей матери и жены, благословляющей уходящих в последний путь. И это накладывается на сентиментальную поэтику «профессиональной плакальщицы», как определила ее одна моя коллега, раньше писавшей про погибших на турнирах рыцарей и тусовавшей в соответствующих сетевых группах. Это, кстати, важный источник и Z-поэзии, и вообще всего происходящего на Донбассе — ролевика, реконструкторы, перевернутый Толкиен, где «мы» за орков, а не за эльфов, приписавших себе моральную правоту.

— Этот образ орков, который я тоже замечал, «наш уютный Мордор» — это переигрывание украинского дискурса или же некое самобытное явление?

— И то, и другое. Известно, что существует довольно большое количество фанфиков, в том числе ставших книгами, где переписывается история толкиеновского мира с точки зрения темных сил. Скажем, Кирилл Еськов, не имеющий никакого отношения к той тусовке, которую мы сейчас обсуждаем, написал в свое время роман по мотивам «Властелина колец», исходя из предпосылки, что Толкиен — это эльфийская пропаганда. Постепенно это наложилось на представление о том, что «Властелин колец» задумывался как то ли антифашистская, то ли антикоммунистическая книга, то есть это типичный пример «истории победителей», а мы должны разбить эльфийский дискурс. Так то, что было сначала игрой и литературным экспериментом, наложилось на ресентимент. В результате получается, как у поэта Дмитрия Артиса, в конце 2022 года отправившегося на войну добровольцем, «Светлоликие эльфы с дырой в голове / саранчой налетели на Мордор».

— Во всем этом можно увидеть переигрывание неоконсервативного дискурса, общего и для трампилистской Америки, и для путинской России. Эта попытка совмещать обращение к традиции с революционностью, но при этом атаковать идеалы эпохи Просвещения. Срывая покровы лицемерия, неоконсерватизм вовсе не зовет строить справедливый мир, он ехидничает о неустранимости иерархии и несправедливости. «А там еще хуже» — типичный аргумент. Или те же самые рассуждения Суркова про глубокий народ. И в этом изложении Z-поэзии я не вижу идейной оригинальности — просто эстетизация определенных политических воззрений.

— Там есть правоконсервативный реванш, есть и ностальгия по советскому прошлому. Много общего для правых и левых популистов-конспирологов желания «хакнуть систему», изменить несправедливо устроенный мир.

Конечно, активно эксплуатируется традиция фронтовой поэзии времен Великой Отечественной. У Ольги Старушко, скажем, есть стихотворение «Симонов и Сельвинский стоят, обнявшись...», где история Мариуполя проецируется на Вторую мировую и Холкост. А известное в этих кругах стихотворение Мельникова «Напиши мне потом, как живому, письмо...» — по сути, вариация на тему «Я убит подо Ржевом...» Твардовского. Есть приехавший из Латвии публицист Вадим Авва, он устраивает поэзоконцерты, где читает вперемешку Z-поэтов и поэтов военного поколения: Друнину, Матусовского. И все это на фоне видеоряда, где чередуются кадры СВО и Великой Отечественной.

— Если мы заговорили о поэзии времен Великой Отечественной войны, то она отсылает к идеям народной войны, справедливой обороны. Это поэзия о страданиях, переживаниях, мужестве и подвиге, но всегда в тени более высоких смыслов. Однако сейчас так не получается, это другая история. Предположу, что ее поэтическое осмысление ближе к войне в Афганистане. Образы мужества, братства, товарищества — различных добродетелей, которые, однако, никак не удается обобщить как служение более высоким ценностям.

— Мне кажется, что на самом деле люди, о которых мы говорим, большинство из них искренне убеждены в своей правоте. Они верят в то, что России противостоит некое политическое или даже метафизическое зло, авангардом которого является Украина, что «русский мир» несет добро.

— Как же тогда отождествление с образом Мордора?

— Это все же ирония в адрес «чужой речи», когда лицемерные эльфы оказываются на деле убийцами и насильниками. То есть они нас объявили орками, ну что ж, мы станем называть себя так же. Но понятно, что это такая постмодернистская ирония, а на самом деле мы жертвы эльфийской пропаганды.

В то же время есть, скажем, стихотворение донецкого священника Дмитрия Трибушного про «воскресших на Третьей мировой». Понятно, что Третья мировая, на которой воскресают, — это битва апокалипсиса. И это стихотворение заканчивается строками: «Зарытые в планету как зерно / Для будущих счастливых поколений». И в этой новозаветной образности уже нет сомнений, кто добро, кто приносит себя в жертву будущим поколениям.

— *Пытаются ли осмыслить эти сторонники СВО будущий апокалипсис?*

— Надо сказать, что в религиозном смысле там все довольно эклектично. Есть библейская метафорика, есть Валгалла, есть восточная мистика. В общем, «ни Христа, ни Перуна, ни Тора», как написала одна питерская поэтесса. Ощущение, что мы ведем борьбу, полную каких-то религиозных смыслов. Но более ярко и последовательно выражена идея, если угодно, мировой революции в духе 1920-х годов, только на других основаниях. Примерно как у Михаила Светлова: «Походные трубы затрубят на Запад, / Советские пули дождутся полета».

— *Кто читатель этой поэзии?*

— У нее, безусловно, есть свой читатель и слушатель. На поэтические вечера приходят несколько десятков человек, иногда даже несколько сотен — для поэтических чтений число изрядное. Кажется, продано больше 6 тысяч экземпляров антологии Z-поэзии «Воскресшие на Третьей мировой». Для поэтической книги это опять же более чем прилично. Другое дело, что в масштабах страны что несколько сот экземпляров, что несколько тысяч — примерно одинаково. Это ничего не говорит о проценте поддерживающих, скорее о наличии некой сплоченной группы, у которой есть запрос на патриотическую мобилизацию, на литературное оформление этой мобилизации и которая читает, скажем, прилепинский Telegram-канал с 300 тысячами подписчиков.

Кстати, если уж мы упомянули эту антологию, должен сказать, что ее название кажется мне не вполне честным. Третья мировая — это красиво, но на самом деле в головах этих людей продолжается Вторая мировая. Вот как есть популярная у либеральной интеллигенции фраза, что мы живем в нескончаемом 24 февраля, так у Z-публики бесконечно продолжается 9 мая. И вся их картина мира подчинена этому вечному повторению.

— *То есть фактически выйти за пределы того, что предложил официальный дискурс, они не смогли?*

— Я бы сказал, что они расцветивают его какой-то мифологией, но базовые смыслы, конечно, те же. Тут еще дело в том, что власть сама активно черпает из мифологического и религиозного арсенала, так что даже ключевые метафоры уже задействованы. Если Дмитрий Медведев рассуждает о «геенне огненной» и нашей «сакральной мощи», а Рам-

зан Кадыров обогащает русский язык словом «дешайтанизация», что остается поэтам? Или, скажем, в этой поэзии много того, что феминистки назвали бы «токсичной маскулинностью»: представления о том, что война — это правильное мужское занятие, что гибель на войне делает тебя героем.

Другое дело, что у этих поэтов иногда проговаривается главное: фрейдовский Танатос, воля к смерти, бескорыстный восторг перед ней, составляющий глубинную суть Z-поэзии наряду с таким же чистым восторгом перед мощью государства, нации и территориальным приращением империи. У Z-поэтов есть такое странное свойство: когда они по-настоящему начинают говорить о смерти, оформлять какую-то мифологию смерти — у них внезапно появляется поэтическое качество.

Скажем, есть совершенно ужасные стихи Марии Ватутиной (если смотреть на них через профессиональную оптику), представляющие собой плохо рифмованную журналистику. И вдруг одно четверостишие: «Мы, как стебли, выстреливающие за почкой почку, / Прорастаем мертвые через тугую почву, / Мы поднимаем голову, нас начинают слышать. / Скоро мы будем княжить — скоро мы будем книжить». Вот этот довольно жуткий образ — воскресшие мертвецы, нежить, пришедшая княжить, — исполнен поэтически просто хорошо, «тугая почва» — отличный эпитет. А дальше опять полная ерунда.

— *Каким-то образом эта поэзия отозвалась на введение мобилизации?*

— Поэтических откликов я, честно говоря, не припомню. Но это и естественно: они давно ощущали себя мобилизованными, для них ничего не изменилось. Я в начале 2000-х годов работал в «Русском журнале» Глеба Павловского, и там печатался среди прочих среднеизвестный к тому моменту публицист Егор Холмогоров. Невозможно было представить, что через 20 лет серьезные люди будут обсуждать, читает ли Путин Холмогорова и если да, то не находится ли под его влиянием. Так вот Холмогоров в «Русском журнале» печатал цикл статей под названием «Тотальная мобилизация».

Ну, или вспомним Захара Прилепина, который неоднократно говорил, что правильная жизнь — это жизнь в осажденной крепости. Мужчины воюют, женщины перевязывают раненых, дети тут же — все при деле. И вся жизнь подчинена этому распорядку войны, ощущению мобилизованности, внутренней и внешней.

— *Сама поэзия как-то эволюционировала с сентября-октября?*

— Мне кажется, что нет. Мобилизация активно обсуждалась в соответствующих Telegram-каналах, статьях, группах в соцсетях, но в стихи практически не попала.

— *Это очень интересно, потому что значительная часть России изменилась и преобразовалась с мобилизацией. Это, скажем так, одна из реперных точек ситуации, важная для ее понимания, для понимания того, как она влияет на общество, на социальное пространство. В то время как Z-поэзия, по сути, живет жизнью «военкоров».*

— Ну конечно, это и есть по большей части рифмованное «военкорство». Но я здесь позволю себе выступить адвокатом дьявола. Мне кажется, то, что они этого не заметили, — это, скорее, аргумент в пользу их искренности и последовательности. Z-поэтов

часто обвиняют в том, что они сидят на диване и призывают других идти на Донбасс, а мы, мол, воспоем ваши подвиги и вашу гибель. Упрек отчасти справедливый — кстати, выдвигают его не только идейные противники, но и донбасские литераторы, которые совсем уж графоманы даже по меркам Z-антологий, так что их туда не берут, а они обижаются. Так вот то, что Z-поэты не заметили мобилизации, доказывает, мне кажется, что они сами давно живут в состоянии внутренней мобилизованности. В этом есть некоторая психологическая последовательность. Для них мобилизация не стала поэтической темой, потому что это их естественное состояние.

— А как Z-поэзия отражает, осмысляет тему страданий человека в условиях боевых действий?

— Практически никак. Там этого нет до такой степени, что Z-литератору Александру Пелевину приходится специально подчеркивать, что у его единомышленников «четкий антивоенный посыл», что они пишут стихи о том, «что война — это плохо, больно и тяжело». На мой взгляд, это чистая выдумка, нет там такой темы, просто нет. Можно подобрать несколько цитат, но как большой поэтической темы, равной по значимости темам героической гибели, священной войны и имперского восторга, темы страданий, «плохости» войны у них не существует.

Если же тема гибели мирных жителей появляется, то она как бы повисает в воздухе — без причин, без следствий, как в стихах Ольги Старушко о Мариуполе или в интервью Антона Шагина: «Мы отправились в Мариуполь. Я испытал такой шок! Не передать словами. Город разбитый, в одном из районов стоит трупный запах». И все, никакого осмысления нет и быть не может в рамках этой поэзии и порождающего ее мышления. А что там случилось, откуда «трупный запах», откуда «ров Мариуполя с мирными», описываемый Старушко? Не дает ответа. И не даст, разумеется. Либо это будет откровенная нелепость, вроде стиха Маленко про тот же Мариуполь: «Восемь лет гулял здесь натовский капрал, / Лучших девочек-подростков выбирал».

Но, повторюсь, куда важнее здесь мотив героической гибели, которая ложится в основание победы и гарантирует бессмертие. Это может быть откровенное язычество, это может быть патриотически транскрибированное христианство — суть не меняется. В случае с христианством происходит цепочка замен, подмен, когда сначала в словосочетании «православное христианство» ударение делается на слове «православное», потом в сочетании «русское православие» ударение делается на слове «русское», и так далее. В итоге получается, что христианство — это такая патриотическая русская религия, где главные святые — это мифические Пересвет и Ослябя и не менее мифическая Матрона с ее мифическим благословением Сталина.

— Правильно я понимаю, что это христианство без универсализма?

— Да, конечно. И когда эти люди говорят, что в их дивном новом мире востребованы будут воин, поэт и монах, а не торгошники, брокеры и светские хроникеры, как раньше, то это, по сути, передергивание. Поэт там будет нужен постольку, поскольку он готов воспевать ратные подвиги, а монах — поскольку он готов стать капелланом и на эти подвиги благословлять. А по-настоящему востребован только воин.

Эта психология не нова. Она укоренена с одной стороны в традиционализме, с другой — в советской литературе, особенно в ранней. У поколения комсомольских поэтов 1920-х годов убийство было самоцелью, об этом много писали, полнее прочих — наверное, Анатолий Якобсон. «За Чертороем и Десной / Я трижды падал с крутизны, / Чтоб брат качался под сосной / С лицом старинной желтизны» (Джек Алтаузен). Оттуда же упоение собственной железностью в духе тихоновского «Мы разучились нищим подавать» и «Гвозди бы делать из этих людей». Я думаю, в этой литературе Z-авторы находят не только идейные ориентиры, но и эмоциональные.

— Давайте вернемся к содержанию Z-поэзии. Кто является субъектом противостояния? Понятно, с той стороны нацизм и дьявол, а с нашей орки, кто еще? Есть ли попытка сформировать образ «народности и народного характера» противостояния? Попытаться его каким-то образом выделить, сконструировать, представить?

— Нет, народного характера нет. Есть такой пример, не совсем из Z-поэзии, но, в общем-то, недалеко. Возьмем известный хит Шамана «Я русский». В этой песне поражает полное отсутствие конкретики. «Я русский всему миру назло» — и все тут. Сравним, скажем, с легендарной песней Тото Кутуньо «Italiano vero», которая примерно о том же. Текст Кутуньо полон каких-то конкретных примет Италии 1980-х годов: спагетти аль денте, особый кофе, старенький фиат, тиффози. И даже ксенофобия у него вполне понятная и по определенному поводу: мол, одни американские звезды на рекламных плакатах. У Шамана ничего подобного. Абсолютная абстракция, не наполненная ничем. Это касается и Z-поэзии. Кроме «мы русские, с нами Бог, мы будем княжить», в ней нет никакого положительного содержания, никакого образа этого «мы». Никакой попытки создать действительно национальную мифологию.

— Если представить, что уже прошло лет 10—15, — я понимаю, что это такой уже фантазийный вопрос, но все же: что скажут литературоведы и читатели, оглядываясь назад, в чем своеобразие этой поэзии?

— Я думаю, что она более или менее забудется, просто потому что там фактически нет крупных поэтических имен. Но если в учебнике русской литературы начала XXI века все же будут какие-то полстранички, то, думаю, там будет написано примерно о том, о чем мы говорили: о воскресшей архаике, о культе гибели на войне и самой войны. Отчасти это напоминает Первую мировую — тогда, особенно в начале, тоже было полно такой барабанной дроби ради барабанной дроби. Другое дело, что после Первой и особенно Второй мировой, после всех дискуссий о вине, ответственности, страданиях такая поэзия имеет еще меньше оправданий, чем имела тогда.

Неслучайно довольно часто в дискуссиях на эту тему тебе отвечают что-то вроде: «Ну, Гомер же воспевал битвы, героев». Можно сколько угодно сомневаться в теориях прогресса, говорить о неизменности человеческой природы. Но все же после Гомера человечество проделало некоторую мыслительную и эмоциональную работу. Был Толстой с «Войной и миром» и «Хаджи-Муратом», были Ремарк и Хемингуэй, был Генрих Белль, скажем.

**АЛИКИН
АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ**

магистр философии,
независимый исследователь

ЧТО Z-ПОЭЗИЯ ГОВОРИТ НАМ О БУДУЩЕМ¹

Осенью 2022 года вышли два сборника, которые оформили Z-поэзию и сообщество вокруг нее. Первый, «Поэзия русского лета», получил широкую медийную поддержку, однако для читателя был почти недоступен, поскольку электронной версии не имел, а печатная не продавалась нигде, кроме фирменного магазина RT.

Второй сборник, «Воскресшие на Третьей мировой», — уже не только корпоративный, но и литературный, даже программный проект. Введение к нему выступает одновременно презентацией и претензией: сборник объявляется поэтическим прорывом, продолжением солдатской песни времен Великой Отечественной войны, «заставляющей самые разные идентичности и общности чувствовать себя единым народом». Между строк явно читается: перед авторами сборника стоит та же задача.

Но есть и вторая задача, тесно связанная с вопросами идентичности: формирование образа будущего. Решить ее непросто, в российской пропаганде такой образ отсутствует до сих пор. Тем интереснее попытки Z-поэтов нащупать его очертания.

Обратимся к стихотворению Максима Замшева. Начинается оно размышлениями о разрыве между петровской и современной Россией:

*В Петербурге бывая, я думаю, что государь
Нам построил его, чтоб мы знали: за нами держава,
Что за нами всегда остается священное право
За нее умирать. Мой отныне хромает словарь.
Как писать о великом Петре, я не ведаю больше...*

Но затем разрыв случается и в тексте, автор вдруг вспоминает про современность:

*А военное солнце без света и жалости жарит,
Ничего нам оно не вернет, ничего не подарит.
Не запомнят зимы опаленные пламенем птицы.
Наши окна в Европу давно превратились в бойницы.*

Интересно, что игра с метафорой окна в Европу могла бы пойти совсем иным путем, в духе романов Сорокина: наши окна — бойницы, мы отгородились стеной от Запада,

¹ Мнение автора может не совпадать с мнением редакции.

а значит, лучше поняли, кто мы такие; мы независимы, сильны и едины. Но нет, военное солнце ничего не подарит, и автор это вполне осознает.

Подобный разрыв наблюдается и в тексте Сергея Калашникова, в котором бравурное настроение вдруг сменяется апатичным:

*Кутузов поднял АКМ
и победил-таки французов,
поляков, немцев — насовсем,
под гимн Советского Союза,
под звуки всяких марсельез.
Но хлещет кровь непоправимо:
мы погибаем — и всерьез,
а Родина проходит мимо,
несется время в никуда
и черное восходит солнце
над нашей головой, когда
никто из боя не вернется...*

Иногда место пустоты занимает продолжение борьбы. Например, за чистоту своих рядов, как у Ольги Старушко: «но верю — доживу до звёздного их часа, / когда придёт черёд освобождать Москву». Иногда положительный образ все же встречается, но настолько общий и бессодержательный, что, в сущности, тоже пустой: «Родина будет большой, богатой, / Мирной на все века». Пустота — тайная или явная, апатичная или бравурная, встречается почти всегда, когда речь заходит о будущем.

И это одна из трех особенностей Z-поэзии, которая меня поражает больше всего. Вторая — ее саморазоблачающий характер, когда поэт пишет о взятии города, хотя, по внутренней логике, должен писать об освобождении. Или когда цитируются строки советской песни, восходящие к словам Сталина («Чужой земли мы не хотим ни пяди, / Но и своей вершка не отдадим»), но при этом они сплющиваются и искажаются: «Своей земли не отдадим ни пяди».

А третья особенность — это то, насколько Z-поэзия напоминает попаданческую литературу. Сходство наблюдается и на уровне приема (Кутузов, побеждающий недругов при помощи автомата и гимна СССР — чем не фабула попаданческого романа), и на уровне хронотопа (зацикленность на прошлом и страх перед будущим), и на уровне транслируемых идей (имперскость, реваншизм и так далее). И на уровне задач — некоторые авторы попаданческой прозы считают, что своими произведениями они пытаются установить консенсус вокруг «неудобного прошлого», разрешить исторические конфликты, которые до сих пор влияют на нас. Правда, я склонен считать, что вместо разрешения конфликтов чаще всего выходит их эксплуатация и культивирование комплексов. Тем не менее такое сходство Z-поэзии и попаданческой прозы не случайно и требует отдельного исследования. Между этими жанрами нет литературной связи, зато, вероятно, они связаны общей травмой². Мне кажется, что такой взгляд придает Z-поэзии един-

² Чего хотят попаданцы, или Парадоксы исторической памяти // N+1. URL: <https://nplus1.ru/blog/2022/10/14/ti-popal-popadanets>.

ственную возможную ценность: с помощью ее анализа мы можем посмотреть на людей и общество, попытаться понять, почему для значительной его части стали привлекательны идеи самоотречения от жизни и влечения к смерти.

Помните задачу, которую видели перед собой составители сборника и Z-поэты? Заставить людей с разными идентичностями и принадлежащих разным общностям чувствовать себя единым народом. Почему-то не дать возможность и даже не позволить, а именно заставить. Реализацию этой установки мы наблюдаем и в поэтическом, и в политическом поле.

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ «МОБИЛИЗАЦИЯ. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ»

СКАЧАТЬ

БОЛЬШЕ ДАННЫХ В ОТКРЫТЫХ БАЗАХ НА САЙТЕ ВЦИОМ

[«Спутник»](#) (с января 2017 г. по настоящее время)

[«Архивариус»](#) (с 1992 г. по настоящее время)

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА. ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ

Анна Кулешова
главный редактор
и редактор по работе с авторами

Яна Гудкова
формирование тематической
подборки данных ВЦИОМ

Анна Кокарева
редактор, корректор

Ирина Упадышева
редактор, корректор

Антон Соляев
верстка

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

wciom.ru

monitoringjournal.ru

[@WCIOMofficial](https://t.me/WCIOMofficial)

[@wciom](https://twitter.com/wciom)

[@wciompage](https://vk.com/wciompage)

[@wciom](https://www.youtube.com/wciom)

[Я.Дзен ВЦИОМ](https://yandex.ru/dzen/wciom)

[Подкасты ВЦИОМ](#)